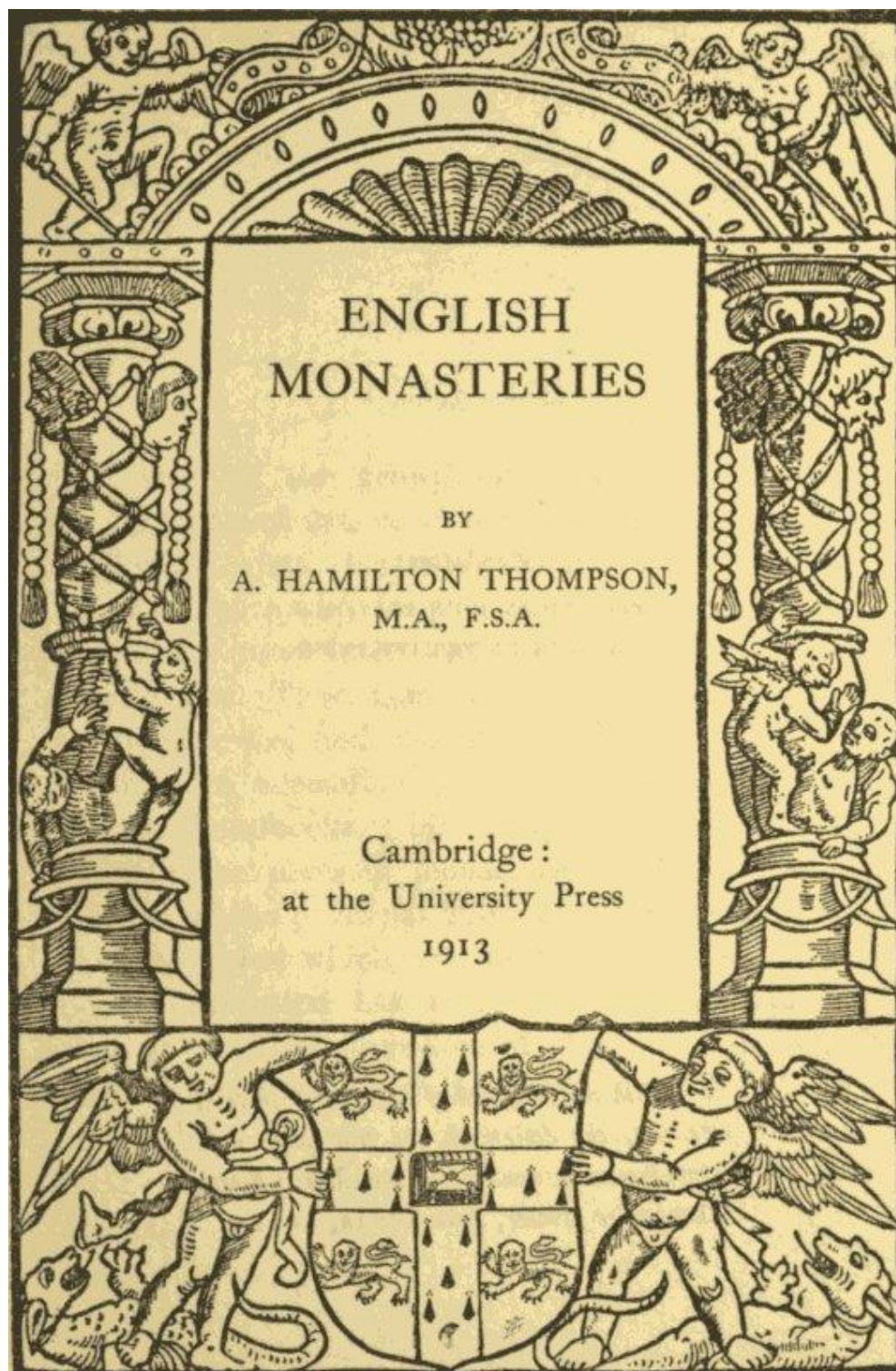

Английские монастыри

А. Гамильтон Томпсон

Электронная книга проекта "Гутенберг" об английских монастырях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Английские монастыри

Автор: А. гамилтон томпсон

Дата выхода: 31 августа 2015 г. [Электронная книга № 49832]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено MWS и командой онлайн-корректур по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АНГЛИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ" ***

Кембриджские руководства по науке и литературе

АНГЛИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА в Лондоне: ФЕТТЕР ЛЕЙН, Э.К. К. Ф. КЛЕЙ, менеджер

Эдинбург: ПРИНСЕС-СТРИТ, 100

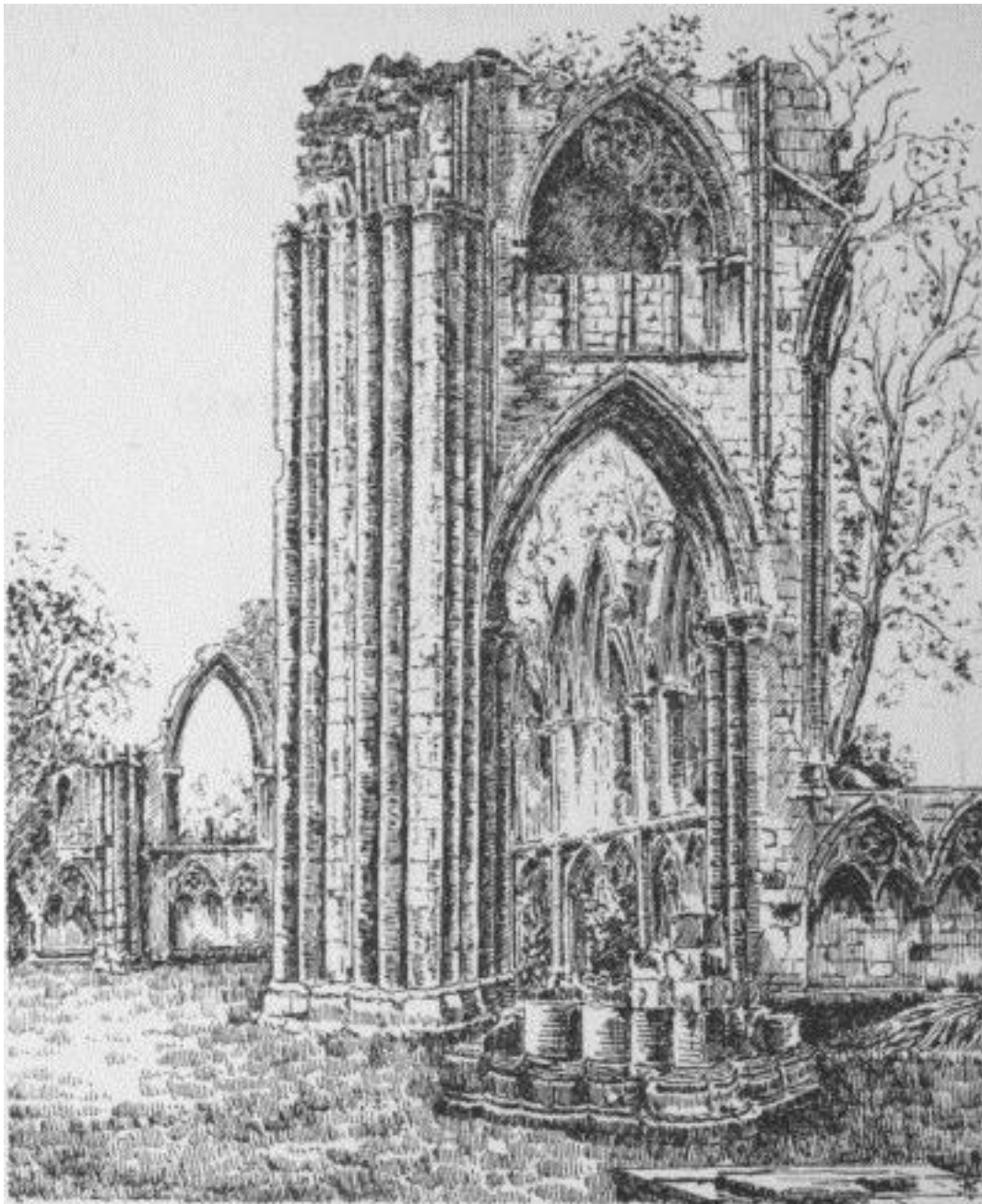
Берлин: А. АШЕР И КОМПАНИЯ.

Лейпциг: Ф. А. БРОКГАУЗ

Нью-Йорк: СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

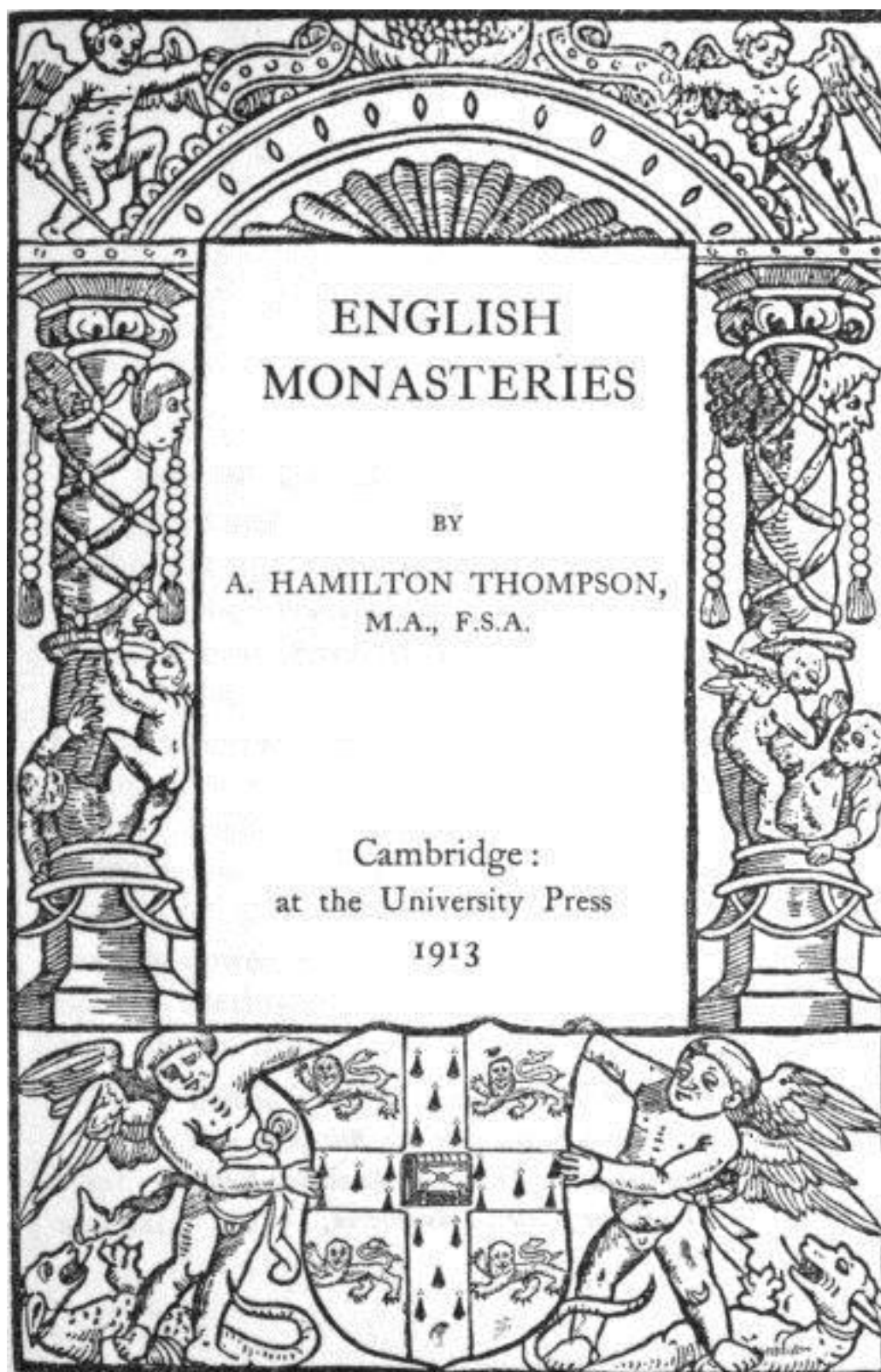
Бомбей и Калькутта: MACMILLAN AND CO., Ltd.

Все права защищены

АББАТСТВО СВЯТОЙ Марии, ЙОРК.

Переход, северный трансепт и северный проход нефа.

Кембридж: НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ КЛЕЕМ, магистром ФИЛОСОФИИ В UNIVERSITY PRESS

За исключением герба внизу, рисунок на титульном листе является репродукцией рисунка, использованного самым ранним известным кембриджским печатником Джоном Сиберчем в 1521 году

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ввиду роста интереса к средневековой истории и искусству, столь заметного в последние годы, думается, что этот небольшой том может удовлетворить потребности тех, кто желает узнать что-нибудь об одной из самых интересных сторон жизни средневековья. Нет недостатка в литературе, касающейся монастырей, и общие факты монастырской истории доступны обычному студенту в различных справочниках. Однако монографии, в которых описываются планы монастырей, расположение и использование основных зданий, существуют по большей части в более труднодоступных формах. Поэтому в данном случае особое внимание было уделено вопросу планировки, и мы надеемся, что посетители руин наших английских религиозных домов, желающие получить некоторое представление об их различных частях, смогут найти некоторую помощь в этом руководстве.

Автор хотел бы с благодарностью поблагодарить за помощь свою жену, которая отвечает за планы и иллюстрации. Мастер Эммануэля, главный редактор серии, любезно ознакомился с корректурами и внес ценные предложения. Книга также получила большое преимущество от прочтения и критики г-на У. Х. Сент-Джона Хоупа, доктора литературоведения, D.C.L., доброте и образованности которого автор глубоко обязан. Некоторое представление о том, чем изучающие английскую монашескую жизнь обязаны мистеру Хоупу, можно получить из библиографии в конце этого тома. Также выражаем благодарность редакторам журнала *Archaeological Journal* за разрешение опубликовать план аббатства Хогмонд (стр. 114), составленный мистером Х. Брэкспиром, F.S.A., в *Archaeol. Журнал*, том. LXVI.

А. Х. Т.

Греттон, Северная Каролина.
12 апреля 1913 года.

Содержание

ГЛАВА I

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА

§ 1. Средневековый монастырь. 2. Рост монашества на востоке. 3. Зачатки западного монашества: Италия, Галлия и Ирландия. 4. Правление святого Бенедикта. 5. Орден бенедиктинцев в Англии: раннесаксонские монастыри. 6. Датские вторжения и монашеское возрождение. 7. Монашество после нормандского завоевания. 8.

1-39

Бенедиктинские аббатства и приораты. 9. Приораты чужих домов. 10. Ключийский орден. 11. Картезианский орден. 12. Ордена Тирона, Савиньи и Гранмона. 13. Основание и рост цистерцианского ордена. 14. Цистерцианские монастыри. 15. Монахи и *обращенные*. 16. Порядок следования канонов: светские главы. 17. Августинские каноны. 18. Премонстратианские каноны. 19. Орден Семпрингема. 20. Женские монастыри. 21. Упадок регулярных орденов. Монахи. 22. Монастырская собственность: приходские церкви. 23. Монастыри как землевладельцы: финансовая депрессия. 24. Моральное состояние монастырей. 25. Количество насельников монастырей. 26. Подавление монастырей. 27. Остатки и развалины монастырских построек

ГЛАВА II

МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

§ 28. Разделение территории монастыря: варианты плана. 29. План церкви и монастыря: основы управления церковью-план. 30. Общее устройство церкви. 31. Восточная ветвь церкви: планы англо-нормандских бенедиктинцев и ключийцев. 32. Пресвитерия и квайр. 33. Трансепт-часовни. 34. Расширение восточного рукава с нефами. 35. Неф: дверные проемы для процессий, алтари и ширмы. 36. Церковное использование нефа. 37. Обычный цистерцианский план: пресвитерия и трансепты. 38. Цистерцианские пресвитерии с нефами. 39. Цистерцианские трансепты. 40. Устройство цистерцианского нефа. 41. Влияние цистерцианцев на планировку канонических церквей. 42. Приделы и пресвитерии с проходами в канонических церквях. 43. Нефы с одиночными проходами в канонических церквях. 44. Безымянные ступицы. 45. Внеплановые планы: церкви монахинь, картезианских монахов, монахинь-гильбертинцев и каноников

ГЛАВА III

МОНАСТЫРЬ И ЕГО ЗДАНИЯ

§ 46. План и расположение монастыря. 47. Монастырь -прогуляйтесь рядом с церковью. 48. Восточный хребет: гостиная. 49. Здание капитула: его использование. 50. Варианты плана здания капитула. 51. Подвал общежития: сокровищница и общий дом. 52. Лестница общежития. 53. Дортуар и повторный дортуар. 54. Здания напротив церкви: братство. 55. На кухне. 56. Монастырская уборная. 57. Западный ряд: здание келаря и его верхний этаж. 58. Исключительное использование западного хребта: Вустер, Дарем и Исби

ГЛАВА IV

ЦИСТЕРЦИАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И Т.Д.

§ 59. План восточного хребта: ризница и библиотека. 60. Цистерцианский капитул. 61. Гостиная, лазаретный коридор и нижняя спальня. 62. Спальня, повторная спальня и дневная лестница. 63. Гряда напротив церкви: план братства. 64. Устройство теплицы и братства. 65. Кухня: удобство ее расположения на плане. 66. Западный хребет: здание келаря и дом братьев-мирян. 67. Более поздние изменения в цистерцианском плане: мизерикорды в монастыре. 68. Планы домов каноников, монахов и т.д.: их сходство с обычным бенедиктинским планом. 69. Картезианские дома: план Маунт-Грейс

ГЛАВА V

ЛАЗАРЕТ И ВНЕШНИЙ ДВОР

§ 70. Объекты лазарета. 71. Здания и расположение лазарета. 72. План и обустройство 113 -

зала лазарета. 73. Кухня лазарета и мизерикорд. 74. Жилище аббата: цистерцианские обычаи. 75. Жилища аббатов и приоров в других орденах. 76. Гостевые дома: подразделение гостеприимства. 77. Внешний двор или <i>курия</i> : цистерцианские входные площадки. 78. Сторожка у ворот. 79. Благотворительность и ее применение	132
ГЛАВА VI	
ДИСЦИПЛИНА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ	
§ 80. Служители монастыря: послушники. 81. Монашеский день и его подразделения: ночное служение. 82. Служения и работа по утрам летом. 83. День от секста до повечерия. 84. Организация дня зимой: вариации повседневных обычаев. 85. Картезианский день	133 - 142
Библиография	143
Указатель	149

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

РИС.	СТРАНИЦА	
	Аббатства Святой Марии, Йорк. Перекресток, северный трансепт и северный проход нефа	<i>Фронтиспис</i>
1.	План кафедрального монастыря Кентербери (в честь профессора Уиллиса)	40
2.	Аббатство Кройленд: сводчатый экран и неф с ю.э.	50
3.	План типичной цистерцианской церкви, демонстрирующий первоначальную форму и более позднее расширение на восток	56
4.	Аббатство Тинтерн: северный трансепт и пресвитерия, показаны дверные проемы в дортуар и ризницу	60
5.	Монастырь Маунт-Грейс: арки-башни и неф с Северо-Востока	69
6.	Глостер: южная аллея монастыря с монашескими приделами	74
7.	Бристоль: здание капитула, смотрящее на Запад	78
8.	Вустер: уборная на западной аллее монастыря	88
9.	Дарем: потолок дортуара (ныне библиотека капитула)	93
10.	Аббатство Нетли: южный трансепт и южный проход нефа, показаны дверные проемы в ризницу и дортуар, а также восточный дверной проем для процессий	96
11.	Аббатство фонтанов: план	102
12.	"целлариум, смотрящий на север	106
13.	Аббатство Хогмонд: план	114
14.	Питерборо: лазарет, выходящий окнами на запад	118
15.	Монастырь Киркхэм: сторожка	130

ГЛАВА I РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА

§ 1.

Монастырь - это сообщество мужчин или женщин, посвятивших себя служению Богу и соблюдающих установленные правила. Монашеские правила жизни различались по строгости и деталям; в то время как каждая община дополняла правила своего ордена своим собственным кодексом обрядов. Цель, однако, у этих разных правил и кодексов была одна. Общим термином для монашеской жизни была "религия" (*religio*): "религиозный" (*religiosus*) был связан тремя обетами: бедности против обмана мира, целомудрия против похотей плоти, послушания против сетей дьявола. Его главной обязанностью было принимать участие вместе со своими братьями в чтении канонических часов и в совершении ежедневных месс. Часть своего дня он отводил для медитации в монастыре; но все свободное время посвящал труду. Деловые дела монастыря привели некоторых верующих в соприкосновение с практической стороной жизни. Другие нашли свое призвание в ручном труде на полях или в мастерских, в то время как определенное количество посвятили себя литературной работе в монастыре.

§ 2.

Правило святого Бенедикта, на котором был основан западный монашизм, проводит различие между четырьмя классами религий. Из них двумя главными были кенобиты, монахи, живущие общиной (*coenobium*) под властью правителя, и отшельники, которые ушли (*ἀναχωρεῖν*) от мира, чтобы вести уединенную молитвенную жизнь. Это были источники двух основных течений христианского монашества. Естественно, первыми возникли отшельники. За ними последовали кенобиты и объединение отшельников в монастырях. Развитие *ценобии* было постепенным. Около 305 года нашей эры святой Антоний открыл "лавры" (*λαύραι*) северного Египта, монастыри, в которых каждый отшельник жил в своей отдельной келье и собирался на общие службы только по субботам и воскресеньям. Несколько лет спустя святой Пахомий основал свой первый *монастырь* в Табенниси на юге Египта. Здесь социальный принцип был организован более полно: общие службы в церкви были более частыми, а труд признавался важным фактором монашеской жизни; но монахи по-прежнему жили отдельно. Следующий шаг был предпринят святым Василием, который около 360 года основал *обитель* близ Неокесарии. Его правление привнесло идею совместной жизни под одной крышей. Она стала основой монашеской системы Восточной Церкви, и ее принципы оказали длительное влияние на монашескую жизнь Западной Европы.

§ 3.

Влияние монашества востока естественным образом распространилось на запад. Поначалу не соблюдалось никаких общих жизненных правил. Каждое собрание монахов руководствовалось своими особыми обрядами, направленными в целом на аскетический идеал отделения от мира, которого придерживались ранние отшельники. Монашество, однако, было мощным фактором христианизации запада. Каждый монастырь под руководством своего настоятеля или отца становился тренировочной площадкой для монахов-епископов, которые управляли епархиями в новых монашеских центрах миссионерской деятельности. Зачатки организованного монашества в Ирландии можно проследить до монастыря Леринс на острове недалеко от Канн, где святой Патрик получил свое образование. Успех ирландского монашества вскоре отразился на Галлии и Италии, когда святой Колумбан основал монастыри Люксей и Боббио по правилу, заимствованному из ирландской практики. Примерно в то же время святой Колумба в Ионе установил моду на ирландскую систему в северной Британии.

§ 4.

Тем временем возникло новое развитие этого принципа. Святой Бенедикт, уроженец Норчи близ Сполето, удалился примерно в начале VI века в отшельничество в Субьяко. Здесь он привлек к себе множество последователей, и под его руководством по соседству возникло несколько монастырей. Именно для монастыря Монте-Кассино, которым он правил около тридцати лет, он составил правило, ставшее законом монашеской жизни Западной Европы. Успех и всеобщее принятие управления Монте-Кассино на западе были обусловлены государственной мудростью, с которой его предписания были адаптированы к климату и физическим возможностям. Монах-бенедиктинец начал жизнь, полную труда и молитвы, которая требовала привычного упражнения в самоконтроле; но его телесное здоровье не подвергалось риску быть разрушенным благочестивыми излишествами. Изолированная набожность была заменена религиозной жизнью в общей церкви и монастыре. Это была цель, достижению которой способствовали Пахомий и Василий; но мистический темперамент востока способствовал развитию созерцательной и аскетической тенденции, которая изменила представление об обычной жизни, исполненной единообразных обязанностей. Ранние монастыри Галлии, такие как монастырь святого Мартина в Туре, следовали модели *лавы*, а не *общежития*; и отдельная келья и практика добровольного аскетизма, по-видимому, были обычным явлением в ранних кельтских монастырях. Добровольные лишения святого Кутберта в его келье на островах Фарн, молитвы и видения саксонского Гутлака в Кройланде были пережитками идеалов святого Антония и святого Симеона Столпника на западе. Святой Бенедикт, напротив, не размышляя о жизни, которую он сам поначалу принял, не рекомендовал стремящемуся к спасению никаких героических подвигов в виде молитвы и поста. Его целью было возрастание благодати братства, живущего по общему правилу в послушании настоятелю, которому была предоставлена значительная свобода действий. Естественной тенденцией уединенной жизни было стремление к соперничеству в религиозных устремлениях; и монастыри, которые были немногим более чем собраниями отшельников, были подвержены упадку из-за соперничества их обитателей. Святой Бенедикт предписывал своим монахам соревнование в добрых делах; но их соревнование коренилось в смирении и послушании, а его внешним признаком было взаимное почтение, далекое от духовной гордыни. Неудивительно,

что правило, которому трудно, но возможно следовать и которое допускает индивидуальные слабости, распространилось далеко за пределы сообщества, для которого оно было создано, и что орден бенедиктинцев к концу VII века вытеснил все другие формы монашества в Западной Европе.

§ 5.

Правило святого Бенедикта было введено в Англии святым Августином, настоятелем монастыря на холме Целиан в Риме. В то время главная сила кельтского монашества, естественно, находилась на севере, хотя оно проникло и на юг, к таким изолированным форпостам, как Гластонбери. Постепенно римские обычаи утвердились в оплотах кельтского христианства. За передачей монастыря Рипон Уилфриду последовал отъезд шотландских монахов. Мало что определенно известно об английской монашеской жизни в этот период, но ясно, что она начала все больше приближаться к бенедиктинской модели. Таким образом, монахини Хэкнесса, ответвления монастыря Уитби, имели общее общежитие; в то время как монастыри Монквермут и Джарроу во многих отношениях отличались от местного образца и, безусловно, были основаны на принципе совместной жизни. В некоторых аспектах, по-видимому, был достигнут компромисс, например, в сохранении обычая, который, вероятно, был введен ирландскими миссионерами, объединять монахов и монахинь в одном монастыре под председательством настоятельницы. Самым известным примером этого было аббатство Уитби, но известны и другие примеры в различных частях Англии, удаленных друг от друга. Ибо некоторые из этих моделей, возможно, были найдены в Галлии, где бенедиктинское правление было введено лишь в период, более поздний, чем приход Августина. Другой особенностью было учреждение епископских кафедр в монастырях. В европейских странах, где традиции римской оккупации были более или менее продолжительными, кафедральный собор внутри города отличался от монастырей, которые, как в Париже или Руане, позже выросли за пределами городских стен. Но кельтские миссионеры в Англии открыли новые горизонты в стране, из которой почти исчезли следы римского христианства, и их кафедры были основаны в монастырях. Этому обычаю в естественном порядке вещей следовал Августин в Кентербери. При реорганизации епархий после нормандского завоевания он все еще продолжался. В восьми из семнадцатисредневековых епархий Англии кафедральный собор, а в двух других - один из двух соборов, был монастырской церковью.

§ 6.

Датские вторжения привели к исчезновению монашеской жизни в большей части Англии. Она была возрождена примерно сто лет спустя. Одо, архиепископ Кентерберийский 942-59, подготовил почву для движения. Его успех был достигнут при его преемнике, святом Дунстане, при содействии Эдгара мирного. Этельвольд, епископ Винчестерский, и Освальд, архиепископ Йоркский, были его самыми активными сторонниками. Оба были последователями реформированного бенедиктинского учения, которое в начале десятого века начало распространяться из аббатства Ключни. Аббатство Флери, или Сен-Бенуа-сюр-Луар, которое после разграбления Монте-Кассино лангобардами в 660 году стало местом упокоения тела святого Бенедикта, было реформировано под влиянием ключнийцев. Освальд изучал

бenedиктинское правило во Флери. Ставший епископом Вустера в 961 году, он активно участвовал в замене светского духовенства церковью своей епархии монахами. В Ившеме, Першоре, Уинчкомбе, Вустере и других местах были представлены монахи-бenedиктинцы. В 971 году Освальд помог Элфвину, дворянину из Восточной Англии, основать монастырь Рамси в Хантингдоншире, а несколько лет спустя он и Этельвольд убедили аббата Флери посетить Англию помочь им в расширении религиозной жизни. Этельвольд был столь же активен в Винчестере и, согласно хартии короля Эдгара, восстанавливал разрушенные монастыри по всей стране, включая Эли и Питерборо. Дунстан, реформатор Гластонбери, активно сочувствовал движению, но был более осторожен в своем отношении к светскому духовенству; и примечательно, что реформа не сразу распространилась на его кафедральный собор в Кентербери.

§ 7.

Этот славный период в истории английского монашества завершился катастрофами начала XI века. Канут и Эдуард Исповедник оказали поддержку и обогатили многие религиозные дома, а Эдуард, основав Вестминстерское аббатство, занимает видное место среди благотворителей религиозной жизни в Англии. Но в эту беспокойную эпоху было основано мало новых монастырей, и снова проявилась тенденция к небрежности в соблюдении правил. Постоянный триумф монашества был достигнут после нормандского завоевания. Завоеватель и его последователи искали спасения своих душ, основывая аббатства и приораты в своих новых поместьях. Победа при Гастингсе ознаменовалась основанием Баттлского аббатства, первого из длинной череды нормандских монастырей в Англии. В работе организации духовенство из великих аббатств Нормандии, как это было естественно, принимало главное участие. Два последовательных архиепископа Кентерберийского, Ланфранк, бывший монах Бека и аббат монастыря Святого Стефана в Кане, и Ансельм, бывший аббат Бека, сыграли важную роль в придании бenedиктинскому ордену Англии его превосходства при первых нормандских королях.

§ 8.

Бenedиктинские монастыри в Англии были колонизированы или, там, где они были старше завоевания, получили новую кровь от монастырей Нормандии и Франции. Мы видели, что правило святого Бенедикта было разработано для особого монастыря: орден представлял собой совокупность независимых домов, которые сочли правило подходящим для своих нужд. Таким образом, каждый из крупных английских бenedиктинских монастырей был отдельной общиной, находящейся под юрисдикцией епархиального епископа, от посещений которого некоторые могущественные аббатства, такие как Сент-Олбанс, Ившем и Вестминстер, в конечном итоге получили освобождение. Он также подлежал посещению двух аббатов, ежегодно избираемых общим собранием глав английских домов. Правителем монастыря был настоятель: под его началом находился его заместитель, настоятель, на которого возлагалась большая часть непосредственного надзора за домом. Там, где, как в Дареме, монастырская церковь также была кафедральным собором епархии, епископ номинально был настоятелем, но фактическим правителем дома был настоятель; и таким домам было дано название

кафедральный приорат. Более крупные дома, однако, часто основывали ответвления на отдаленных участках своей собственности, которые управлялись настоятелями, назначаемыми материнским домом, и были известны как приораты или ячейки. Хотя некоторые из них стали важными домами, поначалу они были неотъемлемой частью материнского дома, и многие продолжали оставаться таковыми на протяжении всего средневековья. Таким образом, монастырь Святого Мартина в Дувре был приоратом Крайст-Черч в Кентербери, а Тайнмут в Нортумберленде был приоратом Сент-Олбанса.

§ 9.

Существовали также определенные приораты, основанные в подчинении иностранным домам. Так, у Бека был монастырь в Сент-Неотсе в Хантингдоншире; у аббатства Мон-Сент-Катерин в Руане был монастырь в Блите в Ноттингемшире. В обоих этих домах проживало по несколько монахов: в тринадцатом веке в Блите их было четырнадцать, все, вероятно, иностранцы, и многих из них прислали из родительского дома сменить обстановку. Но существовало также большое количество монастырских владений, известных как приораты, которые не были строго монастырскими, а были просто поместьями, находившимися во владении иностранных монастырей, в которых приор или *custos*, присланный из материнского аббатства с другим монахом в качестве *socius*, проживал часть года, практически в качестве агента по недвижимости. Иногда ему разрешали, как, например, в Экклсфилде в Йоркшире, приорате Сен-Вандриль, служить кюре приходской церкви; но это было необычно. Там, где, как известно, существовали эти небольшие "чужеземные монастыри", нам не нужно ожидать найти какие-либо следы монашеских порядков в приходской церкви. Еще меньше нам нужно искать следы монастыря. Во время столетней войны с Францией иностранные монастыри неоднократно конфисковывались короной, и до их окончательной конфискации в 1414 году многие из них были переданы английским чартерхаусам, церковным колледжам и подобным фондам. Женские монастыри, такие как Блит и Сент-Неотс, продолжали оставаться независимыми монастырями при английских настоятелях.

§ 10.

Популярность и богатство ордена бенедиктинцев, естественно, привели во многих монастырях к ослаблению этого правила. Время от времени монахи, которые чувствовали необходимость более тесного общения с Богом и более строгой жизни, искали свою нужду в основании новых домов при более суровой форме своего правления. Первый важный шаг в этом направлении был сделан в аббатстве Ключни, от которого, основанного в 910 году, началась монашеская реформа десятого века. Святой Берно, первый аббат, умер в 927 году. Один существенный момент отличал ключнийские монастыри от бенедиктинских. Каждый аббат-бенедиктинец был президентом своей собственной республики. Ключнийские дома, с другой стороны, были монастырями, находившимися непосредственно под надзором аббата Ключни, самодержца ордена. Они были освобождены от посещения епископом, и аббат, возглавлявший свои общины капитулы в Ключни, был ответственен только перед папой римским. В Англии их главным домом был приорат Святого Панкрата в Льюисе, основанный в 1077 году Уильямом де Вареном для приора и двенадцати монахов: приор Льюиса занимал второе место среди приоров Ключника.

Примерно из тридцати двух английских домов ордена несколько были кельями более крупных приоратов, и на общем капитуле были представлены приоры их родительских монастырей. Из-за зависимости ордена от Ключни его английские приораты разделили конфискацию с другими иностранными фондами. Однако им было разрешено оставаться в качестве домов для "жильцов" с английскими настоятелями, а приорат Святого Спасителя в Бермондси был возведен в ранг аббатства. Из руин Ключниакских монастырей в Англии наиболее полные находятся в Уэнлоке в Шропшире и Касл-Акре в Норфолке. Планы монастырей Льюиса и Тетфорда были извлечены из фундаментов и фрагментов, а в Бромхольме в Норфолке сохранились значительные останки.

§ 11.

Картезианский орден был основан святым Бруно в Гранд-Шартрезе близ Гренобля в 1086 году. Его члены дали обет поститься и вести уединенную жизнь. У каждого была своя отдельная келья, монастырь состоял из одного или нескольких дворов, вокруг которых были расположены эти жилища. Братья собирались в церкви на вечернее богослужение, мессу и вечерню: в меньшие часы служили, и трапезы, за исключением определенных дней, принимались каждым монахом отдельно. Таким образом, орден был восстанием против обычной жизни и возвращением к идеалу отшельника. В Англии только два дома, Уитэм (ок. 1179-81 гг.) и Хинтон (ок. 1227 г.), оба в Сомерсете, были основаны до середины четырнадцатого века. Все остальные семь были основаны после 1340 года. Королевское основание монастыря Шене в Суррее (1414) было последним и самым богатым из всех. В Англии слово *Chartreuse* (*Чертоза* по-итальянски) приняло форму Чартерхаус. Значительные остатки чартерхаусов сохранились в Бовале в Ноттингемшире (основан в 1343 году), в Лондоне (основан в 1371 году) и в Хинтоне; но наиболее полное представление о картезианском монастыре можно получить по руинам Маунт-Грейс в Йоркшире (основан в 1396 году).

§ 12.

Одним из многочисленных ответвлений бенедиктинского ордена была конгрегация монахов и братьев-мирян, основанная в 1114 году в Шартрской епархии. Название Тирон (*Тиро*) было дано аббатству в честь *тиронов*, или подмастерьев, которых основатель объединил там, чтобы они занимались своим ремеслом на службе Богу. Тесно связанным с этим было аббатство Савиньи в епархии Авранша, основанное в 1112 году, которое в период с этой даты по 1147 год построило около тринадцати домов в Англии и Уэльсе. Когда около 1147 года орден Савиньи был объединен с орденом Сито, считалось, что его монастыри принадлежат тироненскому ордену. Это, однако, произошло не из-за какой-либо определенной принадлежности к Тирону, а из-за сходства обрядов между двумя конгрегациями. Английские тиронские дома, такие как аббатство Хамберстон в Линкольншире, стали идентичны обычным бенедиктинским монастырям, хотя номинальное различие было признано. Важные остатки тироненского дома сохранились в Калди, приорате Сент-Догмаэлс, на острове недалеко от Тенби. Такие дома савиньяка, как Билдвас и Фернесс, прославились как цистерцианские монастыри. Ни одна из этих конгрегаций не обладала организаторским потенциалом, который основатели цистерцианского ордена привнесли в свою работу. То же самое можно сказать и о

грандимонтинском ордене, основанном в 1046 году в Грандмоне Лиможской епархии, который в XII веке основал три небольших монастыря в Англии.

§ 13.

Цистерцианский орден получил свое название от аббатства Сито в Бургундии, которое было основано в 1098 году Робертом, настоятелем бенедиктинского дома Молесм. Его монахи стремились к буквальному соблюдению правил святого Бенедикта в самых строгих чертах. Мясо было исключено из их рациона: их здания строились по простым законам и были лишены украшений. Настоящими основателями ордена были Стивен Хардинг, англичанин, ставший аббатом Сито в 1109 году, и его ученик святой Бернар, который в 1115 году стал аббатом первого дочернего дома Клерво. Во многом благодаря энергии святого Бернара орден распространился необычайной быстротой. Когда аббатство Уэверли, его первый английский дом, было основано в 1128 году, в нем насчитывалось более тридцати домов. В 1152 году был издан указ, запрещавший основание новых аббатств; тогда в Англии и Уэльсе насчитывалось пятьдесят домов из 339. Несмотря на этот запрет, в XIII веке их число превысило 600. Всего домов ордена в Англии и Уэльсе насчитывалось 75, в некоторых из которых были кельи.

§ 14.

Сито, как и Ключи, стоял во главе федерации религиозных домов, освобожденных от епископальной власти. Этими домами, однако, управляли их собственные настоятели, а не приоры, зависевшие от аббата Сито; и таким образом цистерцианские аббатства были спасены от трудностей, которые постигли Ключиак вместе с другими чужеродными домами. Хартия благотворительности, составленная в 1119 году, регулировала рост ордена и отношения между его монастырями. Когда численность какого-либо дома становилась слишком большой, он мог, с согласия ежегодного капитула в Сито, послать по крайней мере двенадцать братьев с тринадцатым настоятелем для основания нового монастыря. Таким образом, Уэверли был колонизирован аббатством Омон в Нормандии. Фонтаны, основанные в 1132 году и расширенные из Клерво в 1134 или 1135 году, отправили колонии в Ньюминстер в Нортумберленде (1138), Лаут-Парк в Линкольншире (1139), Воберн в Бедфордшире (1145) и Лиза в Норвегии (1146). Право посещения цистерцианских домов принадлежало настоятелям их родительских монастырей: аббат Сито был посетителем Клерво, аббат Клерво - посетителем Фонтанов и так далее; в то время как сам Сито посещали настоятели Клерво и его три другие старшие дочери. Основанные таким образом монастыри должны были располагаться в местах, удаленных от людских разговоров. Такие названия, как Водей (*Валлис Деу*) и Валле Крусис, указывают на излюбленные места подобных аббатств в уединенных долинах: это правило редко нарушалось, как в случае с Сент-Мэри Грейс возле Лондонского тауэра. Церкви были посвящены в честь Богородицы: были запрещены каменные колокольни, а также деревянные башни чрезмерной высоты, окна были заполнены простым стеклом, все картины были запрещены, за исключением раскрашенных деревянных распятий, а облачения и другие украшения были самого простого вида, совместимого с достоинством. Все мастерские, конюшни и т.д. находились на территории аббатства, и были приняты меры предосторожности против роста любой колонии мирян вблизи монастыря путем приказа снести любой дом,

построенный за пределами стены участка. Аналогичная мера предосторожности регулировала создание ферм аббатства или гранджей на определенном минимальном расстоянии друг от друга. Временные гости допускались на особых условиях; но после завершения освящения церкви и ее октавы присутствие женщин на территории было запрещено.

§ 15.

Одним из пунктов цистерцианского правления, вытекавшим из этого самодостаточного идеала и оказавшим важное влияние на планировку цистерцианских зданий, было разделение братии каждого аббатства на монахов (*монахи*) и братьев-мирян (*конверси*)[1]. Цистерцианский монах был клерком, умевшим читать и писать. Как и монах-бенедиктинец, он не обязательно был священником, хотя для монахов стало обычным выполнять приказы священника. Его обязанности лежали в церкви и монастыре, и, если только он не занимал такой должности, как келарь или китченер, он не был непосредственно связан с деловыми делами своего монастыря. Эти операции, которые в бенедиктинских домах в основном выполнялись арендаторами или наемными рабочими и слугами, в цистерцианских домах выполнялись *конверси*. *Конверсус* был мирянином, который перешел от служения миру к служению Богу. Он поступил в монастырь послушником и со временем обрел профессию. Ему не разрешили научиться читать или писать и принять духовный сан. Он выучил наизусть несколько молитв и псалмов, но его занятием был ручной труд в монастырских мастерских или на полях и усадьбах. В обычные рабочие дни он должен был частично присутствовать в ночном отделении и, если его не размещали в *грейндж*, должен был приходить на повечерие. В остальное время он читал особые молитвы на своей работе. Его жизнь регулировалась уставами, которые в отношении воздержания, тишины и других подобных вещей напоминали уставы монахов. У *конверси* были свои отдельные комнаты отдыха в монастырских зданиях, свое помещение в церкви и свой лазарет. Они вставали в час, который был специально рассчитан для того, чтобы дать им достаточно выспаться перед дневной работой: их капитул проводился настоятелем только по воскресеньям и в определенные праздничные дни. Таким образом, монастырь был обеспечен всеми рабочими, в которых он нуждался. Некоторым *конверси* было поручено жить на монастырских землях, у каждого из которых был *конверсус* в качестве настоятеля. Белые платья и капюшоны монахов дали цистерцианцам их отличительное название белых монахов в отличие от бенедиктинцев или черных монахов: одеянием *conversus* был плащ (*sappa*), туника, чулки (*caligae*), сапоги (*pedules*) и капюшон (*capucium*), прикрывающий только плечи и грудь[2].

§ 16.

Монашеское движение изначально не было клерикальным движением, и самые ранние основатели не могли предполагать, что в их монастырях будет больше нескольких священников для совершения таинств. Но идеал регулярной жизни, к которому стремились в монастырях, привлекал как духовенство, так и мирян. Еще в 391 году святой Августин основал общины регулярного духовенства в Африке. В последние годы VIII века Хродеганд, епископ Меца, ввел среди духовенства своего собора жизненные правила, основанные на правилах святого Бенедикта, которые были скопированы другими подобными конгрегациями духовенства. С принятием правила (*канона*, *kánon*) члены таких организаций стали называться канонами, а

сами организации, собирающиеся в домах капитулов, где, как и в монастырях, ежедневно зачитывалась глава (*capitulum*) правила, получили название глав (*capitula*). Главной целью движения было ежедневное соблюдение канонических часов: каноники совместно трапезничали, а в некоторых случаях жили в общем общежитии. Тенденция девятого и десятого веков, по-видимому, заключалась в том, что каноники основывали свои отдельные дома по соседству с церковью, которой они служили. Возникло заметное различие между монахами кафедральных монастырей, таких как Кентерберийский, и светскими канониками, служившими в таких церквях, как Йоркский собор. В светских капитулах соблюдалось чтение часов и распоряжались определенными общими средствами; но у каждого каноника было свое отдельное поместье, церковь или усадьба, известная как пребенд (*пребенда*), и более богатые пребенды становились привилегиями клерков, постоянно находящихся при короле или каком-нибудь епископе или дворянине. Число каноников-резидентов было очень небольшим, и обязанности отсутствующих исполняли их викарии (*vicarii*) или заместители. Колледжи церковных священников, обычно недавно основанные, были организованы как аналогичные ассоциации светского духовенства, которые, однако, по характеру своих обязанностей были связаны постоянным проживанием. Колледжи Оксфорда и Кембриджа имели аналогичную основу. Они были объединениями духовенства для преподавания и учебы, с общим залом и церковью, и поэтому происходят из источника, отличного от монашеского движения.

§ 17.

Однако появились регулярные канонические собрания, отличные от глав светских канонов, живущих в монастырях, соблюдающих канонические часы и ведущих обычную жизнь монахов. Их правление было основано на адаптации письма святого Августина Гиппонского к конгрегации религиозных женщин. Оно было короче и изложено в более общих выражениях, чем правило святого Бенедикта; но его цель была аналогичной. Его последователи стали известны как августинцы или каноники Остина. Из-за их черных плащей с капюшонами, белых стихарей и черных сутанпод ними их часто называли черными канониками. Орден появился в Англии примерно в 1106 году, когда монахом-бенедиктинцем по имени Эрнульф был основан монастырь Святого Ботольфа в Колчестере; и папство определенно не признавало орден до 1139 года, когда его домов было уже много. Число английских августинских домов на своей высшей точке достигло 218, и из них 138 были основаны до 1175 года. На момент ликвидации монастырей насчитывалось около 170 августинских домов, в то время как бенедиктинских домов насчитывалось от 130 до 140. Дома августинцев сильно различались по размеру и богатству, и ни разу их более богатые аббатства не приближались к огромным доходам более крупных бенедиктинских домов, в то время как их средний доход был очень умеренным. Каждым домом управлял "прелат", обычно известный как приор, но примерно в 24 случаях - как настоятель. Большинство их аббатств находилось в округах Мидленд: в Йоркшире, Ноттингемшире и Норфолке, где их домов было множество, титул настоятеля был всеобщим. В 1133 году один из их монастырей, Карлайл, был возведен в достоинство кафедрального приората. Их рост был аналогичен росту бенедиктинцев: каждый дом с его кельями был независимой общиной: их посетителем был епархиальный епископ, и очень немногие из их домов были навсегда освобождены от посещения. Орден также имел свои общие капитулы, на которые ежегодно назначались по два посетителя от каждой из провинций, на которые были разделены его палаты.

§ 18.

Орден премонстратианцев, известный по их белым одеяниям как белые каноники, был основан святым Норбертом в Премонтре, к западу от Лана, около 1120 года. Каноники в основном следовали правилам августинцев, но их конституция демонстрировала тенденцию следовать цистерцианским моделям. Орден был централизован под руководством аббата Премонтре, где находились основные отделения, и расширился в результате цистерцианского процесса колонизации, когда каждый дом рассылал свой свод канонов в качестве ядра нового аббатства. Лиска, дочь Премонтре, колонизировала аббатство Ньюхаус в северном Линкольншире в 1143 году. В 1147 году Ньюхаус основал дочерний дом в Олнвике, а в период с того времени по 1212 год основал десять других аббатств. Из них Уэлбек (1153) был ответственным за еще семь между 1175 и 1218 годами. Всего в Англии было тридцать одно аббатство ордена, не считая двух келий. Цистерцианское влияние прослеживается в устройстве каждого нового дома как аббатства, в выборе уединенных мест для домов ордена и в принципиальном посвящении большинства его церквей Богородице. Как и другие централизованные ордена, премонстратианцы были освобождены от юрисдикции епархиального епископа; но верность английских канонов Премонтре постепенно ослабевала, и управление их орденом в Англии со временем было делегировано комиссару. В 1512 году Юлий II освободил английские дома от подчинения Премонтре и передал их под контроль аббата Уэлбека.

§ 19.

Первоначально орден Премонтре выделял некоторые средства для размещения домов монахинь рядом с домами каноников. Эксперимент затянулся, и хотя группа монахинь или канонисс следовала домонстратинскому правилу, у них было мало домов. В Англии известны только два из них, и ни один из них не был связан с какой-либо палатой каноников. Но во второй четверти двенадцатого века Гилберт, настоятель Семпрингема в Линкольншире, по совету аббата Риво основал дом из семи монахинь, следуя цистерцианскому правилу. Цистерцианский орден отказался взять на себя руководство общиной, и Гилберт, возможно, следуя примеру Премонтре, обеспечил ее духовные потребности, объединившись с монахинями в своде канонов под руководством святого Августина. Таким образом, гильбертинские дома сначала рассматривались как женские монастыри, в которых таинства совершались вспомогательным сообществом, состоящим по меньшей мере из семи каноников. Тщательно составленный устав предусматривал уединение двух тел друг от друга в двух соседних монастырях. В таких двойных домах максимальное количество монахинь, рукоположенных по уставу, обычно было вдвое больше, чем каноников: так, в Уоттоне в Йоркшире, самом большом доме ордена, номинально было предусмотрено для 140 монахинь и 70 каноников. Орден, который был освобожден от епископального контроля, был передан в подчинение генералу, известному как магистр Семпрингема. Семпрингем был материнским домом для ряда монастырей: новые дома были основаны по цистерцианскому плану переселения двенадцати каноников и приора из одного из существующих домов. *Conversi* и *conversae* были частью каждого заведения. Общее количество домов гильбертин составляло около 27, из которых одиннадцать находились в Линкольншире: за исключением двух домов в Уилтшире, одного в Девоншире и одного в Дареме, все

монастыри ордена находились в пределах четырех восточных епархий Линкольна, Йорка, Эли и Норвича. Орден никогда не распространялся за пределы Англии.

§ 20.

Домов монахинь-бенедиктинок в Англии было множество. Самые важные из них находились в епархиях Солсбери и Винчестера. В срединных землях, на востоке и севере, где их было много, они представляли собой, за редким исключением, небольшие фундаменты, от которых остались скудные следы. Несколько монашеских монастырей, главным образом в епархиях Йорка и Линкольна, следовали цистерцианскому правилу. В шестнадцатом веке самый богатый из цистерцианских женских монастырей, которые, как правило, были маленькими и бедными, находился в Тарранте в Дорсете; и именно для трех монахинь, которые первоначально поселились здесь в тринадцатом веке, были составлены знаменитые Правила инклюзии *и were*. Цистерцианские женские монастыри не подчинялись Сито, но их посещал епархиальный епископ. Домов монахинь или канонисс, следующих правилу святого Августина, было немного, но от двух их аббатств, Бернхэма и Лакока, сохранились значительные остатки. Самым богатым женским монастырем времен подавления было аббатство Сион в Мидлсексе, основанное Генрихом V в 1414 году для монахинь-бриджитин, правление которых было основано по образцу правления святого Августина. Орден Бриджитин, а также орден Фонтевро, к которому первоначально принадлежал монастырь Нанитон в Уорикшире, попытались обеспечить своих членов постоянными капелланами, объединив мужской монастырь с женским. В связи с некоторыми старыми бенедиктинскими женскими монастырями с самого начала существовали светские капелланы, у которых были свои пребенды в монастырских поместьях и свои стойла в квайре. Со временем такие пребендалные лавки в церквях Ромси, Шафтсбери, Уилтона, Уэруэлла и Сент-Мэри в Винчестере стали привилегиями клерков королевской службы, чьи обязанности в женских монастырях выполняли викарии.

§ 21.

После начала четырнадцатого века основание монастырей практически прекратилось, хотя картезианский орден в более позднее время пользовался некоторой популярностью, которая была усилена королевским покровительством. Религиозные дома больше не предоставляли единственно возможную карьеру тем, кто не был приспособлен к ограниченным профессиям, доступным средневековому мирянину. С ростом зажиточного среднего класса появилась тенденция отдавать приходским церквям пожертвования, которые раньше были бы отданы монастырям. Начиная с правления Эдуарда II, в большом количестве были основаны часовни и колледжи церковных священников в приходских церквях. Однако в одном отношении регулярная жизнь поддерживала связь с национальным прогрессом. Монашеские ордена появились в Англии в тринадцатом веке. В 1221 году доминиканцы (монахи-проповедники или черные монахи) поселились в Оксфорде: около 1224 домов францисканцев (младших братьев или серых монахов) были основаны в Кентербери и Лондоне: Приорат Халн в Нортумберленде и Эйлсфордский приорат в Кенте были основаны для кармелитов (белых монахов) около 1240 года: Приорат Клэр в Саффолке был основан для ордена, известного позже как Остинские монахи в 1248 году. Из меньших орденов самым важным был тринитариянский, самым

известным домом которого был собор Святого Роберта в Кнаресборо. Хотя общий план мужского монастыря был похож на план монастыря, жизнь монахов и монахинь была совершенно разной. Монах был странником, жившим на подаяние: его кругооборот был ограничен особой провинцией, и он не был ограничен пределами одного дома. Таким образом, излюбленными местами для монастырей были более крупные города. В Кембридже было основано не менее семи монашеских домов: по шесть в Лондоне и Оксфорде: в Бристоле, Линкольне, Линне, Ньюкасле, Нортгемптоне, Норвиче, Стэмфорде, Винчестере и Йорке находились дома всех четырех главных орденов. Орден монахинь, известный как Бедные Клары по имени их основательницы Сент-Клэр, был ответвлением францисканского ордена и имел пять домов в Англии. Влияние, приобретенное этими новыми организациями, послужило отвлечению внимания общественности от старых порядков. Монахи не просто были проповедниками возрождения того времени, в противовес консервативному духу монахов и светского духовенства[3]; но большая образованность многих из их ведущих членов принесла им отличие и немалый вес в университетах Европы. Моральные опасности, которым подвергалась их жизнь, их независимость от епископального контроля и их неконтролируемое влияние среди простых людей привели к раннему отходу от идеалов их основателей; но их достижения в течение первого столетия их существования являются одним из самых замечательных эпизодов в истории религии.

§ 22.

Хотя монахи и каноники были обречены на личную бедность и все, кто пытался накопить частный запас денег, подлежали наказанию, более крупные монастыри были крупными корпорациями землевладельцев. Их ранние благодетели подарили им поместья и церкви, за что они были обязаны в обмен на единственное служение молиться за души жертвователей. Такие отчуждения регулировались статутом мортмейна (1279). Благотворительность продолжалась в соответствии с процедурой, установленной этим законом, и монастыри, таким образом, стали владельцами очень большого количества приходских церквей. Обычай присвоения и его влияние на ткани приходских церквей был описан в другом томе этой серии[4]. Постоянная просьба о выделении средств была основана на недостаточности средств монастыря для выполнения своего долга гостеприимства к путникам и оказания помощи бедным. В церквях, владельцами которых были монахи, викарием был постоянный светский священник. Монахам не разрешалось, за исключением очень исключительных случаев, совершать исцеления в приходах, что мешало бы их обязанностям в монастыре. Где бы мы ни находили в печати утверждение о том, что настоятель приходской церкви был монахом, мы не должны сомневаться в этом, не сверившись с оригинальными документами о его учреждении. С другой стороны, каноникам, чьи приказы зарождались в ассоциации светских священников в соответствии с определенным правилом, было предоставлено больше свободы в этом отношении. Премонстратинским каноникам обычно разрешалось служить в приходских церквях, принадлежащих их домам; и епископы предоставили аналогичные лицензии, хотя и не без возражений, остинским каноникам. Иногда утверждается, что целью августинского ордена было поставлять приходское духовенство в церкви в своих поместьях. Если это было так, то обычай был строго пресечен в тринадцатом веке; и когда в позднем средневековье количество выделенных церквей, обслуживаемых остинскими канониками, значительно увеличилось,

качество богослужений в их монастырских церквях пострадало до такой степени, что никогда не предполагалось их основателями.

§ 23.

Положение монастырей как землевладельцев, естественно, привело к некоторому ослаблению этого правила. Аббаты и приоры более крупных домов заняли свое место среди духовных баронов королевства. С четырнадцатого века до подавления восстания двадцать четыре бенедиктинца и три августинских аббата, включая приора Ковентри и английского приора рыцарей-госпитальеров, имели преимущественное право на места в парламенте. Иногда их путают с аббатами в "митре": право, однако, аббата или приора носить епископские знаки отличия зависело не от повестки парламента, а от привилегии, предоставленной папой римским. В дополнение к внемонашеским обязанностям, возложенным таким образом на некоторых глав домов, забота о больших поместьях отвлекала многих братьев от постоянного присутствия в их доме. Когда епископ Линкольнский Олнвик посетил аббатство Питерборо в 1437 году, он обнаружил, что из 44 монахов в обычные дни на любой службе в церкви редко присутствовало более десяти-двенадцати. Послушники или офицеры, которые присматривали за главными отделениями монастыря, приходили в церковь только по большим праздникам: некоторые монахи жили на территории аббатства: каждую неделю по меньшей мере семеро были в отпуске из-за кровопускания: двое учились в Оксфорде; несколько были старыми и немощными и не могли регулярно посещать службу. Несколько банальное замечание келаря из Лестера в 1440 году о том, что "изобилие денег - причина многих зол", снова и снова подтверждается в отчетах о посещениях епископов. Однако, несмотря на свое богатство, даже самые богатые дома, как правило, испытывали денежные затруднения. Их расходы были велики: гостеприимство и ежедневная милостыня серьезно истощали доходы: пенсии, стипендии или доли в общих доходах слишком щедро предоставлялись посторонним; были большие расходы на имущество: молодым монахам иногда приходилось жить в общежитиях, принадлежащих монастырям при университетах; амбициозный настоятель мог потратить свой дом на расточительные расходы на здания: посещения епископа означали большой гонорар епископу и расходы на его развлечения. Непредусмотрительность должностных лиц в сочетании с ущербом, причиненным имуществу чумой и штормами, постоянно приводили монастыри в состояние банкротства. Большие долги монастырей, недостаточность их активов, нерегулярность составления счетов и последовавший за этим упадок дисциплины в изобилии проиллюстрированы в реестрах епископов четырнадцатого и пятнадцатого веков и в патентных списках времен правления Генриха V и Генриха VI.

§ 24.

"Decem sunt abusiones claustralium", - гласит надпись на прилавках аббатства Святой Агаты, ныне в церкви Ричмонда, - "Злоупотреблений со стороны тех, кто находится в монастыре, десять: дорогостоящее проживание, отборная еда, шум в монастыре, раздоры в капитуле, беспорядок в монастыре, нерадивый ученик, непослушный юноша, ленивый старик, упрямый монах, мирской религиозный деятель". Фактические свидетельства документов по сравнению с советами о совершенстве в правилах орденов и книгах обычаев. о монастырях, содержит

комментарий к этому тексту, который применим ко всем векам с тринадцатого по шестнадцатый. Следует также признать, что тяжкие моральные проступки не были редкостью. Там, где царила небрежность правления, искушений такого рода должно было быть предостаточно, и монастыри, имевшие несчастье обладать недостойным или ленивым главой, были склонны поддаваться им. Однако подобные слабости - это как раз те, на которых сатирики делают чрезмерный акцент и к которым скандалы прислушиваются слишком внимательно. Свидетельства о посещениях епископов, хотя и раскрывают многое, что противоречит нашему идеалу религиозной жизни, редко доказывают, что моральное разложение было повсеместным в каком-либо конкретном монастыре или что отдельные отступники оставались безнаказанными. Случаи безнравственности, хотя и нередки, обычно рассматриваются с подчеркиванием индивидуальности, что было бы невозможно, если бы в них был замешан целый монастырь. Этот факт следует противопоставить доверию, которое все еще иногда оказывают так называемой *комиссии* уполномоченных Генриха VIII, благонадежность которой теперь справедливо дискредитирована. Епископы, подобные Алнвику, тратили месяцы напряженной работы на посещения и несколько дней, при необходимости, на беспристрастное изучение доказательств одного преступления, в то время как такие уполномоченные, как доктор Лейтон, на полной скорости носились по монастырям, привлеченным к расследованию, с уже сформировавшимися предрассудками и самым поверхностным опросом свидетелей, добиваясь отставки настоятелей и вымогая признания и взятки у перепуганных монахов и монахинь, преследуя тесно связанные цели - перечисление доходов домов в королевскую казну и получение грантов пребендов и благочиний для себя.

§ 25.

Однако не может быть никаких сомнений в том, что в течение четырнадцатого и пятнадцатого веков жизнь монахов и постоянных каноников в целом стала более расслабленной и легкой, в то время как число тех, кто принял монашество, уменьшилось. В двенадцатом веке монастыри были переполнены: каждый вновь основанный дом был знаком того, что в родительском монастыре больше нет места. В середине XIII века цифры все еще были большими, но не громоздкими. Те цифры, которые у нас есть, указывают на то, что количество насельников в монастырях соответствовало требованиям их устава, но общего увеличения не произошло. В цистерцианских аббатствах число *конверси* увеличивало общее количество заключенных: в Лаут-Парке за тот же период насчитывалось 66 монахов, в то время как число *конверси* составляло 150[5]. Однако в течение следующих ста лет их число значительно сократилось. В 1349 году, в год великой эпидемии, в Мо было 42 монаха, но только семь *конверси*: 32 монаха и все *конверси* умерли. Мор произвел такой же опустошительный эффект и в других домах. В небольшом женском монастыре Уоторп, недалеко от Стэмфорда, осталась только одна монахиня: Гринфилдский монастырь в Линкольншире оставался без настоятеля в течение трех месяцев. Не может быть никаких сомнений в том, что религиозные дома в целом так и не оправились от эпидемии: рекрутов извне было недостаточно, чтобы компенсировать внезапное сокращение численности. Посещения Алнвика в середине пятнадцатого века показывают, что монастыри его епархии были далеки от переполнения. Более поздние посещения епархии Норвича укрепляют в выводе, что даже в таких важных домах, как кафедральный приорат Норвича, количество монахов от 40 до 50 человек было исключительно большим. В 1492 году в богатом приорате Уолсингем насчитывалось всего 17 каноников. В

крупнейших домах эпохи премонстратенов в последней четверти пятнадцатого века их число редко превышало 25. Различие между различными орденами больше не было четко обозначено. После 1349 года *конверси* перестал входить в состав большинства цистерцианских монастырей. В течение следующих пятидесяти лет они полностью исчезли, и монахи, подобно бенедиктинцам, управляли своими поместьями с помощью наемного труда. Во время ликвидации монастырей число монахов в Фернессе, где было необычайно много жилых помещений, составляло всего 30. В Бери-Сент-Эдмундсе, одном из крупнейших бенедиктинских аббатств, их насчитывалось около 60.

§ 26.

Сокращение численности населения после 1349 года неизбежно привело бы к исчезновению маленьких и бедных домов. Несколько женских монастырей, таких как Уоторп, были объединены с более крупными фондами. Различные причины также привели к подавлению небольших монастырей. Пример был подан еще в 1312 году уничтожением военного ордена рыцарей-тамплиеров, правление которого было основано на цистерцианской *Хартии милосердия*. Их земли в значительной степени пошли на обогащение ордена рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, чье имущество при всеобщем подавлении было очень большим. Во время французских войн, как мы видели, небольшие владения иностранных аббатств постепенно передавались другим религиозным фондам. Иноземные монастыри также составляли значительную часть владений Итона и Королевского колледжа в Кембридже. Для целей более поздних колледжей в Оксфорде и Кембридже этому примеру последовали при подавлении маленьких английских домов: колледж Иисуса в Кембридже в 1497 году передал здания и имущество женского монастыря Святой Радегунды. Уолси основал Крайст-Черч в Оксфорде на месте монастыря Святого Фридесвайда и добился упразднения нескольких небольших монастырей для финансирования своих колледжей в Оксфорде и Ипсвиче. Действительно, Вулси можно справедливо приписать начало всеобщего подавления. Его меры, однако, имели своей целью реформу. Более поздние акты подавления были вызваны совершенно иными причинами. Однако даже финансовые преимущества этого шага не могли привести к разрушению монастырей одним ударом. Закон 1536 года передал в руки короля только те дома, доходы которых составляли менее 200 фунтов стерлингов в год, и из них тридцать два, против которых даже комиссары не смогли найти доказательств, были восстановлены в правах. Такой акт, естественно, привел к серьезным экономическим изменениям: зачинщики последующего восстания северян жаловались на ущерб, понесенный бедняками из-за потери монастырской милостыни. Паломничество Благодати принесло несчастье аббатствам, которые оказывали ему поддержку. Другие дома заключили соглашение с королем, отказавшись от своих владений: остальные пали в результате закона 1539 года, который распространил действие положений 1536 года на все уцелевшие фонды. Можно допустить, что роспуск монастырей был неизбежен. Но для их произвольного захвата государством была лишь тень законной причины, и мотивы подавления раскрываются в ходе последовавшего за этим оборота их собственности. Монахам и каноникам назначались пенсии из казны; но основная часть монастырского имущества шла на обогащение частных владельцев для временного смягчения расточительности короны.

§ 27.

Многие монастыри были полностью разрушены после подавления, и примерно от трети из них не осталось и следа. Менее чем от трети сохранились значительные руины. Во многих случаях они ограничиваются церковью, которая, если и служила нуждам прихода, была предоставлена прихожанам и частично использовалась ими, при этом монашеским обязанностям, как правило, позволялось приходить в упадок. Реже, как в монастыре Крайстчерч, сохранялась вся церковь целиком. В кафедральных монастырях были основаны светские отделения, а шесть церквей аббатства и приората, включая Вестминстер, были возведены в ранг соборов. Таким образом, с учетом неизбежного изменения назначения, для которого использовались монастырские здания, в Кентербери, Честере, Дареме, Эли, Глостере, Норвиче, Питерборо, Рочестере, Вестминстере, Винчестере и Вустере можно более или менее удовлетворительно изучить устройство бенедиктинского монастыря, а в Бристоле, Карлайле и Крайст-Черч, Оксфорд, можно довольно хорошо увидеть устройство дома каноников Остина. Из разрушенных домов, безусловно, наиболее полной серией остатков являются цистерцианские аббатства, которым, как правило, в отдаленных районах, было позволено прийти в упадок с небольшим удалением материала. Бенедиктинские, клюнийские и августинские дома пострадали больше: остатки бенедиктинских домов, таких как Рединг или Сент-Мэри в Йорке, не завершены; в то время как клюнийские дома Уэнлок и августинианские, Хогмонд и Лиллешолл являются одними из немногих исключений из общего правила разрушения. Только три цистерцианские церкви частично используются как приходские, а именно. Доре, Холме-Култрам и Маргам: они были преобразованы для этого использования в периоды после подавления. С другой стороны, остатки почти половины монастырей позволяют нам с большой полнотой реконструировать жизнь, которую в них вели. Выдающимися среди них являются великолепные руины Фонтанов. Киркстолл и Тинтерн едва ли менее полны. В Болье, Билдвасе, Кливе, Кроксдене, Форде, Фернессе, Жерво, Ните, Нетли, Валле Крусис и Риво сохранились исключительно совершенные остатки больших частей монастырских построек, и к ним можно добавить несколько других примеров, когда церкви или другие здания сохранились или могут быть прослежены по фундаментам. Сохранились следы большинства домов эпохи премонстратенов. Самым совершенным является великолепное аббатство Святой Агаты в Исби, недалеко от Ричмонда. Часть одной из премонстратианских церквей, церкви Бланчленда в Нортумберленде, была преобразована в приходскую церковь. О картезианских планах, как уже было сказано, известно многое, и для полноты картины приорат Маунт-Грейс не отстает от Фонтанов. Один план жильбертины, план Уоттона в Йоркшире, был обнаружен в результате раскопок. От домов монахинь сохранилось несколько скудных остатков, но особого упоминания заслуживают бенедиктинские фонды - приорат Святой Радегунды в Кембридже и августинские дома аббатства Лакок в Уилтшире; в то время как великая бенедиктинская церковь аббатства Ромси сохранилась целой. Фрагменты монастырей сохранились во многих наших крупных городах: многое из их общего устройства можно увидеть в доминиканском монастыре в Бристоле, а также в руинах Остинского монастыря в Клэр и кармелитского монастыря в Халне. Церковь остинских монахов в Лондоне до сих пор является местом поклонения: визитной карточкой доминиканского монастыря в Бреконе является часовня колледжа Христа. Фрагменты церквей можно увидеть в Линне (черные монахи) и Ричмонде (серые монахи), в то время как церковь доминиканцев в Норвиче и церковь францисканцев в Чичестере были преобразованы для светского использования. В Кембридже колледжи Эммануэля и Сиднея Сассекских были основаны на месте доминиканского и францисканского монастырей.

Доминиканские здания в Эммануэле были искусно приспособлены к плану нового колледжа, зал которого, несмотря на трансформацию, по сути является монастырской церковью.

ГЛАВА II МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

§ 28.

Территория религиозного дома была отделена от внешнего мира ограждающей стеной или дамбой, на линии которой находились ворота, ведущие во внешний двор (*курия*). Здесь располагались различные офисы и склады, а также такие здания, как богадельня и гостевой дом, в которых монастырь вступал в необходимый контакт со светскими делами. Церковь и клуатр, посвященные религиозной жизни, занимали примерно середину территории, при этом клуатр и окружающие его здания обычно располагались с южной стороны нефа церкви. В восточном конце церкви находилось кладбище, в то время как за пределами монастыря находилось скопление зданий, иногда расположенных вокруг двора или небольшого монастыря, главным из которых был лазарет. Имея дело с этими разделениями, церковь и монастырь, являющиеся центром повседневной жизни монастыря, должны быть приняты во внимание в первую очередь. Необходимо помнить, что, хотя относительное расположение *курии*, монастырских и лазаретных зданий почти всегда было одинаковым, их фактическое положение менялось в зависимости от местоположения монастыря. Естественным местом для *курии* была западная сторона церкви и монастыря, и в цистерцианских монастырях, где это место не было загромождено другими зданиями, оно обычно находилось в этом месте. С другой стороны, как и в Дареме и Вустере, где участок был длиннее с севера на юг, чем с востока на запад, *курия* находилась на южной стороне монастыря. Опять же, там, где монастырь был основан на северной стороне города, как в Кентербери, Честере и Глостере, было удобно, чтобы монастырь находился на северной стороне церкви, где были возможны уединение и тишина. Иногда, как в Тинтернне, где река протекала к северу от аббатства, монастырь располагался на этой стороне в целях дренажа; в то время как в нескольких случаях река на западной стороне монастыря была причиной значительных изменений в плане зданий. В одном исключительном случае, в Рочестере, ограниченность территории привела к строительству монастыря на южной стороне восточного крыла церкви.

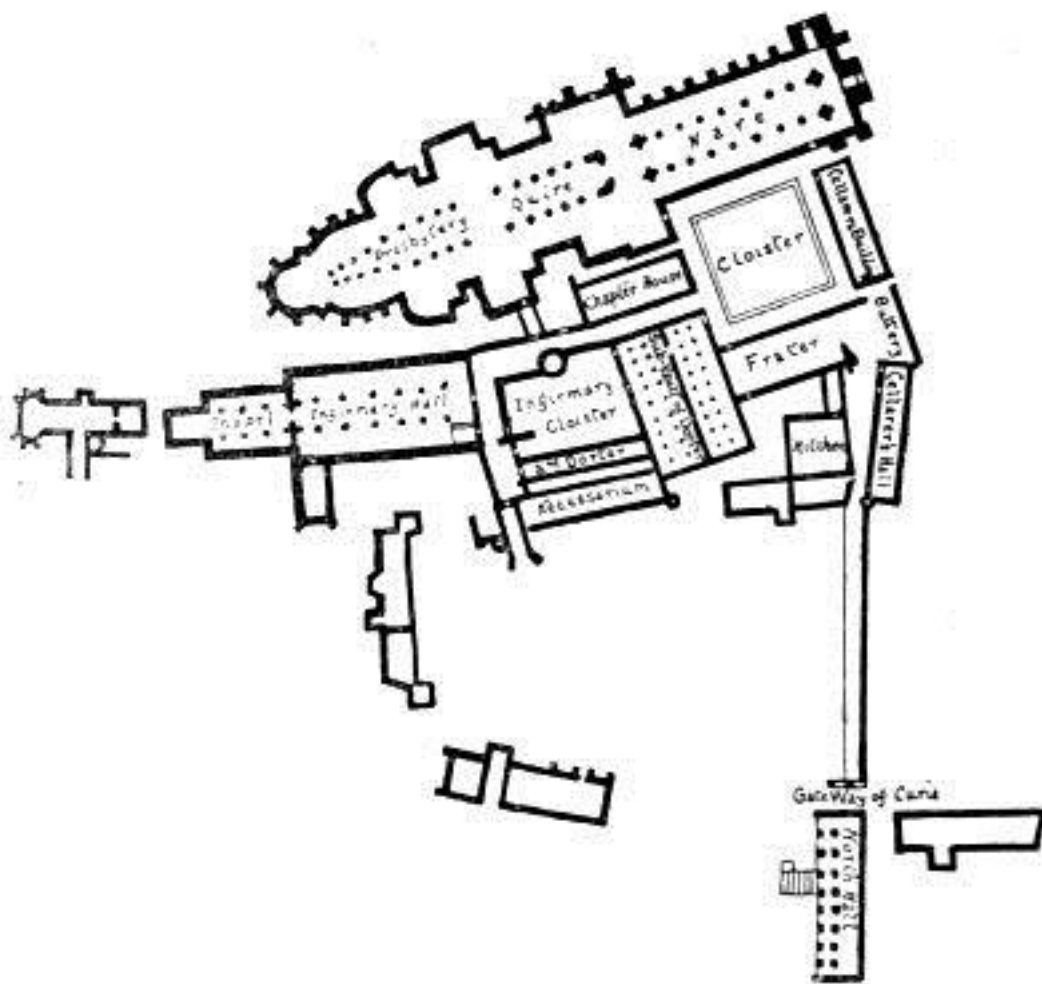

Рис. 1. План кафедрального монастыря Кентербери (в честь профессора Уиллиса)

§ 29.

Расположение главных зданий вокруг монастыря было организовано по удобному принципу, который понравился как монахам, так и каноникам. Дом капитула всегда находился в восточном ряду зданий: общежитие или дортуар почти всегда были на первом этаже того же ряда: трапезная или братство всегда находились в ряду напротив церкви[6]. Это был обычный бенедиктинский план, и его положениям, допускавшим некоторые вариации, следовали большинство религиозных орденов. Но цистерцианский орден, сохраняя взаимное расположение монастырских зданий, разработал особый тип церкви и план монастыря, которые в немалой степени были результатом его своеобразного устройства. Его клаустральное устройство было своеобразным само по себе, но его церковный план оказал некоторое влияние на церкви других орденов, особенно на церкви премонстратианских каноников. При рассмотрении монастырской церкви будет полезно в первую очередь рассмотреть основные черты бенедиктинского плана, а в дальнейшем, отметив особенности цистерцианских церквей, понаблюдать за влиянием обоих планов на церкви других орденов. Однако во всех монастырских церквях план руководствовался тремя общими требованиями. (1) Для чтения

монастырем канонических часов должно было быть предусмотрено требование. (2) Было необходимо достаточное количество алтарей, чтобы братья по священному ордену могли иметь частую возможность совершать мессы. (3) Необходимо было подготовиться к процессиям, и особенно к процессии перед большой мессой по воскресеньям, которая начиналась и заканчивалась в церкви и обходила отдаленные здания.

§ 30.

Результатом этих общих требований стало общее преобладание крестообразного плана в церквях монахов и каноников. В восточном крыле находились главный алтарь и пресвитерия. Квайр занимал пересечение трансептов и одного или нескольких восточных пролетов нефа. Трансепты были снабжены восточными приделами, а в трансепте, следующем за монастырским, прямой доступ в дортуар вел по ночной лестнице, по которой в монастыре ходили на вечернюю службу заутрени и хвалебных песнопений и возвращались с нее. Квайр был отделен от остальной части нефа каменной перегородкой с мансардой наверху, известной как *кафедра*, в отсеке к западу от которого располагалась еще одна перегородка - руд-ширма. В нефе обычно были северный и южный проходы. В стене прохода рядом с галереей были две двери, одна из которых вела на восток, другая - в западный проход галереи. Воскресная процессия вышла из церкви через восточный вход, который также использовался монастырем для дневных отделений, и вернулась через западный. Надперекрестком часто возвышалась башня, а в более крупных церквях были дополнительные башни в западном конце проходов. Даже цистерцианские церкви, вопреки уставам, в позднем средневековье пали жертвой строительства башен. Над перекрестком в Киркстолле и в западном конце нефа в Фернесе была построена башня. В Фонтанах, после тщетной попытки построить над перекрестком башню, ее пристроили к концу северного трансепта.

§ 31.

В восточном крыле бенедиктинской церкви обычно были проходы. На общем плане церкви нормандского аббатства пресвитерия заканчивалась апсидой, в которой находился главный алтарь, стоявший отдельно от восточной стены, и выступал в виде проема к востоку от концов нефов, которые были внутренне апсидальными, но снаружи были закончены квадратно. Этому плану следовали в церкви Ланфранка в Кентербери, Дареме, Питерборо, Вестминстере и других местах, и он не ограничивался монастырскими церквями. В Англии, однако, иногда применялся план, который был необычен в Нормандии, хотя он распространен в романских церквях в других частях Франции. Проходы в этом случае были продолжены вокруг апсиды, образуя дорожку для процессий позади алтаря; и от этой дорожки открывались три апсидальные часовни, как в Глостере и Норвиче, или пять, как в Ключинской церкви в Льюисе, план которой был заимствован у родительской церкви Ключи. Этот план был очень удобен для процессий и позволял разместить по крайней мере один дополнительный алтарь. Он был принят в аббатстве церковь Святого Августина в Кентербери и при восстановлении восточного крыла соседнего кафедрального монастыря. Глостер, Норвич и Тьюксбери являются примерами его использования в бенедиктинских церквях; и это происходит в августинской монастырской церкви Святого Варфоломея в Смитфилде. В этих случаях путь процессии был сохранен после

всех более поздних изменений, и первоначальное расположение все еще довольно ясно; в то время как альтернативный и в свое время более распространенный план в Англии, как правило, исчез, и Питерборо - единственная большая церковь, в которой сохранились существенные остатки выше фундамента. Хотя влияние Ключи на зарубежную романскую архитектуру было значительным, английские ключийские церкви не имели собственного четкого плана. Касл-Акко, например, был построен по обычному нормандскому плану, как это было в Дареме и Питерборо; а более поздние застройки Касл-Акко и Уэнлока были выполнены по образцам, общим для церквей других орденов.

§ 32.

Пресвитерия, или пространство к западу от алтаря, в церквях нормандского периода варьировалась по длине от двух отсеков до четырех. На его западном конце ступенька (*gradus presbyterii*) отделяла его от площади, которая, как уже отмечалось, занимала всю длину перехода и восточную бухту или бухты нефа. Квайр представлял собой продолговатую ограду, с трех сторон отделенную от нефа, проходов и трансептов ширмами, вдоль которых были расположены монастырские киоски. В нем было три дверных проема. Западный вход, расположенный в середине *пультума*, или ширмы, назывался нижним входом (*introitus inferior*). Верхние входы (*introitus superiores*) или входные двери (*ostia chori*) были боковыми входами в перегородках рядом с трансептами, по обе стороны от ступени пресвитериума, и служили способом входа в монастырь. Когда воскресная процессия покинула главный алтарь, она вышла из церкви через верхний вход на стороне, наиболее удаленной от монастыря, и вернулась, обойдя церковь и монастырские постройки, через нижний вход на *кафедры*. Партеры в квайре были заняты в соответствии со старшинством. В церкви аббатства настоятель сидел у западной перегородки, с южной стороны нижнего входа, в то время как приор сидел в соответствующей кабинке с северной стороны. Там, где главой дома был приор, он сидел в южной кабинке, а заместитель приора - в северной. В середине площади находился аналой, где, как и в Дареме, "монахи воспевали Легенды на Заутренях и в другие праздничные дни". В определенные праздники послание и Евангелие произносились *скафедры* в западном конце площади. В этих общих условиях, учитывая различия в ритуалах различных орденов, было очень мало различий между интерьером монашеского помещения и интерьером церкви по светским канонам. Там, где сохранились средневековые прилавки, как в Винчестере и Честере, или в коллегиальных храмах Линкольна, Беверли и Рипона, сходство сразу бросается в глаза; но монашеские хоромы были эффективно изолированы от нефа ширмой на кресте к западу от *кафедры*, устройство, которое, хотя и не было чем-то неизвестным, было очень редким в коллегиальных церквях.

§ 33.

Выйдя из церкви через один из верхних входов, воскресная процессия сначала посетила алтари в трансепте с этой стороны, и, пока священнослужитель окроплял каждый алтарь святой водой, в монастыре пели гимны. Часовни-трансепты различались по количеству. В церквях великого аббатства нормандского периода, таких как Норвич, Глостер и Тьюксбери, единственная апсидальная часовня выступала из восточной стены каждого трансепта. В

церквях с короткими пресвитериями такие часовни образовывали эффективную группу с апсидой и ее приделами. Так, в соборах Святой Марии, Йорке и Сент-Олбансе, где был применен план восточной апсиды без дорожки для процессий, апсида, выступающая за пределы остальной части церкви, была окружена с обеих сторон рядом из трех часовен, две из которых выходили из трансепта; и из этих двух внутренняя, ближайшая к нефу, выступала дальше на восток, чем внешняя. В Дареме, Эли и Питерборо трансепты были снабжены восточными нефами, разделенными низкими ширмами или перпендикулярными стенами на три часовни с каждой стороны. Таким образом, в плане этих трех церквей было восемь алтарей в трансептах и приделах пресвитерии: в церкви Святой Марии, Йорке и Сент-Олбансе их было шесть; в Вестминстере четыре; в то время как в Норвиче, Глостере и Тьюксбери, где вокруг главного алтаря проходила дорожка для процессий, их было пять.

§ 34.

Удлинение восточных ветвей монастырских церквей, ранним примером которого было расширение Кентерберийского собора, завершенное в 1130 году, обеспечило дополнительные часовни и четкий маршрут для процессии позади главного алтаря. В Кентербери новая восточная часть была такой же длинной, как неф и перекресток вместе взятые: колонна была перенесена в ее западную часть, а дополнительные трансепты, каждый из которых содержал по две часовни, были вынесены по обе стороны от нового пресвитерия, в то время как три часовни открывались со стороны дорожки для процессий, опоясывающей апсиду. На этом плане ночным входом был дверной проем в восточном трансепте. При второй перестройке, примерно пятьдесят лет спустя, план был еще больше расширен, чтобы включить часовню для усыпальницы святого Фомы между главным алтарем и амбулаторией. Хотя в нескольких случаях, с удлинением восточной ветви, перила были перенесены в положение к востоку от трансептов, это изменение ни в коем случае не было общим. При перестройке Вестминстера в XIII веке главный алтарь, пресвитерия и причт остались на своих старых местах, а дополнительное пространство в новой апсиде было отведено под часовню и усыпальницу святого Эдуарда. Планы Кентербери и Вестминстера были тщательно продуманными версиями плана Норвича и Глостера. Но, в то время как этот тип планировки преобладал в великих церквях Франции, план, которому отдавали предпочтение в Англии с начала XIII века и далее, представлял собой длинную прямоугольную восточную ветвь. В Винчестере и Сент-Олбансе, самых длинных из наших великих церквей, ограждение не простиралось к востоку от трансептов, и пресвитерия и главный алтарь занимали свои относительные положения, как на более старом плане. За ширмой или рeredосом главного алтаря был отгорожен отсек в качестве кладовой или святилища для местного святого. В этом месте высокая крыша церкви закончилась, и крыша восточной пристройки оказалась на одном уровне с крышей приделов, которые, таким образом, были возвращены, чтобы образовать дорожку для процессий в задней части зала. На восточной стороне пути процессии располагались часовни, огороженные ширмами, в то время как в центре восточной стены была построена длинная часовня Богородицы без окон. В Честере восточная часовня, в которой находилась святыня Святого Вербурга, находится прямо за главным алтарем, и для процессионной дорожки не было оставлено места: это было в некоторой степени исправлено в пятнадцатом веке, когда северный придел расширили на восток и таким образом сделали боковой вход в часовню. На востоке и севере Англии, как в Эли и Селби, было принято продолжать высокую крышу до крайнего восточного конца церкви и

продлевать проходы до одинаковой длины с обеих сторон, так что внешне амбулаторная и восточная часовни не выражены определенно . В таких случаях ряд алтарей, разделенных ширмами или перпендикулярными стенами, располагался бок о бок у восточной стены. Эти альтернативные планы не были характерны для религиозных орденов, и второй план свободно использовался в более крупных церквях Йоркшира светскими канониками в Йорке и Рипоне, бенедиктинцами в Селби, Уитби и Сент-Мэри в Йорке, цистерцианцами в Жерво и Риво, а также августинскими канониками в Гизбро и Киркхеме.

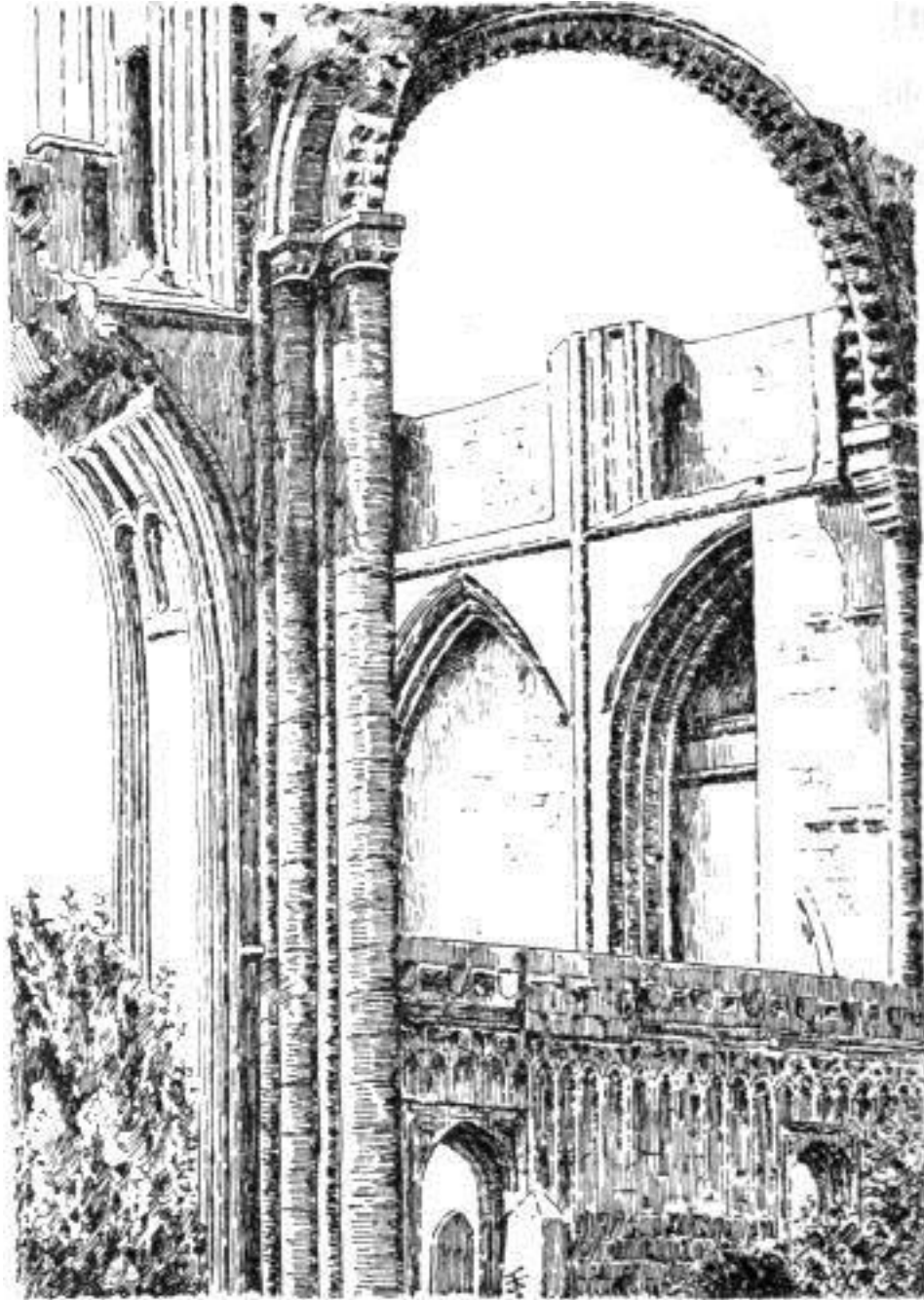

Рис. 2. Аббатство Кройланд: сводчатый экран и неф из Юго-Восточной Азии

§ 35.

Воскресная процессия, по очереди остановившись у каждой из восточных часовен, прошла по проходу в трансепт рядом с монастырем и, посетив там алтари, вошла в монастырь через восточный дверной проем для процессий в нефе. Он вернулся через западный дверной проем для процессий. Если бы, как в Дареме, в западном конце церкви была часовня, процессия входила бы в нее через дверь в конце одного придела и выходила бы из него через другой. Западной часовней в Дареме, как и в Гластонбери, была часовня Пресвятой Богородицы. В Дареме он был известен как Галилейский, потому что священнослужитель, входящий в него перед монастырем в конце процессии в воскресенье, в праздник Воскресения Христова, символизировал нашего Господа, идущего впереди Своих учеников в Галилею. Название Галилея также применялось, как в Эли или в цистерцианских церквях Байленда и Фонтейнов, к верандам перед западным дверным проемом церкви. Конечная остановка процессии находилась в середине нефа перед крестной ширмой. Здесь монастырь располагался в два длинных ряда, положение каждого члена регулировалось камнями, вделанными в пол нефа через равные промежутки: такие камни до сих пор лежат под травой у фонтанов и, как известно, существовали и в других местах. Тем временем священнослужитель окропил алтарь в главном нефе, который стоял напротив середины ширмы и был в Дареме огорожен по бокам и спереди деревянными ширмами, которые образовывали часовню или "притвор". По обе стороны от алтаря был дверной проем через ширму, над которым находился большой крест, или распятие, с фигурами Святой Марии с одной стороны и святого Иоанна с другой; в Дареме были также фигуры архангелов. Крестная ширма была обрамлена ширмами поперек проходов, так что западная часть нефа была полностью отгорожена от площади и от восточного дверного проема для процессий. Восточная часть южного придела в Дареме была отгорожена как церковная часовня, а еще дальше к западу, под противоположными арками нефа, были две закрытые часовни, одну из которых посещали по пути в Галилею, а другую - по возвращении. Часто, как в Сент-Олбансе, под арками располагался ряд часовен, в то время как в некоторых случаях, как в Эли и Питерборо, где неф выступал на некотором расстоянии к западу от монастыря, в трансепте в западном конце было предусмотрено больше алтарей. После того, как место у алтаря руда и соседних часовен было завершено, монастырь прошел через два дверных проема в ширме руда и, воссоединившись в проеме за ней, вошел в церковь через дверной проем в середине *кафедры*. Во многих церквях, как, например, в Норвиче, *кафедра* была образована двумя параллельными каменными экранами, несущими чердак и занимающими нишу в нефе. В Малмсбери он окружал бухту к западу от переправы, а его восточная перегородка представляет собой рeredос нынешнего приходского алтаря. В Дареме и Кентербери, где площадь находилась к востоку от перекрестка, *кафедра* находилась между восточными опорами, а решетка - между западными. В Кентербери восточный дверной проем для процессий находился в западной стене трансепта рядом с монастырем. В Дареме он находится в обычном положении, но перекрыт вестибюлем, образованным путем установки ширмы в конце южного прохода через один отсек к западу от руд-ширмы. Рууд-ширмы в Кройленде и в Тайнмутском монастыре до сих пор стоят среди руин. В Сент-Олбансе *кафедра* исчезла, но каменная ширма для распятия осталась; в то время как в Блайт-прайори место ширмы для распятия заняла стена на всю высоту нефа.

§ 36.

Мирянам разрешалось входить в нефы монастырских церквей; и даже в цистерцианских церквях, где все здание было строго отведено под нужды монастыря, иногда встречаются дверные проемы, как в Киркстолле, которые, возможно, были сделаны для этой цели. В большом количестве бенедиктинских и августинских церквей, хотя и далеко не в большинстве, алтарь в нефе был отведен для приходских служб, и обслуживался светским викарием или викариатом, назначенным монастырем. Миряне входили в церковь через дверной проем в проходе напротив монастыря: большой западный дверной проем использовался только в особых случаях, например, во время процессии в Вербное воскресенье или при посещении епископа. Иногда, как в Блайте и Леоминстере, к первоначальному нефу специально пристраивали придел или второй неф с приделом для проведения приходских служб. Однако такие службы часто мешали монашеским обязанностям, особенно если монастырь пел одно, а прихожане - другое. В Ваймондхэме в Норфолке спор об использовании колоколов приходом привел к серьезной ссоре в пятнадцатом веке. Прихожане заперли раздвижные двери и присвоили себе неф, и спор был разрешен только постройкой отдельной колокольни для прихода в западном конце церкви. Монахи Рочестера и каноники церкви Святой Троицы в Олдгейте построили церкви на своей внешней территории для прихожан, чьи службы мешали их собственным. Это расположение, подобно тому, благодаря которому пары приходских церквей в Ковентри, Ившеме и Бери-Сент-Эдмундсе отличались от соседних монастырских церквей, положило конец постоянным спорам, которые происходили между монахами и мирянами по поводу использования южного трансепта в Честере.

§ 37.

Цистерцианские церкви разработали собственный особый план в соответствии со строгими идеалами своего ордена. Некоторые из их самых ранних церквей, как, например, в Уэверли и Тинтерне, имели бесшумные нефы, короткие трансепты, каждая с одной прямоугольной часовней на восточной стороне и бесшумным прямоугольным пресвитерием. Это простая форма обычного цистерцианского плана, который в совершенстве прослеживается в Киркстолле и Билдвасе и был сохранен с некоторыми изменениями при поздней перестройке в Фернесе. Пресвитерия, бесстрастная и прямоугольная, выступала примерно на два пролета к востоку от перекрестка, а главный алтарь располагался немного впереди восточной стены. Западный проход пресвитерии был перекрыт с обеих сторон двумя или тремя прямоугольными часовнями, расположенными вдоль восточной стороны трансептов, отделенных друг от друга сплошной оградой, но сплошной восточной стеной. В нефе был проход. Башня находилась на обычном месте, в переходном и восточном нишах нефа, и была окружена с севера и юга каменными стенами, которые были возведены заподлицо с внутренними гранями колонн и по всей длине перехода. Нижний вход в церковь находился, как обычно, в середине *кафедры*; верхними входами служили двери в боковых стенах рядом с пресвитерием.

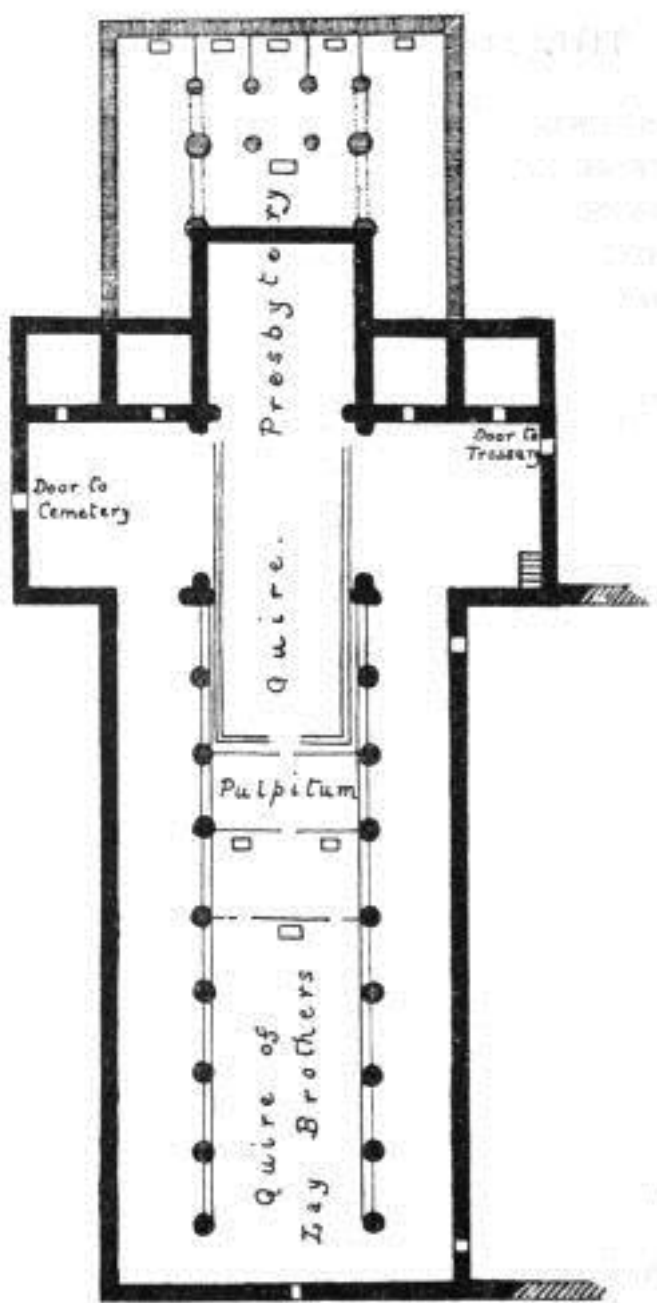

Рис. 3. План типичной цистерцианской церкви, демонстрирующий первоначальную форму и более позднее расширение на восток.

§ 38.

Такой план, очевидно, давал мало места для процессий, в то время как количество алтарей было ограничено пресвитерией без окон. В то время как некоторые церкви, такие как Билдвас и Киркстолл, сохранили свой ранний план без изменений, и в то время как церкви XIII века, такие как аббатство Милочки в Кирккадбрайтшире и Валле Крусис в Уэльсе, были построены по традиционному плану, другие были перестроены с пресвитериями с проходами и рядами

восточных часовен. В двух случаях, в Кроксдене и при расширении Хейлза, сделанном в 1271-7 годах, был принят обычный французский готический план апсиды с дорожкой для процессий и апсидальными восточными часовнями. Особые цистерцианские модели, однако, были представлены в результате перестроек в Клерво (1174) и Сито (1193). В Клерво апсида заняла место прямоугольного пресвитерия: восточные стены часовен рядом с пресвитерией были сняты, и эти часовни были продолжены вокруг апсиды в виде дорожки для процессий, от которой открывался ряд часовен, по одной от каждого пролета, разделенных стенами и перекрытых общей односкатной крышей. План Сито был просто прямоугольной версией плана Клерво: пресвитерия имела проходы, проходы были возвращены через восточный конец, и со всех трех сторон были окружены похожими часовнями, отгороженными друг от друга. Единственным известным примером плана Клерво в Англии является церковь Болье XIII века. План Сито в измененном виде был более общим. Это хорошо видно в Доре, где нет часовен, открывающихся с северного и южного нефов, но на пути процессии есть восточный придел, содержащий пять часовен, первоначально отделенных друг от друга каменными стенами. Этому плану следовали в более ранней церкви в Хейлсе (1249-51), до того, как восточный рукав был расширен и включил в себя часовню Святой Крови. В некоторых церквях, как, например, в Байленде и Уэверли, путь процессии был обеспечен путем перемещения главного алтаря на запад от главной восточной стены и размещения часовен в обратном проходе, вместо того чтобы строить для них специальный проход за его пределами. С другой стороны, восточные ответвления в Жерво, Риво, Тинтерне и других местах были перестроены в тринадцатом веке по обычному прямоугольному плану с проходами. Главный алтарь располагался в двух отсеках к западу от восточного торца: дорожка для процессий проходила в отсеке между ним и восточными часовнями, которые располагались у восточной стены. Пресвитерии в этих церквях обычно были отгорожены от проходов, как можно видеть в Тинтерне: стены были предусмотрены с самого начала и иногда крепились к опорам. Как правило, такие пресвитерии с проходами были короткими. Четыре пролета были обычной длиной, как в Жерво, Нетли и Тинтерне: это позволило разместить два пролета для главного алтаря и пресвитерии, а причал оставили в его обычном положении. Но в Риво восточный рукав был удлинен до семи бухт и включал в себя квайр. Расширение фонтанов в тринадцатом веке дало четыре пролета для алтаря и пресвитерии, не снимая ограждения; в то время как за алтарем был построен обширный восточный трансепт глубиной в два пролета с девятью часовнями у восточной стены и дорожкой для процессий в западном пролете. Этот необычный и красивый план был с большим великолепием воспроизведен в бенедиктинской церкви Дарема.

§ 39.

Главной особенностью цистерцианского трансепта было уже описанное расположение его восточных приделов. Это было изменено в более поздние времена, как, например, в Фернессе, где своды часовен были сняты и заменены деревянной крышей на более высоком уровне, а сплошные перегородки заменили сетчатые стены. Ночная лестница из монашеских дортуаров, как правило, располагалась у западной стены соседнего трансепта, в то время как в торцевой стене противоположного трансепта находился дверной проем, через который похоронные проходили на кладбище. В Фернессе, где церковь по исключительному расположению расположена между большей частью *курии* и монастырем, этот дверной проем служил главным входом в церковь и был перекрыт притвором. Болье, как и Сито, имеет необычную особенность -

западный проход в трансепте напротив монастыря. Такие проходы, хотя иногда встречаются в обоих трансептах бенедиктинских церквей, редки в церквях цистерцианцев.

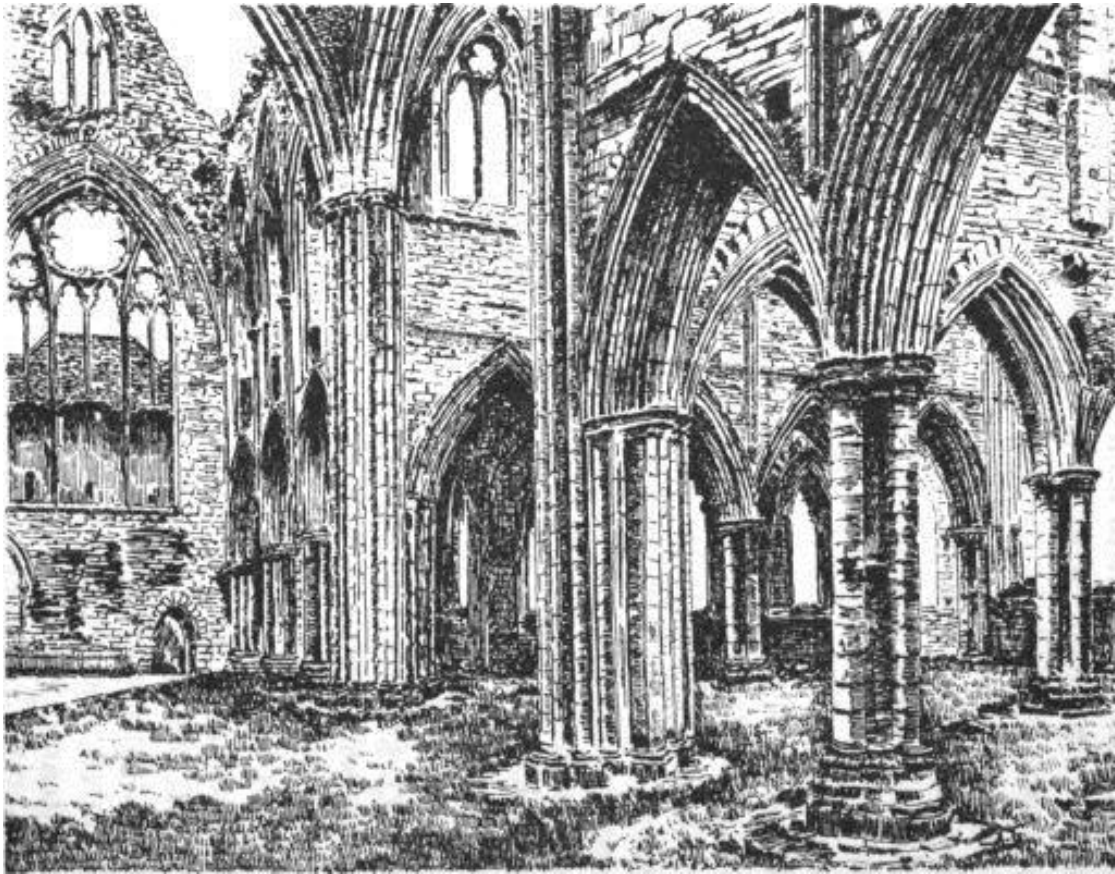

Рис. 4. Аббатство Тинтерн: северный трансепт и пресвитерия, показаны дверные проемы в дортуары и ризницу.

§ 40.

Цистерцианские нефы не были затронуты проблемой приходских служб, но служили особым целям, требуемым своеобразной конституцией ордена. Что касается воскресной процессии, то ее организация не сильно отличалась от таковой в других монастырях, хотя расположение западных дверей для процессий по отношению к монастырю было несколько иным. Западный конец квартала был перекрыт *кафедрой*, которая в более длинных нефах, как у Фонтанов, состояла из двух параллельных экранов с мансардой наверху, занимая целый отсек, но часто представляла собой единую экранную стену с мансардой. У западной стены *кафедры* находились два алтаря, по одному с каждой стороны среднего дверного проема. Бухта к западу от них называлась ретроквайр, где немощные и престарелые монахи посещали службу, и была отгорожена с западной стороны ширмой. Это было обычное сооружение с алтарем на западной стороне между двумя дверными проемами. Неф к западу от ширмы использовался братьями-мирянами, которые имели ночную лестницу из своей спальни в соседнем проходе и использовали западный дверной проем для процессий в качестве дневного входа. Их лавки были расположены у стен, которые, как и в пресвитерии, отделяли неф от проходов: они были

прерваны в самом западном проеме, чтобы обеспечить свободный проход для братьев-мирян и для процессий. Такое расположение можно хорошо увидеть в Тинтерне, где незастеленной осталась только западная бухта на северной стороне, рядом с монастырем. План получил свое полное развитие в Фонтанах, где неф имел одиннадцать отсеков в длину, из которых семь находились к западу от ширмы, в то время как из остальных один был отведен под церковь, и по одному на *кафедру*, алтари перед ней и ретро-церковь. В Фернесе, где было десять отсеков, два были отведены квайру, пять находились к западу от руд-экрана, а промежуточные три были разделены, как у Фонтанов. В более коротких церквях, таких как Билдвас (семь отсеков) и Тинтерн (шесть), необходимо было изучить некоторую экономию пространства между экранами. Таким образом, из восьми отсеков в Киркстолле два находились внутри помещения, четыре - к западу от ширмы, *кафедра* занимала целый отсек, а в оставшемся отсеке находились алтари на его западной стороне: пространство под *кафедрой* могло в данном случае использоваться как ретроград. *Кафедра* в Валле Крузис представляла собой единую перегородку между западными опорами перехода, и причал не простирался в короткий неф. После того, как братья-миряне перестали быть частью цистерцианских монастырей, стены, отделяющие их помещения от нефов-проходов, были сняты там, где они не соединялись с опорами, а затем в восточных нишах нефов были устроены часовни. В Фернесе не сохранилось и следа каких-либо новых часовен, но, вероятно, там всегда был алтарь в каждом из нефов, в одном ряду с алтарями рядом с *кафедрой*.

§ 41.

Предпочтение прямоугольному алтарю, во всяком случае, в наших более крупных церквях, можно в какой-то мере объяснить архитектурным влиянием цистерцианского ордена. Безусловно, можно проследить цистерцианское влияние в некоторых церквях регулярных канонов. Нельзя сказать, что церкви августинских канонов следовали какому-либо определенному или единообразному плану. Некоторые, например, церковь Святого Варфоломея в Смитфилде, предпочитали планы, для которых лучшими современными образцами были бенедиктинские. Но план первой церкви в Хогмонде был очень похож на ранние планы Уэверли и Тинтерна; и когда он был заменен более крупной церковью с более длинной осью, расположенной дальше к северу, чем раньше, новый пресвитериум все еще был пуст и по-прежнему был отгорожен стеной от непосредственно примыкающих часовен-трансептов. Из них по две с каждой стороны, оба прямоугольной формы, а те, что находились рядом с пресвитерием, были длиннее, чем те, что находились снаружи. Такой же план пресвитерия и часовен-трансептов находится в Лиллсхолле, и, как известно, он существовал у Фонтанов до того, как в пресвитерии появился проход. Точно так же план пресвитерии и трансептов в Болтоне и Бринкберне явно цистерцианского происхождения, и, когда пресвитерия в Болтоне была расширена в четырнадцатом веке, ее бесформенная форма была сохранена. В премонстратианских церквях часто очевидно сходство с обычным цистерцианским планом. Первоначальный план восточной части церкви Святой Агаты был почти таким же, как у Киркстолла; в то время как план той же части Торре практически идентичен плану Билдваса и Роша. Как и в Болтоне, безымянный пресвитериум в церкви Святой Агаты был расширен в четырнадцатом веке вдвое по сравнению с первоначальной длиной.

§ 42.

План Хогмонда и Лиллешолла, в котором стены пресвитерии оставались незаконченными, в то время как по бокам от них располагались часовни, похожие на проходы, встречается в некоторых премонстратианских церквях, например, в Дейле. В Вест-Лэнгдоне часовни тянулись по всей длине пресвитерии. Однако обычно они заканчивались недалеко от ист-энда. Сформированный таким образом безымянный выступ мог содержать, как в Олнвике, главный алтарь. Но в церкви Святой Радегунды близ Дувра в восточном отсеке находилась часовня Пресвятой Богородицы, а между ней и главным алтарем было пространство для процессий, куда входили через дверные проемы в стенах, отделявших ее от проходов, и в ширмах по обе стороны от главного алтаря. Во многих августинских церквях встречается дальнейшее развитие этого плана, в котором часовни представляют собой настоящие проходы, отделенные аркадами от пресвитерии, как в Картмеле и Ланеркосте, а восточный рукав настолько удлинен, что включает в себя костел или его часть. В Сент-Фридсвайде, Оксфорде (ныне кафедральный собор Крайст-Черч), Рептоне и Дорчестере, где планы несколько усложнены добавлением одной или нескольких дополнительных часовен с одной стороны, главный алтарь находился, как и в Картмеле и Ланеркосте, в восточной части залива, и процессия, переходящая из одного придела в другой, должна была проходить перед ним. Однако иногда планировалось, что часть с проходами, как в Бристоле, будет включать в себя причал и пресвитерию, а также проход для процессий за главным алтарем: таков был план церкви светских канонов в Саутвелле. Восточная часть Крайстчерча, Хантс, похожа по плану на Бристольскую; но здесь высокая крыша заканчивалась над алтарем, а крыши процессионной дорожки и часовни Богоматери, как и в Винчестере, находятся на одном уровне с крышами нефов, в то время как над ними находится верхний этаж или мансарда, бывшая часовня Святого Михаила. План Ключинской церкви в Касл-Акко был увеличен по линиям, использованным в Картмеле и Ланеркосте: план Уэнлока был приближен к тем, которым пользовались в Бристоле и Крайстчерче. Вариации этих типов планировки можно увидеть в расширенных бенедиктинских церквях Рочестера и Вустера XIII века, в которых колонны были размещены в восточном крыле. Обе церкви имеют восточные трансепты, и в обоих случаях высокий свод был продолжен до конца безымянного восточного выступа, в котором находился главный алтарь в Рочестере с свободным пространством за ним. В Вустере в безвоздушной бухте находилась часовня Пресвятой Богородицы, а главный алтарь находился к западу от пути процессии.

§ 43.

Нефы более крупных канонических церквей, таких как Бридлингтон, Гизбро и Уорксоп, были снабжены полным набором нефов. Крайстчерч и церковь Святого Ботольфа в Колчестере являются яркими образцами монастырских нефов августинианского периода, которые были разделены проходами в двенадцатом веке. Но также несомненно, что во многих канонических церквях, таких как Хогмонд, изначально не было приделов. Это, как мы видели, было общим моментом между ними и некоторыми ранними цистерцианскими церквями. Неф в Лиллсхолле никогда не был снабжен проходами: то же самое произошло в Киркхеме, где в тринадцатом веке восточный рукав был полностью перекрыт проходами. В таких случаях, когда изначально планировался неф без проходов, ни один проход не мог быть добавлен со стороны, примыкающей к монастырю, без сокращения площади монастыря или необходимости его

перестройки. Следовательно, нефы без стен были оставлены такими, какими они были, или были увеличены за счет придела только на той стороне, которая допускала расширение, напротив церкви. Неф с единственным проходом, хотя он встречается в некоторых бенедиктинских церквях, например, в монастырях Абергавенни и Бромфилда, безусловно, характерен для канонических церквей и может быть объяснен на этих основаниях. Среди примеров августинианства - церкви Болтона, Бринкберна, Кэнонс Эшби, Хогмонда, Хексхэма (как планировалось в тринадцатом веке), Ланеркоста, Ньюстеда, Тергартона и Ульверскрофта: Дорчестер, где широкий южный придел является западным продолжением первоначального южного трансепта, может быть отнесен к той же категории. Домонстратионианскими церквями такого типа были Коверхэм, Уэст-Лэнгдон, Шап и Торре. Было высказано предположение, что это частичное добавление нефов могло быть вызвано желанием каноников соперничать с бенедиктинскими церквями с нефами. Однако церкви больших канонов, такие как уже упомянутые, если и были меньше великих бенедиктинских церквей, то, во всяком случае, полностью соответствовали плану; и вполне вероятно, что расширение нефов без окон было просто результатом неудобства тесного пространства, особенно там, где требовались новые алтари. Это не имело никакого отношения к нуждам прихожан: только четыре из десяти августинских храмов, и ни один из приведенных выше примеров премонстратенского периода не содержал приходских алтарей. Расширение часто достигалось, как в "Канонах Эшби" и "Тергартоне", с красивым и совершенно недвусмысленным эффектом. Однако в Ньюстеде строители, проектируя свой западный фасад, похоже, почувствовали, что односторонняя планировка вряд ли давала им возможность достичь желаемого возвышения; и поэтому они неискренне уравнивали западный фасад своего северного нефа, соорудив аналогичную по дизайну стену-экран у западной стены монастырских зданий. Эта работа, выполненная спродуманностью деталей, показывает, что на строительство южного нефа не могло быть недостатка в средствах, но единственной причиной, помешавшей этому, были неудобства, которые были бы причинены монастырю.

§ 44.

Разделение бесшумного нефа ширмами хорошо проиллюстрировано в Лиллсхолле, где сохранились основания *кафедры* и ширмы для распятия, а дальше к западу была стена, которая отделяла неф от сводчатого вестибюля, по-видимому, спланированного как первый этаж башни. Примеры нефов без потолка можно найти в церквях всех орденов. Известны примеры бенедиктинских церквей, таких как церковь Святого Бенета в Халме в Норфолке, где этот план, по-видимому, не соответствует важности и богатству монастыря. Ключинская монастырская церковь в Бромхольме - еще один случай из того же графства. Салли, цистерцианская церковь на границе Йоркшира и Ланкашира, имела полностью застроенный проход, но очень короткий неф без проема, который был немногим больше вестибюля церкви и занимал только восточную часть северной аллеи монастыря. Неф шотландского аббатства Келсо, принадлежавшего ордену Тирона, также был простым вестибюлем или *притвором*, и представляет собой разительный контраст с длинным нефом с северным и южным нефами соседней августинской церкви в Джеббурге.

Рис. 5. Монастырь Маунт-Грейс: башня-арки и неф из Нью-Йорка

§ 45.

Совершенно бесцветный план, в котором церковь представляла собой простой параллелограмм без трансептов и без арки между пресвитерием и нефом, находится в цистерцианском аббатстве Киммер, недалеко от Долгелли, где, однако, позже был построен короткий северный придел или часовня у западного конца нефа. Такой план, возможно, использовался во многих небольших домах, где было всего два или три брата в ордене священников, и требовалось очень мало алтарей в дополнение к главному алтарю. На самом

деле это был характерный план церквей определенных орденов. (1) Монашеские церкви, такие как монахиня Монктон в Йоркшире, как правило, планировались в виде прямоугольников без стен по очевидной причине, что требовалось немногим больше одного алтаря. Редко можно встретить женскую церковь, спланированную в масштабе Ромси, с полным набором нефов и трансептов и тщательно продуманной дорожкой для процессий. Иногда, как в Лакоке, к церкви пристраивали часовню, но это был нарост, который не скрывал характера первоначального плана. (2) Аскетический картезианский орден предпочел этот план, который был принят на горе Грейс. Однако через несколько лет после постройки церкви он был изменен путем установки башни на арках между пресвитерием и нефом, к западу от которых из стен нефа по обе стороны были пристроены трансептальные часовни. Еще позже под прямым углом к южной стене пресвитерии была построена длинная часовня с двумя алтарями. (3) Планы монашеских церквей, которые часто, как в Линне и Ричмонде, имели башню между нефом и пресвитерием, имеют сильное семейное сходство с планами Маунт-Грейс; а в некоторых случаях, как в Бреконе и Халне, недалеко от Алникика, они не имели структурного разделения. Однако нефы некоторых из более поздних городских церквей, где большие конгрегации посещали проповеди доминиканского ордена, были построены, как в великолепном примере в Норвиче, с северным и южным нефами. (4) Очевидно, что церкви гильбертинских канонов, как в Малтоне, иногда имели обычную планировку с нефами. Но в двойных домах ордена, если Уоттон типичен для остальных, церковь представляла собой длинное здание без стен с одной стороны от монастыря монахинь и была разделена вдоль стеной, причем отделение рядом с монастырем было отведено монахиням, а внешнее отделение, имевшее отдельный дверной проем, - каноникам. В стене между двумя алтарями был дверной проем, который мог использоваться для процессий и служителями у алтаря монахинь; но уединение двух частей монастыря тщательно поддерживалось, и святая вода и молебен передавались от монахинь к каноникам через поворотный столик в стене. У каноников также была часовня на южной стороне их собственного монастыря, которая представляла собой простой прямоугольник без окон.

ГЛАВА III МОНАСТЫРЬ И ЕГО ПОСТРОЙКИ

§ 46.

Монастырь (*claustrum*) представлял собой, как следует из его названия, замкнутое пространство, окружавшее все четыре стороны прямоугольного двора. Четыре прохода монастыря были перекрыты крышей: стены рядом со двором были сначала прорезаны открытыми аркадами, а позже большими оконными проемами. Одна аллея примыкала к нефу церкви, а часть восточной аллеи перекрывалась соседним трансептом. С восточной и двух оставшихся сторон монастыря располагались здания, необходимые для повседневной жизни монастыря, капитул неизменно находился в задней части восточной аллеи, а трапезная или братство - в задней части аллеи напротив церкви. Расположение входа с внешнего двора менялось в зависимости от местоположения монастыря: во многих домах, как, например, в

Торре, это был проход через западный хребет или на одном конце его, но в Дареме, Вустере и некоторых более крупных бенедиктинских домах это был сводчатый вход в конце восточной аллеи, самой дальней от церкви. Как мы уже видели, из церкви вели две двери, восточная из которых была обычным входом, которым монастырь пользовался в дневное время. Воскресная процессия покидала церковь через этот дверной проем и проходила по восточной аллее; и, посетив главные здания с трех сторон монастыря, возвращалась в церковь через дверь в конце западной аллеи.

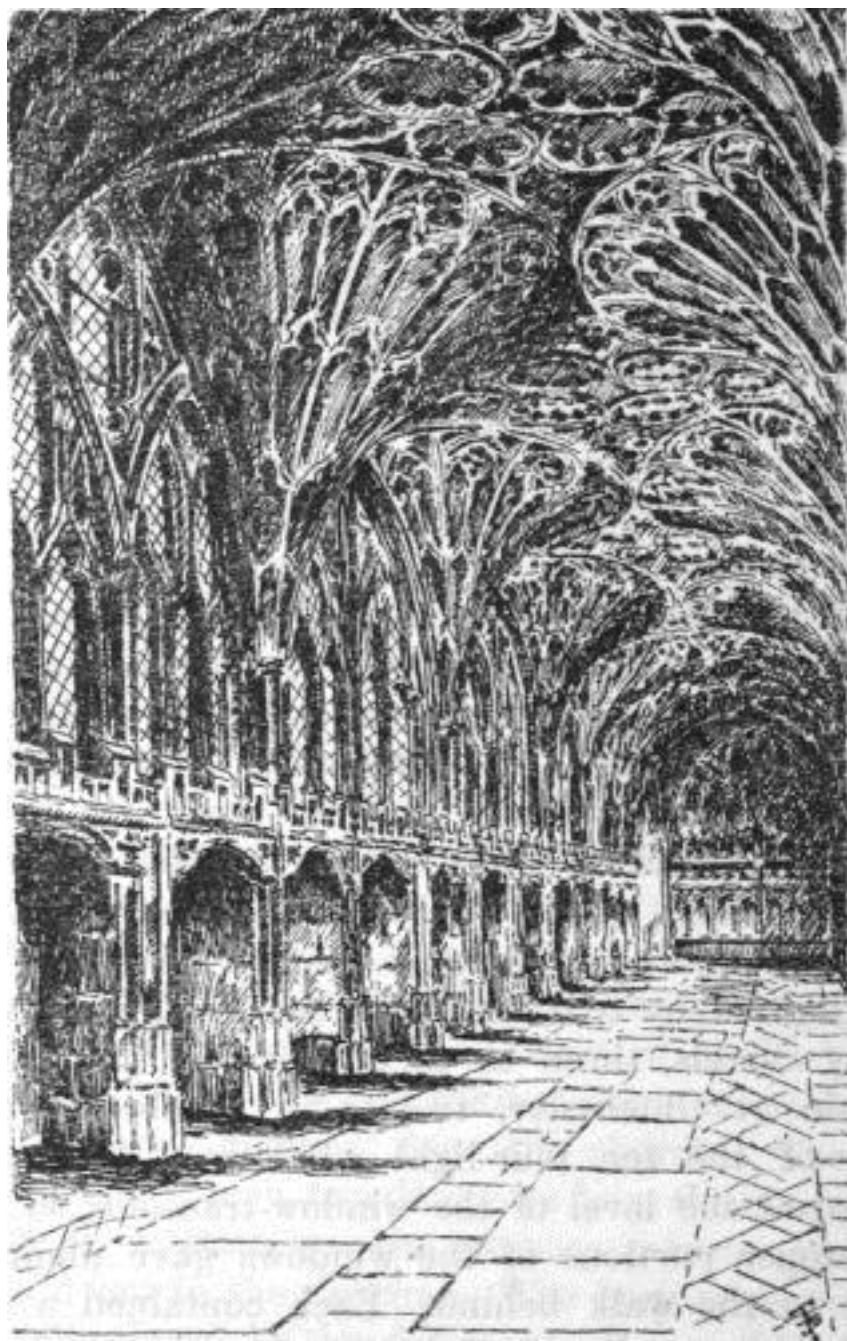

Рис. 6. Глостер: южная аллея монастыря с монашескими каморками.

§ 47.

Во всех монастырях, за исключением монастырей картезианского ордена, аллея рядом с церковью была обычным местом, где обитатели монастыря проводили часы дня, отведенные для учебы и созерцания. По этой причине монастырь обычно планировался с южной, более солнечной стороны церкви, где высокие стены нефа и трансепта защищали от северных и восточных ветров. Эта аллея, которая не входила в маршрут воскресной процессии, иногда огороживалась с обоих концов ширмами. В прежние времена братья, по-видимому, сидели бок о бок на каменных скамьях, которые, как и в Вустере, были приставлены к церковной стене между контрфорсами. Но позже часть аллеи рядом со двором была разделена короткими перегородками на ряд небольших кабинетов, называемых *carrels* (*кароли*, то есть замкнутые пространства). В Дареме, где аллея тянулась на десять пролетов в длину и освещалась десятью окнами с тремя лампочками, было тридцать кабинок, по три на каждое окно. Каррелы остаются в Глостере, всего их двадцать, по два на каждое из десяти четырехсветных окон. Они были перекрыты на уровне оконных фрамуг, так что верхние части окон давали много света на дорожку позади. В каждом был письменный стол для книг: в Дареме они были обшиты деревянными панелями и вели через двери, верхушки которых были пробиты, так что что каждый монах во время работы был под наблюдением. Поскольку частная собственность была запрещена, ни одному верующему не разрешалось хранить собственные книги в своей комнате. Использувавшиеся рукописи хранились в специальных шкафах или кладовых (*armaria*), которые в Дареме были расставлены вдоль церковной стены. Такие книжные шкафы были установлены в монастыре, где для них нашлось место. В Вустере их два на восточной аллее рядом с дверью капитула, в то время как в Глостере для этой цели, вероятно, использовались самая восточная ниша и два небольших шкафа, выступающих во двор со стороны восточной аллеи. В цистерцианских домах для библиотеки отводилось особое место; но в домах большинства орденов никакая определенная часть планировки не была столь выделена, и только позднее в Кентерберии и Дареме мы слышим об отдельных комнатах, отведенных библиотеке, в отличие от шкафов и прессов в монастыре[7].

§ 48.

В обычном бенедиктинском плане, который, хотя и допускал некоторые изменения, был образцом, основанным на удобстве, для других монашеских орденов, восточный ряд зданий имел первый и верхний этажи и выступал на некоторое расстояние к югу или северу, в зависимости от обстоятельств, за пределы монастыря. Верхний этаж был дортуаром (*dormitorium*) женского монастыря, который обычно проходил по всему периметру до трансепта церкви. На первом этаже располагалось здание капитула, куда можно было попасть через дверной проем примерно в середине восточной аллеи, - длинное здание, выступавшее на восток под прямым углом к горному хребту. Его очень часто отделяли от церкви, как в Дареме и Вустере, сводчатым проходом, который вел на кладбище в восточном конце церкви. Это была гостиная (*locutorium*), где соблюдалось правило тишины и можно было провести необходимую беседу. В Дареме торговцам разрешалось привозить сюда свои товары для продажи, но для этой цели часто предоставлялась внешняя гостиная, как в Глостере, в западной части, а восточная гостиная была отведена для монастыря. Иногда, как в Рочестере и Уэнлоке, здание капитула присоединялось к церкви без промежуточной гостиной; а в Вестминстерском месте

гостиной занимала часовня Святой Веры, единственный вход в которую был с южного трансепта.

§ 49.

Капитул (*domus capitularis*) был местом, где каждый день после прайма члены монастыря собирались вместе для исповеди и исправления ошибок, а также для обсуждения дел, касающихся дома в целом. На этих собраниях ежедневно зачитывалась глава (*capitulum*) правила, и из-за этого обстоятельства название главы было перенесено как на собрание, так и на здание. Здесь же посетитель монастыря проводил свои периодические опросы, предваряемые проповедью одного из своих клерков или старших членов палаты. В двенадцатом и тринадцатом веках, как и в Дареме и Фонтейнах, капитул был обычным местом захоронения аббатов и других глав домов. Мертвые тела монахов покоились в здании капитула в Дареме, и здесь для них отслужили заутреню по усопшим, прежде чем они отправились в свой последний путь через гостиную на кладбище. Здание обычно имело продолговатую форму, не разделялось колоннами на проходы и обычно было сводчатым. В Дареме, Глостере и Рединге оно заканчивалось апсидой. Настоятель или приор занимал возвышенное место в восточном конце, а главные служители сидели справа и слева от него. Остальные члены монастыря сидели на каменных скамьях вдоль стен; в то время как ближе к центру пола находился письменный стол или кафедра (*analogium*), с которой читались ежедневные отрывки из мартиролога и главы на день. Ширина здания капитула обычно соответствовала трем нишам монастыря, с дверным проемом в середине западной стены и окном с обеих сторон.

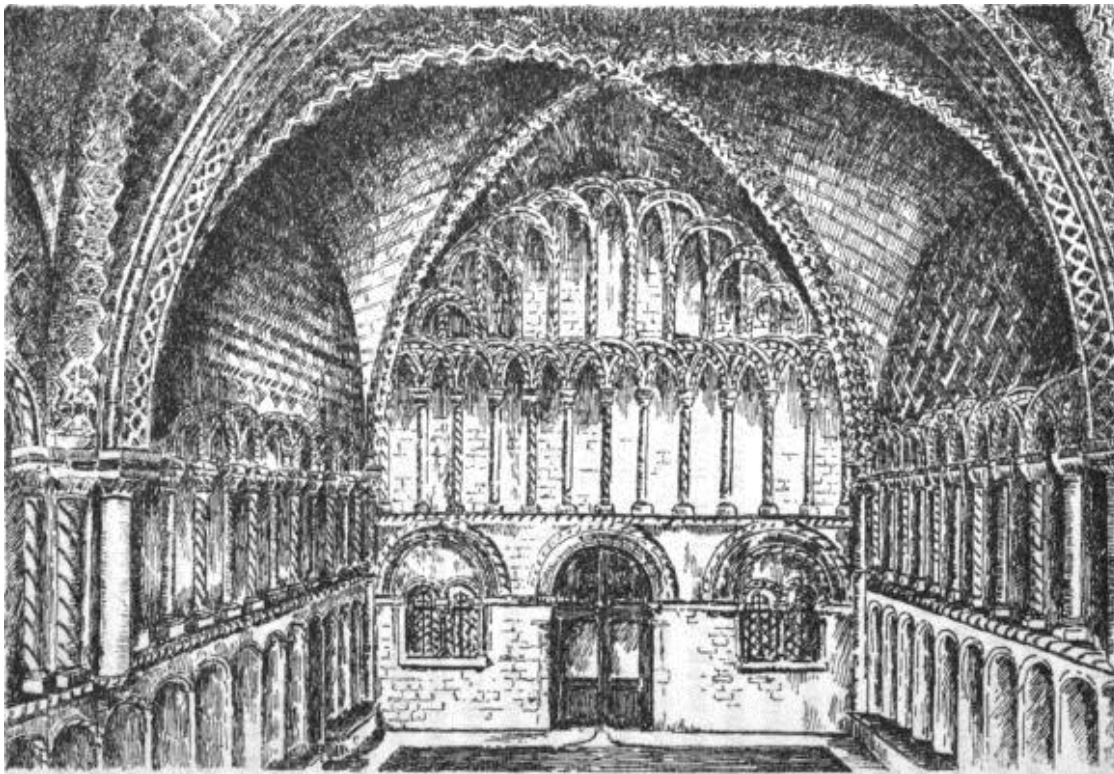

Рис. 7. Бристоль: здание капитула, смотрящее на Запад

§ 50.

В большинстве домов, как, например, в августинском аббатстве каноников в Хогмонде и канонисс в Лакоке, крыша капитула находилась на одном уровне с крышей монастыря, что позволяло продолжить дортуар или перейти из дортуара в трансепт через его западный конец. Но в больших домах, особенно у бенедиктинцев, это часто был пустой зал, занимавший всю высоту зала. Там, где, как в Кентербери, Глостере и Рединге, она была такого типа и открывалась прямо из монастыря, дортуар, очевидно, был отрезан от прямого сообщения с церковью. Но в Бристоле, Честере, Вестминстере и других местах высокие здания капитулов располагались исключительно в задней части восточного хребта, и посетителя переносили через сводчатый вестибюль, который разделялся колоннами на три или, как в Вестминстере, на два переулка и был либо открыт в монастырь, как в Бристоле, либо, как в Честере, в него входили через дверной проем с окнами по обе стороны, как в дверях капитула за ним. Было сказано, что здание капитула обычно планировалось без проходов: так было в более крупных бенедиктинских домах и в таких домах среднего размера, как Хогмонд, премонстратианское аббатство Драйбург в Шотландии или бенедиктинский женский монастырь Святой Радегунды в Кембридже. Но цистерцианский орден предпочитал капитулы, разделенные рядами колонн на аллеи, и влияние их прекрасных зданий можно увидеть в капитулах с проходами в Лакоке или в премонстратианском аббатстве Били. Да и здание капитула не всегда было продолговатым. Были приведены примеры апсиды; и когда церковь в Глостере была перестроена в пятнадцатом веке, она была закончена трехсторонней апсидой. Есть также круглые и многоугольные капитулы. В Вустере капитул двенадцатого века представляет собой круглое здание, вход в которое осуществляется прямо из монастыря, и сводчатый потолок которого опирается на центральную колонну. В пятнадцатом веке, когда на устоях появились признаки разрушения, он был перестроен снаружи в десятигранный многоугольник. Здесь не было необходимости в вестибюле, так как дортуар располагался в другой части монастыря, и, соответственно, можно было выделить больше места для капитула. В Доре здание капитула было многоугольным; в Маргаме оно было внутри круглым, снаружи двенадцатигранным. Здание капитула бенедиктинцев в Ившеме было десятигранным. Между 1245 и 1250 годами был построен восьмиугольный капитул Вестминстера, прототип светских зданий в Солсбери и Уэллсе, возведенный на подземном этаже и отделенный от монастыря длинным вестибюлем; и был еще один восьмиугольный капитул в августинском приорате Карлайл. Наиболее своеобразной была планировка здания капитула премонстратенов XII века в Алнвике, где прямоугольный западный вестибюль был объединен с круглой восточной частью той же высоты, перекрытой одним пролетом без центральной колонны.

§ 51.

Там, где здания лазарета стояли строго к востоку от монастыря, как в Кентербери, к ним вел проход через восточный хребет, рядом с домом капитула. Их положение, однако, было переменным; и в таких случаях лазаретный коридор представлял собой нишу, отрезанную от сводчатого подвала дортуара, который составлял остальную часть первого этажа восточного хребта. В Вестминстере, где это подземелье относится к самой ранней части монастыря,

соблюдался обычный обычай разделять его на два помещения. Северная и меньшая по размеру, занимающая два отсека в южном конце восточной аллеи, была сокровищницей, известной в Вестминстере как часовня Пикса, потому что валюта, содержащаяся в шкатулке (*pyxis*), была доставлена туда для испытания. Южное отделение простиралось на пять отсеков за пределы монастыря и представляло собой общий дом или грелку (*calefactorium*), в котором находился камин, где монахи грелись зимой. В монастырях Ключника это также было пристанищем монахов. Однако, если вестминстерское устройство можно назвать типичным, оно не было неизменным. Обычно теплица располагалась под дортуаром; и, следовательно, если дортуар, как это иногда случалось, занимал ненормальное положение, теплица следовала его примеру. Таким образом, на законтракованном участке в Глостере общежитие находилось на втором этаже здания под прямым углом к монастырю, параллельно зданию капитула. В Вустере он располагался под прямым углом к западной аллее монастыря. Вероятно, ранний план в Дареме был таким же, как в Вестминстере, но в конце концов общежитие и общий дом были перенесены на западный хребет. План церкви Святой Агаты, который во многих отношениях напоминает план Дарема, также показывает дортуар и общий дом в западном ряду; но, в то время как сокровищница в Дареме была частью подвала дортуара между общим домом и церковью, сокровищницей в церкви Святой Агаты, как и во многих домах каноников, вероятно, была ризница в восточном ряду, между церковью и домом капитула, где в Дареме мы находим гостиную. Дортуар и общий дом в Кентербери находились на обычном месте; но сокровищница находилась совсем в другой части монастыря, между лазаретом и одной из часовен апсиды; а в Глостере, во всяком случае, после четырнадцатого века, сокровищница представляла собой помещение на первом этаже над комнатой монахов, между зданием капитула и северным трансептом[8].

§ 52.

Прихожая обычно сообщалась с трансептом церкви ночной лестницей, великолепный образец которой сохранился в Хексеме, причем начало лестницы отделено от прихожей вестибюлем или комнатой над гостиной. Даже там, где, как в Хогмонде, дортуар не простирался над зданием капитула, иногда имелся проход или галерея, которая вела от него к трансепту. Из монастыря в дортуар всегда вела дневная лестница, обычное место для которой, как и в Вестминстере, находилось между зданием капитула или его вестибюлем и сокровищницей или общим домом; и когда, как в уже приведенных примерах, здание капитула полностью отрезало дортуар от церкви, эта лестница использовалась как для ночных служб, так и для обычного доступа в дневное время. В таких случаях вход в церковь осуществлялся через восточный дверной проем для процессий, но в Кентербери монахи, направляясь из дортуара на ночную службу, проходили через галерею на втором этаже восточного монастыря, или лазарета, к дверному проему в северо-восточном трансепте. В небольших монастырях часто возникали некоторые трудности с тем, чтобы вписать дневную лестницу в план восточного хребта. В премонстратенском доме святой Радегунды дневная лестница представляла собой прямой лестничный пролет из вестибюля между дортуаром и церковной стеной, на другом конце которого находилась башенка с ночной лестницей. В Лакоке рядом с церковью была единственная лестница, параллельная восточной аллее и отделяющая ее от большой ризницы, которая заполняла пространство между церковью и зданием капитула.

§ 53.

Деревянные перегородки разделили дортуар изнутри на ряд отсеков с проходом по центру. Каждая каморка освещалась окном, и в Дареме в каждой был письменный стол, за которым монахи могли работать, если, например, во время *сиесты* в середине дня летом они не могли заснуть. Это было обычное позднее устройство: вероятно, в ранних монастырях кровати стояли у стены между окнами без каких-либо перегородок. Хотя несколько монастырских дортуаров все еще имеют крыши, как, например, в Вестминстере и Дареме, где они используются как библиотеки капитулов, в цистерцианских аббатствах Клив, Форд (где дортуар теперь разделен на множество небольших комнат) и Валле Крусис, а также в премонстратенском аббатстве Били, внутренние перегородки исчезли. В дальнем конце дортуара или под прямым углом к дальней стене от монастыря всегда находилось здание, известное как *domus necessaria*, *necessarium*, или по-английски *gere-dorter*, которое представляло собой длинную галерею с рядом кресел у одной стены, каждое из которых освещалось окном и отделялось перегородкой от соседнего. Под сиденьями был водосток или бегущий ручей, над которым перегородки поддерживались поперечными арками: на первом этаже водосток был перекрыт стеной со сводчатого подвала галереи. *Necessarium* в Кентерберии, известный как третья спальня, имел длину 145 футов: он открывался из северо-восточного угла большой спальни и располагался под прямым углом к восточной стене, параллельно второй спальне, в которой спали послушники или офицеры палаты. Сначала в нем было 55 мест, позже - 50. В Льюисе более поздний *necessarium*, отдельное здание, расположенное на более низком уровне, чем общежитие, и соединенное с ним мостом и лестницей, было 158 футов в длину и вмещало 66 посадочных мест. В Фернессе *necessarium* располагался к востоку от общежития и параллельно ему, а двухэтажное здание соединяло их. Здесь сиденья были расположены спинка к спинке у средней стены, с проходами по обе стороны.

§ 54.

В монастырях всех орденов, за исключением только цистерцианского ордена, ряд зданий напротив церкви, объединяющий восточные и западные монастырские постройки, имел свою главную ось, параллельную оси церкви, и в него можно было попасть через дверной проем из монастыря у его западного конца. В его восточном конце часто был сводчатый проход через хребет, который продолжал восточную аллею монастыря и вел либо, как в Дареме, во внешний двор, либо, как в Глостере и Питерборо, к зданиям лазарета, и из этого прохода, или "темной обители" в Вестминстере, можно было попасть в общий дом под дортуаром. Большая часть ассортимента была отведена братству или столовой монастыря (*refectorium*). В нескольких случаях братство поднималось в подвале, который во многих подобных случаях, как в Глостере, был большим погребом и кладовой дома. Там, где такие подвалы существовали, лестница вела через дверной проем братства в западный конец зала, который, как и в обычных домах, был отгорожен от остального ширмами. Ширмы, установленные на уровне, где не было подвала, образовывали проход на кухню в задней части плиты, а с западной стороны располагалась кладовая. Этот проход существовал в Дареме и церкви Святой Агаты, где над кладовой, крыша которой, конечно, находилась на гораздо более низком уровне, чем крыша зала, был чердак,

использовавшийся в более поздние времена в Дареме для ежедневных трапез монахов, которые пользовались братством только по определенным праздникам, оставляя его послушникам в обычные дни. Само братство представляло собой зал без окон с деревянной крышей. В противоположном конце зала располагался высокий стол для главных прихожан монастыря: остальные сидели за двумя или более столами, расставленными вдоль всего зала. Рядом с высоким столом, в стене, противоположной галерее, находилась кафедра, с которой кто-нибудь из братьев за трапезой читал отрывок из Священного Писания или какую-нибудь проповедь на латыни. Оконная ниша обычно расширялась, образуя кафедру, пол и парапет которой выступали в сторону зала: в нее вела лестница, как в Честере или в прекрасном цистерцианском образце в Болье, в толще стены, с открытой аркадой на внутренней стороне. Во фритюрнице также были шкафы и полки для посуды, постельного белья и фаянса. В цистерцианском аббатстве Клив над высоким столом сохранилась настенная роспись с изображением Распятия: похожая картина была сделана в 1518 году в Дареме на верхней части западной стены. В Вустере скульптурная фигура Господа Нашего в величии занимает середину восточной стены.

§ 55.

Кухня, как уже было сказано, находилась за пределами монастыря, хотя по необходимости находилась в тесной связи с братством. В некоторых крупных домах, как, например, в Кентербери, Дареме и Гластонбери, это было отдельно стоящее здание, которое было перестроено в четырнадцатом веке в квадратном плане, с каминами по углам, арки которых поддерживали восьмиугольную надстройку и сводчатую крышу, дым по дымоходам отводился в центральный лувр. Коридор соединял кухню с братством и ширмами, и в Дареме еду подавали через отверстие в стене братства, называемое окном буфета. Великолепные кухни Дарема и Гластонбери до сих пор целы. В большинстве случаев кухня, вероятно, представляла собой прямоугольное здание; и иногда, как в Лакоке, она стояла к западу от братства, под углом между ним и западным хребтом. Здесь, где братство располагалось на верхнем этаже, вестибюль у подножия лестницы был входом на кухню, а камины располагались во внешних стенах.

Рис. 8. Вустер: уборная на западной аллее монастыря.

§ 56.

В монастыре, недалеко от входа в братство, находилась уборная (*lavatorium*), где братья мыли руки перед едой. В некоторых случаях, как в Дареме и Уэнлоке, восьмиугольное или круглое здание, выступающее в клойстер-гарт напротив входа в братство, содержало большой умывальник, наполняемый кранами из трубы в центральной колонне. Каждый монах мог мыться из своего отдельного крана, вода из которого попадала в таз у подножия умывальника и отводилась по сточной трубе. Хитроумно устроенный водопровод в Кентербери обслуживал

тритаких умывальни и четвертую в так называемом северном зале[9]. Большой умывальней в монастыре лазарета пользовались монахи по пути из общежития в ночную контору, когда входили в церковь через восточный трансепт: она сохранилась до сих пор, а также арки и основание желоба рядом с братством. В Уэнлоке сохранилось небольшое помещение в западной стене южного трансепта, недалеко от восточного входа для процессий из монастыря, в котором находилась уборная для использования перед ночным отделением: в данном случае уборная, очевидно, имела более обычное устройство и представляла собой не отдельный умывальник, а корыто, питаемое горизонтальной трубой в стене позади и опорожняемое сливным патрубком на одном конце. Следы этой формы чаще всего остаются в монастырях, где уборная и ее шкафчики для полотенец располагались в арочных нишах либо, как в Питерборо, либо в нескольких цистерцианских домах, в стене братства, либо, как в Вустере, Хогмонде и Хексеме, в стене западного хребта, недалеко от входа в братство. Уборная в Глостере, построенная по принципу корыта, находится в прямоугольном здании, выступающем из стены напротив братства в клойстер-гарт: шкаф для полотенец находился в северной стене монастыря рядом с братством. Шкафы для полотенец также были образованы углублениями в аналогичных местах в южной стене в Дареме[10].

§ 57.

На первом этаже западного ряда зданий, как в Кентербери, Честере и Питерборо, обычно располагалось здание келаря (*целлариум*), в котором находились большой погреб и кладовая монастыря, и часто оно отделялось от церкви сводчатым проходом, который был главным входом в монастырь из *курии* и внешней гостиной, где можно было вести необходимые дела с мирянами. Но переменное положение *курии* по отношению к монастырю делало использование этого пространства подверженным колебаниям; и иногда, как мы видели, большой подвал был хранилищем под братством. В двух женских монастырях, бенедиктинском доме святой Радегунды в Кембридже и августинском доме в Лакоке, первый этаж был разделен на отдельные комнаты. Внешняя гостиная в Лакоке была проходом недалеко от центра хребта: комнаты рядом с церковью, возможно, использовались капелланами монастыря, в то время как большая комната к северу от прохода, возможно, была залом для гостей, где келейница развлекала посетителей низшего звена или паломников. На верхнем этаже, вероятно, располагались апартаменты настоятельницы или *камерас* ее гостевым залом, в котором размещались посетители высшего класса, над залом келейницы. Во всяком случае, это был очень распространенный обычай, за исключением цистерцианских монастырей, когда верхний этаж был частью отдельного жилья аббата или приора и вмещал его гостевой зал. Первоначально глава дома спал в общей спальне со своими братьями; но к концу XII века он начал занимать отдельные комнаты, которые в более крупных монастырях превратились в дом определенного размера. В Питерборо жилище настоятеля, ныне епископский дворец, состояло из отдельного блока зданий, стоящих к западу от *келлиария*, и в него можно было попасть с внешнего двора через собственную сторожку. К *целлариуму* примыкало крыло, на верхнем этаже которого находилась солнечная, или большая, палата аббата; она сообщалась с залом для гостей на втором этаже *целлариума*, между которым и церковью, над внешней гостиной, находилась часовня аббата. Жилище старшего настоятеля в Глостере, впоследствии переданное настоятелю, а теперь используемое как благочиние, также было отделено небольшим двориком от монастыря, а в крыле рядом с церковью находилась часовня настоятеля над внешней

гостиной; но здесь не было западного крыла монастыря, и, следовательно, гостевой зал настоятеля не находился в замкнутых зданиях. Дворец архиепископа в Кентербери занимал практически все пространство к западу от *келларума*, с входами в монастырь с обоих концов: *курия* находилась к северу от монастыря, а внешняя гостиная представляла собой проход между западным концом братства и зданием келаря.

§ 58.

Важное изменение плана в западном ареале встречается в трех характерных случаях. В каждом случае особенность определяется тем фактом, что река образует западную границу участка и обеспечивает особое удобство для дренажа, в то время как в двух случаях, в Дареме и Вустере, западный хребет находился на стороне, наиболее удаленной от городских домов рядом с монастырем. (1) В Вустере подвал находился под монастырем, и не было западного хребта, параллельного монастырю. Общежитие с общим домом внизу находилось под прямым углом к западной аллее монастыря, а общежитие - в дальнем конце этого здания, рядом с рекой. Проход между общим домом и церковью вел в лазарет. (2) В Дареме старые общежития и общий дом, по-видимому, находились, как и в Питерборо, в восточной части хребта и его продолжении к югу, рядом с домом капитула. Но в тринадцатом веке в задней части западной аллеи был построен длинный ряд. Большая прихожая занимала весь верхний этаж. Его южный конец, пересекавший западную оконечность хребта братства, был отведен послушникам; а лестница, ведущая в монастырь, рядом с церковью, на северном конце, служила как для дневного, так и для ночного использования. Сводчатый первый этаж рядом с монастырем был разделен на сокровищницу рядом с церковью и общий дом. В бухте на пересечении южной и западной аллей проход вел через хребет к лазарету, который, как и в Вустере и по тем же причинам, находился на западной стороне монастыря. В отсеках за этим находились подвал и кладовая, ныне известная как склеп, с входами в одном конце из лазарета, а в другом - из кладовой келаря или офиса и кухонных построек во внешнем дворе. Часть старого восточного хребта рядом с капитулом использовалась как тюрьма для непокорных монахов, а место остальных было занято жилищем приора, ныне являющимся частью благочиния. (3) В прémonстратенском доме Святой Агаты дортуар находился на втором этаже западного свода и простирался на юг, как и в Дареме, через западный конец братства: его лестница спускалась к монастырю в южном конце западной аллеи, отделяя общий дом и прилегающий подвал от гостевого зала келаря, который образовывал пять южных отсеков подвала дортуара. Однако к западу от дортуара была большая двухэтажная пристройка, верхний этаж которой, по-видимому, использовался для размещения гостей высшего класса, в то время как из трех помещений первого этажа среднее и самое большое, возможно, занимали слуги, с узким подвалом на востоке и водостоком, пересеченным поперечными арками, на западной стороне. Все устройство совершенно исключительное и, вероятно, было уникальным; но план подвала дортуара, допускающий некоторые различия в использовании, имеет сильное сходство с планом в Дареме.

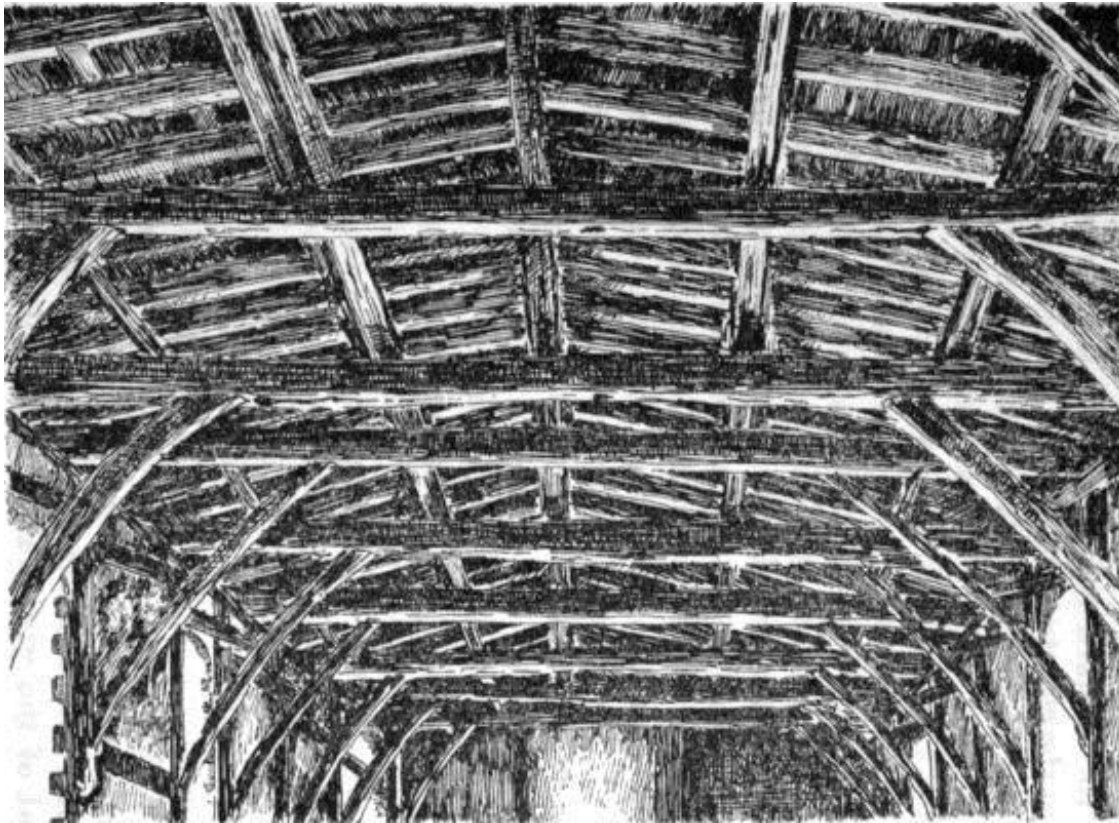

Рис. 9. Дарем: потолок дортуара (ныне библиотека капитулов).

ГЛАВА IV ЦИСТЕРЦИАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

§ 59.

Проследив таким образом расположение различных зданий на обычном плане монастыря, мы можем рассмотреть особенности, свойственные монастырям цистерцианского ордена, — особенности, к которым внутреннее расположение их церквей в некоторой степени подготовило нас. Мистер Миклтуэйт указал, что план цистерцианского монастыря обозначен порядком, в котором здания должны быть посещены воскресной процессией, а именно. дом капитула, гостиная, дортуар, ночлежка, теплица, братство, кухня, дом келаря. Следует отметить, что гостиная в этом списке находится между зданием капитула и дортуаром и, следовательно, находилась на дальней стороне капитула от церкви. С другой стороны, хотя в Фернессе и Уэверли здание капитула непосредственно примыкает к южному трансепту церкви, в большинстве цистерцианских домов имелось промежуточное здание. Первый этаж этого здания, однако, не был проходом — поскольку путь на кладбище вел через дверной проем в противоположном трансепте, — а был разделен на две части поперечной стеной. Восточное отделение, куда входили из трансепта, представляло собой ризницу (*вестиариум*): западное, куда входили из монастыря, вероятно, было библиотекой (*либрариум*), за пределами которой, в

западной стене транспта, находился книжный шкаф (*armarium commune*), обшитое панелями углубление, в котором хранились книги, необходимые для постоянного использования в монастыре. В Фернесе, где в здание капитула вел короткий вестибюль, входная арка была обрамлена двумя подобными арками, каждая из которых открывалась в прямоугольное помещение: эти комнаты, вероятно, образовывали библиотеку. В позднее средневековье перегородка между библиотекой и ризницей была снесена у Фонтанов, и двойная палата была преобразована в коридор. Книги, по-видимому, были убраны в шкафы, образованные за счет ограждения западных ниш северного и южного переулков здания капитула.

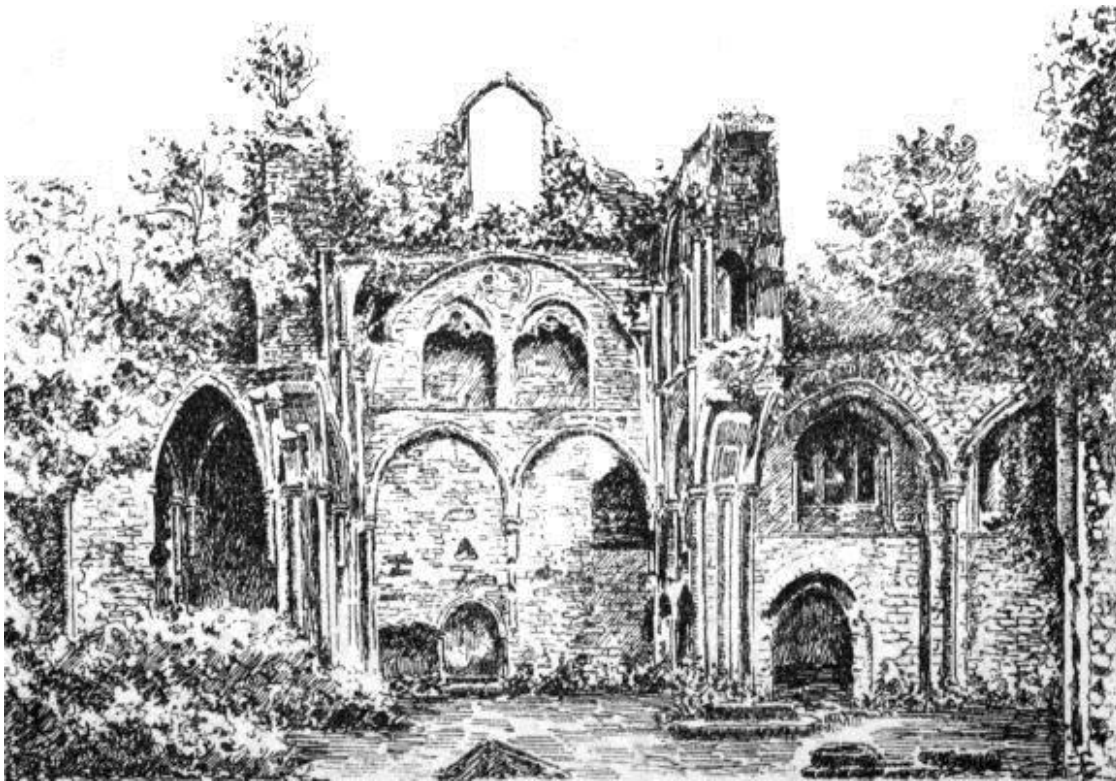

Рис. 10. Аббатство Нетли: южный трансепт и южный проход нефа, показаны дверные проемы в ризницу и дортуар, а также восточный дверной проем для процессий.

§ 60.

Высокие здания капитула, подобные зданиям в Глостере и Бристоле, отсутствуют на цистерцианском плане, в котором дортуар почти неизменно продолжался до церкви и был снабжен пристройкой над восточным выступом капитула. Фернесс - это случай, когда в здании капитула, как уже говорилось, был вестибюль; но здесь вестибюль представляет собой не проход по всей ширине восточного ряда, а крыльцо, над которым проходила галерея от дортуара до ночной лестницы. Крыша самого здания капитула была несколько выше, но на верхнем этаже находилась обычная комната. Здание капитула обычно представляло собой продолговатое, как в Фонтанах, или, как в Фернесе, почти квадратное здание, разделенное на аллеи, обычно по три, рядами колонн, поддерживающих своды. Вход, в большинстве случаев, соответствовал обычной схеме центрального дверного проема с окнами по обе стороны. Сводчатые здания капитулов все еще можно увидеть в Билдвесе, Киркстолле и Валле Крусис.

Это здание было обычного плана, со сводчатыми перекрытиями в трех переулках. В Киркстолле западная часть состоит из четырех переулков и имеет две широкие арки, ведущие из монастыря, в то время как восточная часть за пределами хребта, перестроенная в конце тринадцатого века, состоит из двух переулков. Здание капитула Valle Crucis представляет собой перестройку четырнадцатого века с обычными тремя переулками, но имеет толстую западную стену, в которой с южной стороны от центрального входа находится дневная лестница в общежитие, а с северной стороны - сводчатый книжный шкаф, в который можно попасть изнутри здания. В Форде, где капитул сейчас используется как частная часовня, это сводчатое здание двенадцатого века, не разделенное колоннами.

§ 61.

Монашеская гостиная (*auditorium juxta capitulum*) представляла собой узкое сводчатое помещение на первом этаже восточного крыла между зданием капитула и подвалом общежития. Иногда им пользовались, как в Болье и Уэверли, для прохода в лазарет; но отдельный проход, где лазарет находился к востоку от хребта, также был проложен, как и в Фонтанах, через соседний отсек подвала дортуара, который был отгорожен от остальных стеной. Подвальное помещение, длинное помещение, которое в Фернесе простиралось не менее чем на двенадцать отсеков к югу от прохода, обычно разделялось центральным рядом колонн на два сводчатых прохода. Возможно, его разделяли и применяли для различных целей, но в Фернесе он, кажется, был неразделенным. Судя по устройству, которое, как известно, существовало в Клерво в 1517 году, в настоящее время предполагается, что оно использовалось, по крайней мере частично, как дом послушников, возможно, разделенный на дневную комнату, спальню и жилье для наставника послушников. В некоторых случаях, как в Кроксдене, Фернесе и Жерво, один или два самых южных отсека первоначально образовывали открытую *лоджию*, с опорами и арками, заменяющими внешние стены: однако в двух последних случаях это пространство вскоре было обнесено стеной. Можно отметить, что в бенедиктинских домах Питерборо и Вестминстера, где общий дом находился, согласно обычному плану, в подвале, в качестве восточной пристройки была построена часовня, которая, вероятно, использовалась в Питерборо как часовня послушников. Это, по-видимому, подтверждает господствующую теорию об использовании цистерцианского подземелья, однако ни одна часть которого не использовалась в качестве общего помещения или теплицы.

§ 62.

Цистерцианский дортуар и повторный дортуар не обнаруживают существенных отклонений от обычного плана. Расположение дренажа в конце дренажа или под прямым углом к нему, или, как в Фернесе, в отдельном здании, было продиктовано удобством для дренажа. Комната над зданием капитула иногда была отдельной, как в Киркстолле и Валле Крусис, но была открыта для остальных обитателей общежития в Билдвасе и Фонтанах. Возможно, в первую очередь оно было передано аббату, а впоследствии, подобно второму общежитию в Кентербери, могло использоваться послушниками или приором. В Valle Crucis в комнате с камином есть проход с северной стороны, который также ведет в небольшую комнату рядом с церковью. Первоначально дневная лестница, ведущая в общежитие, располагалась в восточном

рядуздания, между гостиной и подвалом общежития: четкие указания на это сохранились в Фонтанах и Киркстолле, а дневная лестница все еще находится в этом положении в Кливе. Но в большинстве случаев впоследствии лестницу убрали и располагали у западной стороны подвала, между восточным выступом и выступом напротив церкви, в том месте, которое в бенедиктинских домах обычно занимает проход во внешние здания. По весьма необычному стечению обстоятельств общежитие в Уэверли находилось на первом этаже стрельбища, всего на несколько ступенек возвышаясь над монастырем. Верхнего этажа не было, хотя комната между дортуаром и гостиной была разделена на два этажа[11]. Здание капитула представляло собой цельное продолговатое здание со сводчатыми перекрытиями в трех пролет; и, конечно, специального ночного входа в церковь не было.

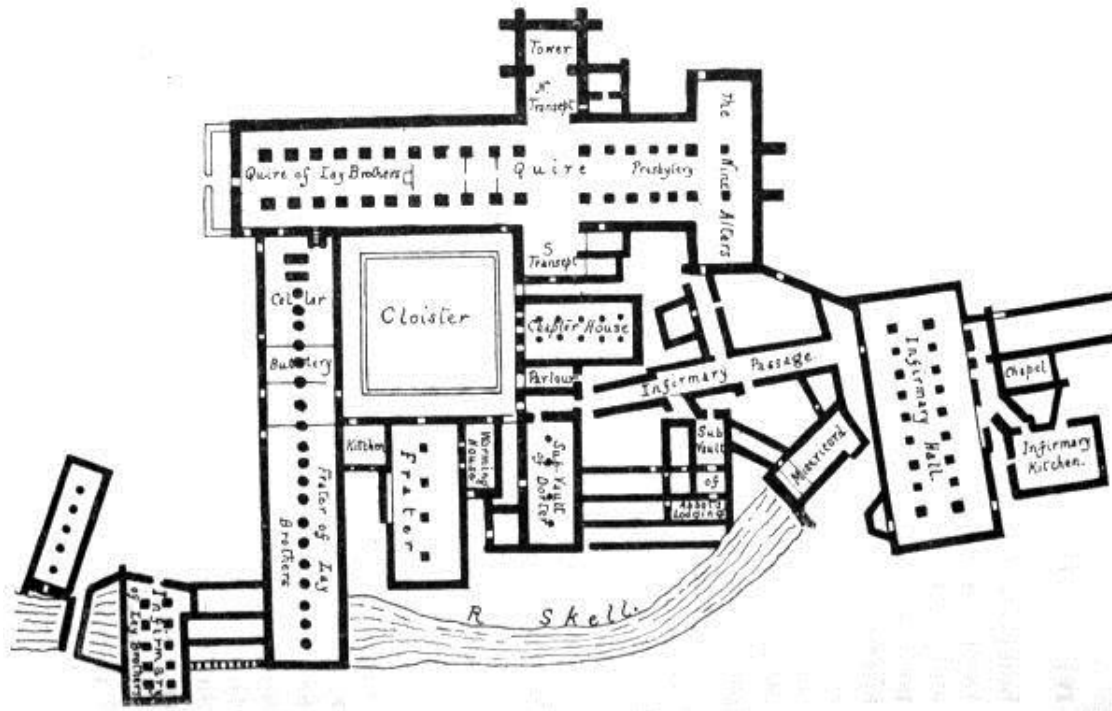

Рис. 11. Аббатство фонтанов: план.

§ 63.

Здания, соединяющие восточную и западную части цистерцианского монастыря, были разделены на три части: теплица на востоке, братство посередине и кухня на западе, куда вход был через монастырь. Вполне вероятно, что в первом случае цистерцианский храм был построен обычным способом, с главной осью с востока на запад. Таков всегда был план братства в Сибтоне в Саффолке: в Киркстолле есть четкие следы этого, а у Фонтанов - свидетельства фундаментов. В домах Савиньяков, впоследствии цистерцианских, братство, по-видимому, было построено с востока на запад, и в Бакфасте это положение, по-видимому, никогда не менялось. Но такие братства были ограничены по размеру из-за их расположения между теплицей и кухней, и до конца двенадцатого века они были построены или, как в Фонтанах и Киркстолле, перестроены под прямым углом к монастырю с их главными осями с севера на юг. Это дало больше места для кухни на западе: это также позволило перестроить

теплушку и оставило место в восточном конце для установки широкой и удобной дневной лестницы, ведущей в дортуар, с площадкой наверху, откуда, как и в Фонтанах, был доступ в комнату, возможно, сокровищницу или кладовую с боеприпасами, расположенную над теплицей. У нас нет определенной причины для изменения плана, но то, что это было связано с неуклонным ростом числа цистерцианских домов, по крайней мере, вероятно. В Фернессе, где дортуар был поразительной длины, братство, построенное на месте старого братства монастыря Савиньяк, пришлось удлинить в тринадцатом веке, единственной причиной чего могло быть то, что даже на новом плане в нем было недостаточно места для всех братьев.

§ 64.

Теплица представляла собой прямоугольное здание, которое у Фонтанов имеет сводчатый потолок в четырех отсеках от средней колонны. Камин обычно располагался в боковой стене или, как в Уэверли, в дальней стене от монастыря. В восточной стене у Фонтанов сохранились два огромных камина, один из которых был заблокирован. В Тинтерне камин представлял собой средний очаг, окруженный открытыми арками и соединенный арками меньшего размера с торцевыми стенами. Внешняя стена обычно была прорезана окном и дверным проемом, которые вели во двор сзади. Здесь, у Фонтейнов, у западной стены подвала дортуара, находился дровяной сарай, из которого разводили огонь. Западная стена теплицы была частью восточной стены братства, и два отверстия в ней у Фонтанов, возможно, предназначались для того, чтобы дать братству некоторую пользу от огня. Устройство братства, прекрасный пример которого, ныне используемый как церковь, сохранился в Болье, было похоже, с учетом разницы в планировке, на устройство бенедиктинских и других домов, но было менее сложным. Она была приподнята на одну или две ступени над галереей, а по одну или обе стороны от входа располагались арки для туалетов. У великолепного братства Риво был подвал, ведущий от подножия лестницы к кафедре; но это редкий пример особенности, часто встречающейся в бенедиктинских домах. В Фонтанах братство было разделено рядом колонн на две аллеи, каждая со своей отдельной деревянной крышей; но единый план, как и в Болье, был общим.

§ 65.

Расположение кухни было спланировано таким образом, чтобы с одной стороны легко сообщаться с трапезой монахов, которую подавали оттуда через поворотный столик в стене, а с другой - с трапезой братьев-мирян, которую подавали у Фонтанов через люк в западной стене. В нем был дверной проем из монастыря, который соединял его с погребом и кладовой в западном крыле; в то время как в задней части была дверь, ведущая во двор, где можно было хранить топливо. Камин в Фонтанах и Киркстолле, где кухни были сводчатыми, располагались вплотную друг к другу в центре комнаты. Кухни такого размера, как в Дареме или Гластонбери, были неизвестны в цистерцианских домах, где даже после смягчения обычной простой диеты мясо никогда не готовили на братской кухне. План, который предусматривал одновременное питание двух братств, когда это было необходимо, был более компактным и менее светским по некоторым своим особенностям, чем план бенедиктинцев; в то время как фактическое

размещение кухни в зданиях монастыря стало возможным благодаря тому факту, что монахи сами выполняли свою работу, а не использовали наемных слуг под руководством кухаря.

Рис. 12. Аббатство фонтанов: келлариум, смотрящий на север.

§ 66.

Западная часть цистерцианского монастыря иногда отделялась от западной аллеи промежуточным проходом или двором, как в Киркстолле, Пайпвелле и нескольких других домах, число которых, вероятно, было больше, чем предполагалось. В конце этого двора находился западный дверной проем церкви для процессий, расположение которого зависело от удобства для воскресной процессии, которая всегда проходила за пределами западного монастыря, через первый этаж западного ряда. Если церковь простиралась к западу от хребта, дверной проем, как в Фонтанах, находился в самом здании или, как в Жерво, где здание непосредственно не примыкало к церкви, в бухте к западу от нее. Если круг был к западу от короткого нефа, как в Хейлзе и Тинтерне, и не было промежуточного двора, дверной проем прорезался наискось через угол здания, который соприкасался с церковью или находился рядом с ней. Весь первый этаж был отдан под дортуар братьев-мирян, к которому была пристроена повторная дортуара, устройство которой в Фонтанах до сих пор удивительно совершенное. Ночная лестница спускалась в церковь, как в Фонтанах, или, как в Жерво, сразу за западным дверным проемом для процессий: в домах, где был промежуточный двор, ночная лестница располагалась у восточной стены ряда. Первый этаж был разделен проходом, который был внешней гостиной и главным входом в монастырь и выходил на западную аллею рядом с кухней, в длинное помещение на стороне, наиболее удаленной от церкви, и в ряд комнат

поменьше, примыкающих к церкви и монастырю. Большая комната была братством братьев-мирян: комнаты по другую сторону внешней гостиной были кладовой и подвалами, и в них можно было попасть через дверные проемы с внешнего двора и галереи, в то время как в перегородках между ними были двери. Здание сильно различалось по длине. Великолепный пример в Фонтанах - двадцать два пролета длиной, разделенные колоннами на две аллеи. Следы первоначальных перегородок и дверных проемов показывают, что два отсека рядом с церковью, возможно, были более ранней внешней гостиной. Подвал находился в четырех следующих отсеках. Два отсека были заняты кладовой, два - главным входным проходом; в то время как остальные двенадцать были братством братьев-мирян, два отсека в северном конце которого были отгорожены и имели внешний дверной проем в кладовую келаря. Западная сторона была закрыта одним из тех деревянных навесов, которые были очень распространенной чертой средневековых зданий, прикрывая дверные проемы из двора и образуя защищенное средство доступа из одного здания в другое. Дневная лестница, ведущая в общежитие, естественно, находилась на этой стороне здания и примыкала к северной стене кельи, верхний этаж которой был вестибюлем общежития. Устройство в Фернессе было очень похоже, но там было всего пятнадцать отсеков, из которых подвал, по-видимому, занимал только два, вход в монастырь - один, а братство братьев-мирян - восемь, кладовая и два отсека рядом с церковью остались такими же, как в Фонтанах. Разделение на переулки, хотя оно иногда и использовалось, как в Фернессе и Уэверли, не было общим, и здание часто было узким пропорционально своей длине. Когда в XIII веке монастырь Уэверли был расширен, здание келаря снесли, чтобы освободить место для западной аллеи, но его южная часть, в которой находились братство братьев-мирян и дортуар, была перестроена и расширена на юг.

§ 67.

В позднем средневековье цистерцианский план претерпел некоторые изменения. Исчезновение братьев-мирян из монастырей привело к неиспользованию значительной части западного хребта, который в Хейлзе был превращен в жилище настоятеля. В некоторых случаях, как, например, в Фернессе и Хейлзе, в церкви были сделаны новые проходы для процессий с западной аллеи монастыря, так что ход воскресной процессии больше не отличался от бенедиктинского обычая. С другой стороны, в Уэверли, после разрушения старого здания келаря, процессия все же вернулась в церковь за пределами монастыря через узкий проход между монастырем и внешней стеной с западной стороны. Дальнейшее приближение к бенедиктинскому обычаю наблюдается в перестройке братства в Кливе в пятнадцатом веке по плану, параллельному церкви и прилегающей к ней монастырской аллее. Ослабление дисциплины и уменьшение числа монахов способствовали большему единению: так, в Жерво некоторые отсеки подворотни были разделены на небольшие комнаты, каждая со своим камином. Важное изменение было внесено в некоторых домах в связи с отменой ограничений на мясное питание, которые зашли так далеко, что в пятнадцатом веке мясо ели три дня в неделю [12]. До сих пор в зданиях лазарета и кухне для монахов, перенесших кровотечение, предусматривалось специальное мясоедение, или мизерикордия (*misericordia*, то есть индульгенция). Теперь стало удобно разместить мизерикорд в более тесном сообщении с монастырем, и в Форде и Киркстолле это было сделано путем разделения братства на верхний и нижний этажи, причем нижний этаж, вероятно, использовался как мизерикорд. В Фернессе было построено новое, меньшее по размеру двухэтажное братство. В таких случаях мясо

никогда не готовили на старой кухне, но была предусмотрена специальная мясная кухня; и южный конец разрушенного братства в Фернессе, возможно, был сохранен для этой цели. В Жерво под прямым углом к восточному концу братства был построен новый мизерикорд, а примерно в то же время на другой стороне подземелья была устроена мясная кухня.

§ 68.

Главные особенности цистерцианского плана не оказали влияния на дома других орденов, которые придерживались бенедиктинского прецедента в таких вопросах, как расположение теплицы, братства и кухни. Таким образом, план августинского дома в Хогмонде, учитывающий особые требования к местоположению, соответствует плану бенедиктинского монастыря, за исключением того, что здание между церковью и капитулом, по-видимому, было ризницей, как в церкви Святой Агаты и многих небольших монастырях, в то время как каноническая гостиная, как опять же в церкви Святой Агаты и в Рептоне, находилась в цистерцианском месте, к югу от капитула. В Олнвике ризница и гостиная располагались бок о бок к югу от церкви. Вариации можно найти в таких моментах, как связь дортуара с церковью: в кармелитском монастыре Хална, например, ночная лестница вела не в саму церковь, а в небольшой дворик рядом с ней. Но сопоставление планов, таких как планы августинской церкви Святого Фридесвайда в Оксфорде и премонстратианской церкви Святой Радегунды в Брадсоле, с планами других орденов ясно показывает, что расположение монастырей каноников и монахов было смоделировано по удобному бенедиктинскому плану. Тот же вывод применим и к женским монастырям, как можно понять из предыдущих страниц. Мало что известно о зданиях цистерцианских женских монастырей, но монастырь монахинь в Уоттоне был построен по бенедиктинскому плану, за исключением того, что первый этаж западного хребта, вероятно, был домом сестер-мирянок. Монастырь каноников был очень похож по плану, но его сводчатый капитул, как и другие, уже упомянутые, может свидетельствовать об архитектурном влиянии цистерцианского ордена. Два монастыря были соединены длинным проходом, в котором находилось поворотное окно (*универсальное окно*), через которое осуществлялось необходимое сообщение между двумя отделениями монастыря.

§ 69.

План картезианского монастыря, однако, из-за уединенной жизни, предписанной правилом, был уникальным. Монастырь на горе Грейс состоял из двух дворов, северный, или монастырский, двор был окружен с трех сторон рядом отдельных келий, каждая со своим собственным садом. С южной стороны находились здание капитула и кельи, занимаемые ризничим и приором, в то время как братство занимало юго-западный угол двора. Церковь располагалась в задней части здания капитула и являлась частью южного хребта, рядом с внешним двором. Здание капитула было, по сути, северной пристройкой к церкви, параллельной пресвитерии и почти точно равной ему по размерам. Через несколько лет после основания монастыря, из-за увеличения пожертвований и числа монахов, к югу от церкви был образован второй монастырь, огораживающий длинное прямоугольное пространство в северо-восточной части внешнего двора: еще позже северо-западный угол того же двора был разделен перегородками на один или несколько дворов, охватывающих западный фасад церкви и

западную стену нового монастыря. Внешний двор, сокращенный таким образом, как обычно, содержал монастырские склады, а здание с западной стороны, через которое входили в монастырь, вероятно, предназначалось для гостей.

ГЛАВА V ЛАЗАРЕТ И ВНЕШНИЙ ДВОР

§ 70.

Из внеклаустральных зданий монастыря самым важным был лазарет (*domus infirmaria*, *infirmatorium*). Это помещение использовалось не только для размещения больных, но и было жилищем тех, кто был слишком немощен, чтобы участвовать в обычной жизни монастыря, известного в большинстве орденов как *stagarii* или *stationarii*, и *sempectae*, которые в цистерцианском ордене исповедовались в течение пятидесяти лет. Он также обычно использовался *minuti* или религиозными деятелями, которые подвергались периодическим кровотечениям (*minutio*) ради своего здоровья. Каждому из августинских каноников Барнуэлла разрешалось пускать кровь раз в семь недель, если он того желал; ему могли даже пускать кровь раз в месяц, если того требовало его здоровье, но в последнем случае ему не разрешалось брать отпуск в лазарете. Отпуск, разрешенный в Барнуэлле, длился три дня, и каноникам разрешалось в течение таких периодов разговаривать друг с другом и совершать прогулки в пределах ограниченной территории[13]. Таким образом, в отпуске обычно находилось несколько *минут*, отсутствие которых мало влияло на количество нуждающихся; а в более крупных домах, очевидно, возможности пустить кровь имели место раз в неделю. В цистерцианском и картезианском орденах правила были строже: монахам пускали кровь партиями, назначенными настоятелем, в определенное время года — четыре сезона в цистерцианских, пять в картузианских монастырях. Согласно уставу, цистерцианские *минуции* были обязаны принимать пищу в братстве, но это правило, по-видимому, постепенно смягчалось, и монахи, вероятно, отправлялись в лазарет, как и в других орденах, и им разрешалось питаться мясом[14]. В домах Ключника сама операция по выведению крови проводилась в общем доме. Несколько бенедиктинских домов — например, Бардни и Кройленд — отправили своих *минутки* в небольшие домики или усадьбы на небольшом расстоянии от монастыря под присмотром приора.

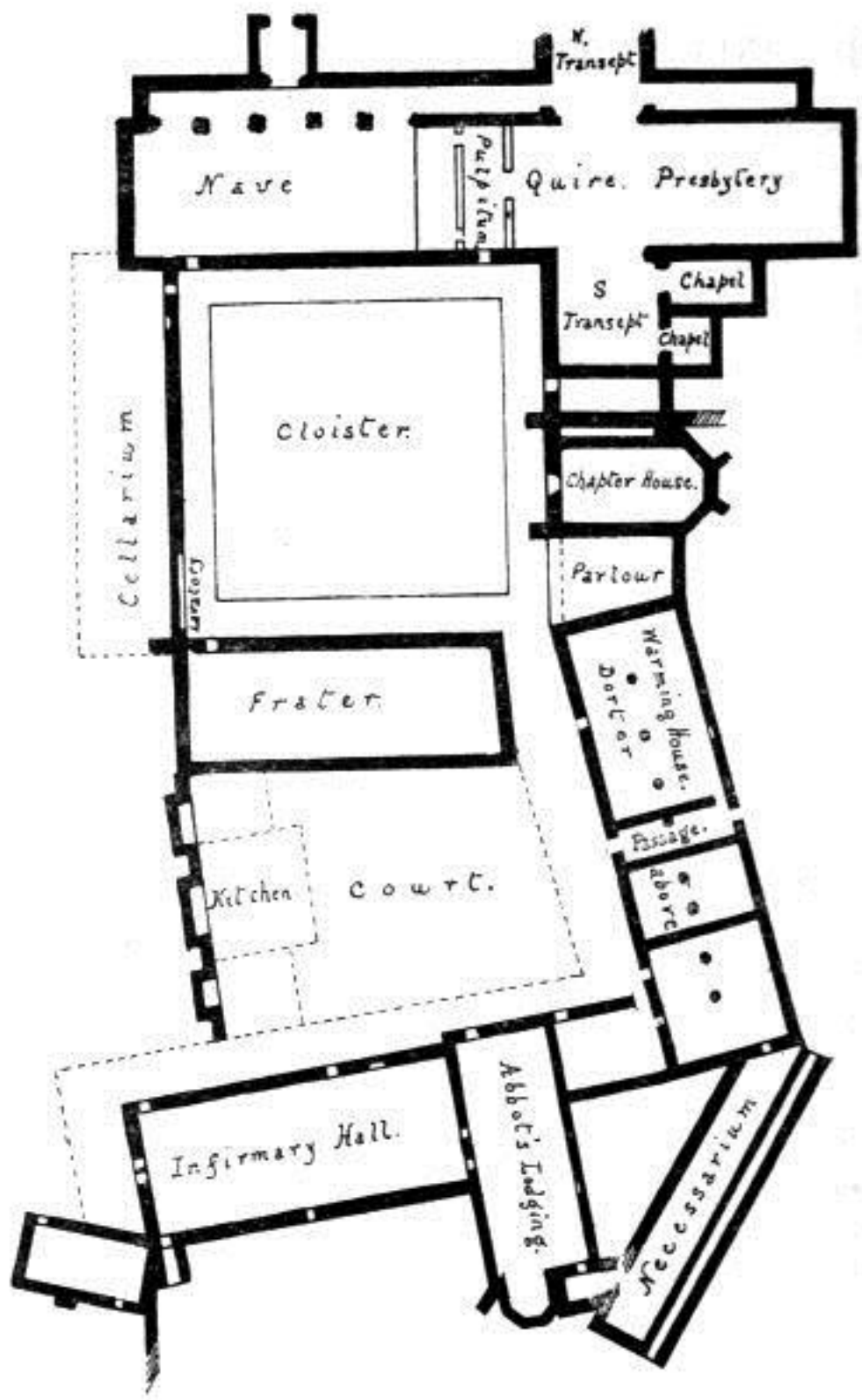

Рис. 13. Аббатство Хогмонд: план. Примечание. Изначально здание капитулы было прямоугольным: нынешнее окончание было построено после подавления.

§ 71.

Здания лазарета, известные в просторечии как "фермерский дом", состояли из зала, часовни и кухни, рядом с которой обычно находился зал, в котором в определенные дни члены монастыря могли есть мясные блюда. Этот зал обычно называли мизерикордом: в Кентербери он был известен как *делортум*, а в Питерборо - как "сейни". Как уже говорилось, доступ к этим зданиям, которые образовывали замкнутую группу, можно было получить, пройдя через восточный ряд монастыря или в дальнем конце восточной аллеи. Однако их позиция была продиктована соображениями удобства, и они не следовали какому-либо очень последовательному плану. Так, в Дареме и Вустере, где общежитие находилось к западу от монастыря, лазарет также находился на западной стороне, между монастырем и рекой. В Кентербери лазарет находился на восточной стороне меньшего восточного монастыря, западную сторону которого занимали большие дортуары и их подвал, северную - вторые дортуары послушников, а южную - умывальня и ночной переход в церковь на верхнем этаже монастыря. В лазарет в Глостере входили с северо-восточной стороны небольшого монастыря к северу от большого монастыря. В Питерборо это было отдельно стоящее здание к северо-востоку от монастыря. В цистерцианских аббатствах он обычно соединялся с восточной частью монастыря длинной крытой галереей или проходом, который обычно отходил ответвлением почти под прямым углом к восточной части церкви. Лазарет двенадцатого века в Риво находится в этом месте, и его план с главными осями север и юг и часовней, открывающейся от него с восточной стороны, был повторен в более позднем лазарете в Фонтанах. Но в Жерво более ранний лазарет, по-видимому, находился под общежитием, а его преемник образовал восточное продолжение того же здания. Точно так же в Нетли есть зал с большим камином под приемной. В Фернесе, где восточная часть участка сильно сужена, старый лазарет, расположенный на юго-востоке, был преобразован в жилище настоятеля: новый лазарет с часовней был построен к югу от монастыря в четырнадцатом веке. В цистерцианских домах также требовался специальный лазарет для братьев-мирян: остатки этого лазарета в Фонтанах находятся на западной стороне западного монастырского ряда, с которым они соединены коридором братьев-мирян.

Рис. 14. Питерборо: лазарет, вид на запад.

§ 72.

Зал лазарета в его простейшей форме представлял собой продолговатую форму без окон, по обе стороны от которой стояли ряды кроватей. С восточной стороны или торца открывалась часовня лазарета. Зал, однако, иногда был слишком широк, чтобы перекрыть его в один пролет без опоры, и поэтому очень обычными стали залы с проходами, разделенные либо правильными аркадами с этажеркой наверху, либо вертикальными деревянными столбами. Кровати были расставлены в проходах, неф образовывал центральный проход. Это был обычный

план средневековых больниц, многие из которых были квази-монастырскими учреждениями, следовавшими правилу святого Августина: больница Святой Марии в Чичестере, длинный зал, идущий с востока на запад, с деревянной крышей в один пролет, поддерживаемой с каждой стороны нефа вертикальными столбами, которые связаны между собой продольными фермами, и с часовней без окон, отгороженной в восточном конце, является известным сохранившимся примером ее использования. В Эли и Кентербери нормандские лазареты были разделены каменными аркадами и многоэтажными; в то время как в Глостере и Питерборо сохранились значительные остатки лазаретов с проходами XIII века. Большая часть южного придела в Питерборо сейчас находится в одном из домов каноников, в то время как часовня в восточном конце лазарета служит столовой в другом. В зале лазарета в Фонтанах, который тянулся с севера на юг, с часовней и кухней на восточной стороне, по торцам были возвращены аркады, а в торцевых стенах были большие камин. Камин был необходим, и там, где в боковых или торцевых стенах не прослеживаются никаких оригинальных каминов, предположительно, имелся средний очаг, дым из которого выходил через жалюзи в крыше. Как правило, кровати располагались под прямым углом к боковым стенам. Однако в Фернесе, где не было аркад и зал освещался через окна в верхней части стен, северная и южная стены содержали ряд арочных ниш у пола, каждая из которых освещалась небольшим окном и была достаточно широкой, чтобы в ней могла поместиться кровать, прислоненная боком к стене. Аналогичные углубления были отмечены в части восточного прохода лазарета братьев-мирян в Фонтанах, у торцевой стены приемной братьев-мирян. В более поздние времена вошло в обычай разделять проходы на отдельные комнаты, часто с собственными каминами. Это было обычным делом к началу пятнадцатого века: известно, что это было сделано в Мо до 1396 года, и есть много свидетельств этого в регистрах епископальной церкви Линкольна за следующие пятьдесят лет. В Кентербери южный придел был замурован до 1400 года и разделен на комнаты в качестве жилья для заместителя приора. В цистерцианских лазаретах, таких как Фонтаны, Киркстолл, Тинтерн и Уэверли, сохранилось множество следов этой практики. Своеобразное устройство было принято в лазарете четырнадцатого века в Вестминстере, где холл был демонтирован и несколько отдельных комнат были расположены вокруг монастыря, при этом часовня с проходом в холле была сохранена на восточной стороне. В Жерво, где лазаретный зал был небольшим, часть подвала общежития была разделена на отдельные комнаты, вероятно, как пристройка к лазарету.

§ 73.

Специальная кухня, где для немощных можно было приготовить более деликатную пищу (*cibi subtiliores*), была необходимым дополнением к лазарету и обычно отделялась от него узким двориком, пересеченным крытым переходом, как у Фонтанов. Кухня лазарета в Фернесе была восьмиугольной, но обычная планировка была прямоугольной. Кухня Фернесса обслуживала старый лазарет: когда его переоборудовали в жилище аббата и построили новый лазарет, он, вероятно, служил и тому, и другому; но в пятнадцатом веке в жилище аббата была устроена кухня, восьмиугольная кухня, по-видимому, была снесена, и лазарет, вероятно, обслуживался из мясной кухни, которая, как было объяснено в предыдущей главе, также обслуживала новое братство и мизерикорд. Мизерикорд, или пожиратель плоти, не имел определенного положения на плане зданий лазарета. В Фонтане это был зал без окон, расположенный между

залом лазарета и жилищем настоятеля, и, должно быть, его подавали через зал лазарета из кухни.

§ 74.

Главам религиозных домов со временем были предоставлены отдельные помещения (*camerae*, то есть покои), которые, как уже было видно, часто занимали или частично находились на верхнем этаже западного монастырского комплекса. В цистерцианских аббатствах, где западный коридор использовался самостоятельно, *камера* аббата, как известно в Кроксдене и Мо, обычно строилась на восточной стороне общежития, между восточным монастырским коридором и лазаретом. Поскольку первый этаж жилого помещения обычно сообщался с общежитием монахов, дух, если не буква, обычая, обязывающего цистерцианских настоятелей спать в общежитии, все еще соблюдался. Строительство таких отдельных помещений в цистерцианских монастырях, по-видимому, стало обычным явлением к началу четырнадцатого века; но в Киркстолле есть трехэтажный дом поздней половины двенадцатого века, стоящий между приемной и восточной пристройкой тринадцатого века, в которой были дополнительные комнаты и часовня аббата. В Фонтанах жилье настоятеля было построено путем реконструкции более старого блока зданий между общежитием и лазаретом. В более поздние времена к этому были сделаны пристройки: жилые комнаты находились на втором этаже и, должно быть, включали в себя большую комнату настоятеля, или солярий, его спальню и часовню, или молельню. Было высказано предположение, что он использовал мизерикорд, к которому был проход с первого этажа его квартиры, как зал для развлечения гостей; и посещения монахов показывают, что в домах других орденов зал настоятеля иногда использовался как мизерикорд. Верхний этаж длинного коридора, который вел от монастыря к лазарету в Фонтанах, по-видимому, был галереей жилища аббата, а другая галерея над проходом, ответвлявшаяся от церкви, вела к скамье с видом на девять алтарей, что позволяло аббату и его гостям слушать мессу, не покидая своего жилища. Связь с общежитием, которая в некоторой степени сохранилась в Фонтанах, была полностью разорвана в Фернесе, где старый лазарет был преобразован в зал настоятеля, а на узком пространстве между залом и невысоким утесом на востоке был построен новый корпус, содержащий его большую комнату, часовню и спальню. Ранее уже отмечалось, что западный хребет в Хейлзе был превращен в жилище аббата. Такие же перемены произошли и в Форде, где незадолго до репрессии аббат Чард построил великолепный аббатский зал, который, простираясь к западу от места, где располагалось братство братьев-мирян, является частью существующего жилого дома. Свидетельства наличия дополнительных *камер* часто находят по соседству с жилищем аббата и лазаретом цистерцианских домов, например, в Киркстолле, Фернесе и Уэверли. Возможно, они применялись для использования приезжим настоятелем; но ясно, что в домах других орденов, таких как Ключиакский приорат в Давентри, такие помещения предоставлялись аббатам или настоятелям, которые сложили свои полномочия, и это может объяснить существование более одной такой *камеры* в Фернесе[15].

§ 75.

Однако обычно жилье настоятеля в монастырях других орденов располагалось к западу от монастыря. Встречаются исключительные места, например, в Хофмонде, где жилище аббата XIII века находилось в здании к югу от монастыря, почти параллельно дортуару и его подземелью. Аббат, по-видимому, пользовался первым этажом, в то время как верхний этаж использовался как часть лазарета, большой зал которого, параллельно братству, примыкал к нему с запада. Однако в домах каноников аббат или приор мог принимать своих гостей вбратстве, и, следовательно, не было необходимости в большом зале, который был характерной чертой его жилья в больших бенедиктинских домах. В них, и особенно в монастырях, куда часто совершались паломничества, приходилось принимать значительные меры для размещения гостей. В таких домах, как Кентербери, Дарем и Вустер, где приор был фактическим главой кафедрального монастыря при архиепископе или епископом, у него было собственное жилье с холлом и гостевыми покоем. В Дареме и Вустере они располагались к юго-востоку от монастыря, рядом с большими воротами монастыря; в Кентербери жилище приора находилось в северо-восточном углу монастыря-лазарета, где оно показано на знаменитом нормандском плане монастыря. На том же плане показано другое здание дальше на восток, называемое *новой камерой приорис*, отделенное от старого жилья кухней и *необходимым* лазаретом. Это был гостевой дом приора. Оба жилища подверглись значительному расширению, и третье жилье, или гостевой дом, который сейчас является благочинием, был построен приором Голдстоуном (1495-1517) на участке к северу от лазарета и к северо-востоку от старого жилья. Руины гостевого дома приора в Вустере сохранились до сих пор: он был разрушен совсем недавно, в 1860 году. Жилище старшего настоятеля в Глостере, к западу от монастыря, со временем было отдано настоятелю, в то время как аббат построил себе новый дом к северу от монастыря. Как и в Питерборо, жилище аббата стало в 1541 году епископским дворцом, в то время как жилище приора было передано декану. В монастырях, где соборные капитулы были основаны Генрихом VIII, жилье настоятеля, как в Дареме, обычно занимал настоятель. Это было благочиние в Вустере примерно семьдесят лет назад, когда благочинный переехал в старый епископский дворец на северо-западной стороне собора. Часть его используется как благочиние в Эли: часовня приора, построенная в 1325-6 годах приором Джоном из Краудена, примыкает к части помещения, ныне преобразованного в дом каноника.

§ 76.

Однако гостеприимство аббата или приора предоставлялось только знатым гостям. Для более заурядных гостей во внешнем дворе была построена специальная гостиница или гостевой дом (*hospitium*). На плане Сент-Галла девятого века есть две гостиницы, по одной с каждой стороны от главного входа, одна из которых была общим гостевым домом, а другая - жилищем для бедных. В Кентербери существовало такое двойное разделение пансионеров. На западной стороне внешнего двора, сразу слева от главных ворот, находился зал, известный как северный зал, длинное здание с подвалом, в которое ведет крытая лестница, являющаяся одним из самых знаменитых образцов англо-нормандской архитектуры. Общеизвестно, что это, в тесной связи с богадельней, было временным приходом, если воспользоваться современным термином, монастыря. С другой стороны сторожки, проход вдоль западной стены двора образовывал крытый проход к северо-западному углу монастыря, где небольшая сторожка

давала доступ во двор между кухней на востоке и гостевой комнатой келаря на западе. Примерно в начале пятнадцатого века помещение для гостей, находившихся под присмотром келаря, было расширено за счет строительства ряда гостевых комнат на северной стороне кухни[16]. В "Обрядах Дарема" нет упоминания о специальном гостевом доме, связанном с кладбищем; но есть описание гостевого дома на восточной стороне *курии*, с его залом с проходами и центральным камином, а также отдельными комнатами или жилыми помещениями. Его подавали с кухни приора, и он был удобно расположен по отношению к кладовой келаря и погребу. Гости, однако, как правило, находились под присмотром не келаря, а специального приглашенного мастера или хозяина гостиницы (*госпитариус*), который был известен в Дареме как террер (*terrarius*), имя, подразумевающее другие обязанности, связанные с землями монастыря. Обязанности хозяина гостиницы подробно описаны в "Обычаях августинского монастыря Барнуэлла": он полностью контролировал гостевой дом и его мебель, а также поддерживал тесную связь с келарем и китченером, у которых он получал припасы для своих гостей. В цистерцианских аббатствах, по-видимому, соблюдалось обычное разделение между классами гостей: так, в Фонтанах и Киркстолле во внешнем дворе сохранились остатки двух гостевых домов. Специальный лазарет для мирян был характерной чертой цистерцианских монастырей, и в Фонтанах, по-видимому, тоже был лазарет для бедных. Бенедиктинский лазарет для мирян существовал в Дареме, где он находился за монастырскими воротами.

§ 77.

Помимо гостевых домов, во внешнем дворе обычно располагались пивоварня, пекарня и зернохранилище монастыря. В цистерцианских домах, где устав требовал, чтобы все офисы находились в пределах участка, обычно за пределами главной сторожки располагался еще один двор. В великом монастыре Клерво этот дополнительный двор был большого размера и включал в себя мастерские и кузницы с многочисленными другими помещениями. В меньшем масштабе это можно увидеть в Болье, где монастырская мельница примыкает к внешней сторожке у ворот, и в Фернессе. Рядом с внешними воротами и, как в Фернессе и Фонтанах, непосредственно внутри них часто находилась часовня (*capella extra portas*), предназначенная для использования лицами, которым запрещено входить в большие ворота. Такие часовни в Меревейле в Уорикшире и Тилти в Эссексе были расширены в позднее средневековье, чтобы служить приходскими церквями. В Киркстедде в Линкольншире часовня в идеальном состоянии, хотя сейчас ею не пользуются, а часовни в Коггсхолле и Риво были отремонтированы и используются для богослужений. В Болье и Уолли на втором этаже главной сторожки была часовня, а в Мо была начата постройка еще одной, чтобы заменить более старую *капелла экстра портас*[17]. Такие часовни следует отличать от часто встречающихся приходских церквей, как, например, в Бери-Сент-Эдмундсе или Ковентри, а также в небольшом приорате Барнуэлл, недалеко от территории религиозного дома.

§ 78.

Монастыри других орденов, как правило, довольствовались одним внешним двором, хотя есть свидетельства, например, в Глостере, о том, что некоторые офисы были расположены вокруг

двора меньшего размера, введенного из *курии* [18]. Большая сторожка *курии*, от которой сохранилось множество прекрасных образцов, была главным входом в монастырь и обычно представляла собой здание с одним или несколькими верхними этажами и сводчатым проходом или залом ворот на первом этаже. В более ранних примерах, как в Питерборо, ворота представляли собой единственную широкую арку, как и в случае с привратной башней начала четырнадцатого века в Киркхэме. Это давало доступ как экипажам, так и пешим пассажирам. Позже сторожки были построены в большем масштабе, и в зал врат входили через широкий портал с низким дверным проемом или задней дверью сбоку для пешеходов, как в Бридлингтоне, Крайстчерч-гейт, Кентербери, Торре и Сент-Олбансе. С одной стороны зала у ворот располагалась будка привратника. Иногда, как в Питерборо, помещение на верхнем этаже использовалось как часовня. Лучшим из всех существующих английских образцов является сторожка в Торнтоне, примечательная своим барбаканом, который отводит ей столь же важное место в военной, сколь и в монастырской архитектуре; но сторожки Крайстчерча и Святого Августина в Кентербери, а также две сторожки в Бери-Сент-Эдмундс вряд ли уступают ей по интересу и красоте. Южная и более ранняя сторожка в Бери была *воротами куметерии* прямо напротив западного фасада церкви и представляет собой квадратную нормандскую башню, мало чем отличающуюся от большой башни нормандского замка: северная сторожка, построенная в четырнадцатом веке, была входом во внешний двор монастыря. Крупные монастыри часто имели более одной внешней сторожки: так, ворота Крайстчерча в Кентербери были входом в собор и частью церковного двора, отведенной для мирских захоронений, в то время как главная сторожка находилась в западной стене внешнего двора. Специальные входы на кладбище мирян также есть в Глостере и Рочестере; в то время как в Норвиче, как и в Бери, одни из двух западных ворот ведут прямо к собору, в то время как другие были главным входом в участок.

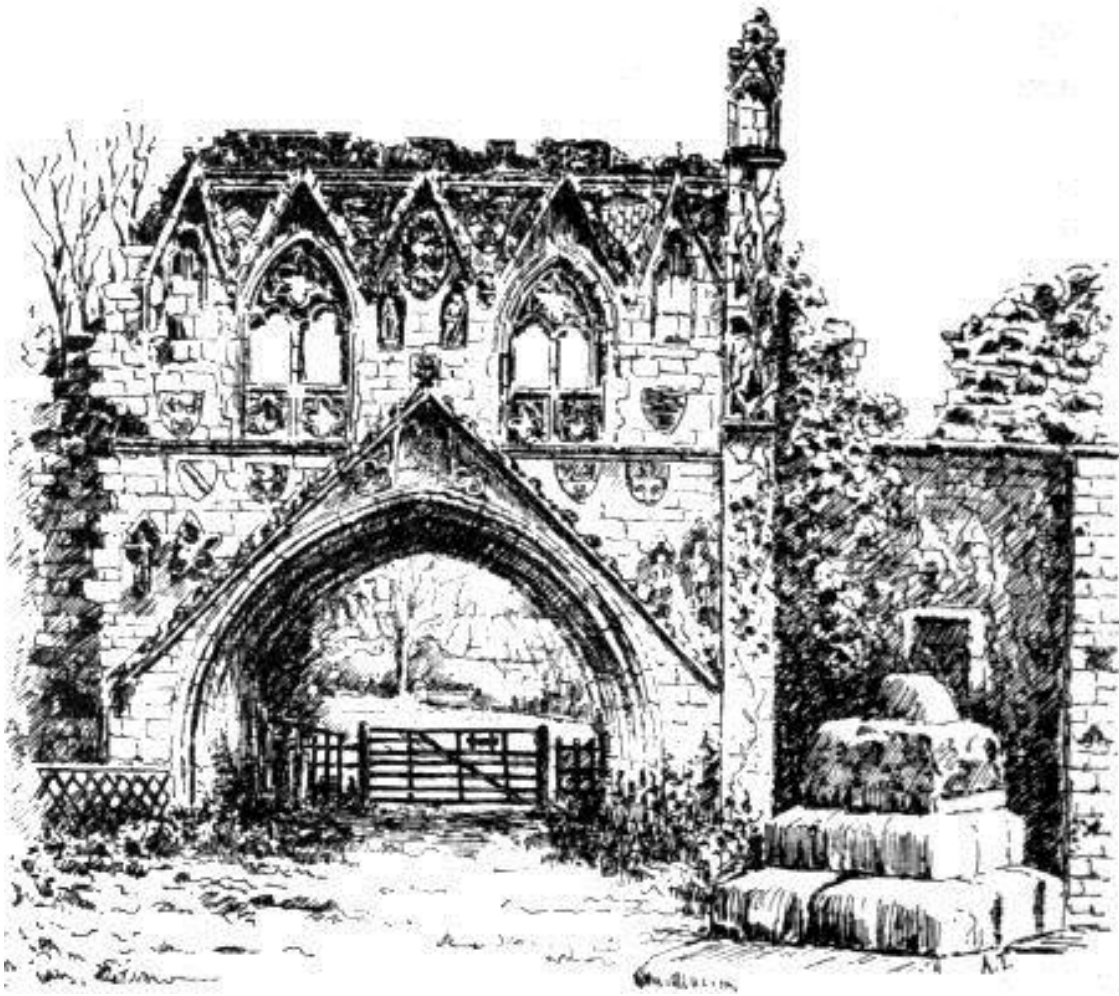

Рис. 15. Монастырь Киркхэм: сторожка.

§ 79.

Рядом со зданием у ворот *курии*, как и в Кентербери, непосредственно за его пределами находилась богадельня (*domus elemosinaria*), где раздавал бедным ежедневную порцию мясных отбивных со столов монастыря (*elemosinarius*). Раздающий милостыню в Дареме распоряжался лазаретом за воротами, где содержались четыре пожилые женщины. Такие монастырские богадельни, имевшие параллели с ночлежными домами при некоторых светских колледжах позднего средневековья, не были редкостью: из отрывка в своде актов рипонского капитула ясно, что помещение над внешними воротами у Фонтанов использовалось для той же цели. В верхней части богадельни в Дареме были размещены "дети богадельни", которые получали образование за счет монастыря и ежедневно проходили обучение во внешнем лазарете. В других местах, например, в Барнуэлле и Торнтоне, эти дети были известны как клерки благотворительной организации, и их положение было аналогично положению *clerici secundae formae*, которые в светских колледжах подчинялись канцлеру. Они получали образование с намерением вступить в священный сан. Некоторые из них, без сомнения, стали послушниками в монастыре, но списки рукоположений показывают, что многие из них стали светскими священнослужителями, получившими свои титулы в орденах от религиозных домов, в которых

они получили свое образование. В 1431 году папское разрешение было предоставлено аббату и монастырю Святого Августина в Кентербери на строительство гимназии за их воротами для бедных мальчиков их монастыря и назначение специального мастера или ректора, и очевидно, что, хотя существовали некоторые сомнения относительно канонической уместности применения милостыни в этом направлении, образование бедных детей было обычной частью деятельности монастырей[19].

ГЛАВА VI ДИСЦИПЛИНА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

§ 80.

Главной целью этой книги было объяснить расположение и использование различных зданий монастыря, и в ходе ее написания делались ссылки на несколько ведущих черт жизни, которую вели в них. Этот набросок может быть дополнен несколькими краткими заметками об устройстве монашеской дисциплины и обычной жизни дома. Настоятель был главой и отцом дома, который председательствовал в капитуле и отвечал за надлежащее исправление заблуждающихся братьев и рассмотрение жалоб, которые монахам и каноникам рекомендовалось публично высказывать на ежедневных собраниях капитула. Его обязанности, однако, были в значительной степени делегированы настоятелю, который был должностным лицом, отвечающим за поддержание порядка в монастыре[20]. Там, где приор был главой дома, заместитель приора занимал эту второстепенную должность. В монастырях, где число братьев было большим, как в Льюисе или Питерборо, приору помогали в монастыре другие монахи, которые были известны как младший приор, а также третий и четвертый приоры. Старое название младших настоятелей было *circae* или *circatores*: в их обязанности входило совершать периодические обходы с инспекцией в монастыре и дортуарах. Но, помимо этих дисциплинарных чиновников, были и другие чиновники, каждый из которых руководил особым отделом монастыря. Их должности, выполняемые по поручению настоятеля, назывались послушаниями (*obedientiae*), а сами они были известны под общим названием послушники (*obedientarii*). В крупных монастырях у настоятеля были свои домашние чиновники, выбранные из монахов: в Питерборо в 1440 году у него был свой собственный сенешаль, приемник или судебный пристав, келарь, камергер и капеллан[21]. Из послушников, обычно находившихся при монастыре, двое, регент и ризничий, отвечали за церковь. Регент отвечал за пение, руководство процессиями, а также за ремонт и надлежащее внесение записей в библиографические книги: он также, как и в Барнуэлле, исполнял обязанности библиотекаря (*армариуса*). Ризничий управлял часами, колоколами, светильниками и украшениями церкви. Иногда им помогал в их служении преемник или заместитель певчего и помощник ризничего. Ризничий в Питерборо был освобожден от присутствия в квайре, за исключением некоторых праздников. То же самое оправдание по более очевидным причинам относилось к келарю и раздавщику милостыни, а также к монахам, занимавшим должности казначея и мастера работ, второй из которых контролировал ремонт церкви и монастыря. Келарь и раздаватель милостыни

неизменно имелись во всех монастырях. Келарь был главным средством связи между домом и внешним миром: он торговал, ездил на ярмарки, закупал необходимую провизию и мебель. На обязанности раздающего милостыню уже было обращено внимание: ему и келарю часто помогали помощник раздающего милостыню и младший келарь. Келарь, чья касса обычно находилась по соседству с *келлиарием* и кухней, находился в тесном контакте с братарем (*refectorarius*) и китченером (*coquinarius*), главными обязанностями которых были организация приема пищи в братстве и регулирование деятельности повара и его помощников[22]. Он также, как мы видели, был в некоторой степени ответственен за гостеприимство в доме, которым управлял непосредственно хозяин гостиницы (*госпитариус*). Не менее необходимыми для управления монастырем были лазарет (*infirmarius*), который присматривал за братией в лазарете, а иногда, как в Питерборо, имел свое отдельное жилье по соседству, и камергер (*камерариус*), который заботился об одежде братьев и их постельных принадлежностях в общежитии. Получатель (*receptor*), казначей (*thesaurarius*) или казначей (*bursarius*) собирал арендную плату деньгами: сборщик урожая или грейнджер (*granatarius*) собирал десятину в виде зерна, принадлежащего монастырю, и снабжал келаря его запасами хлеба и пива. Эти офисы, конечно, различались в разных домах, и в позднем средневековье некоторые встречались в комбинации; но, поскольку потребности всех орденов были в некоторой степени одинаковыми, различия незначительны[23]. Каждый был обязан ежегодно или ежеквартально отчитываться о своем управлении, и там, где такие отчеты сохранились, информация, которую они дают, представляет наибольшую ценность с социальной и экономической точки зрения.

§ 81.

К расписанию монашеского дня в церкви и обители следует относиться с вниманием к тому факту, что день между восходом и заходом солнца был разделен, независимо от времени года, на двенадцать равных частей. Таким образом, зимой часы были примерно на двадцать минут короче, чем летом, и с учетом этого в зимние месяцы был принят иной порядок, который начинался в день Святого Креста (14 сентября) и продолжался до Пасхи. Искусственное освещение в монастыре после захода солнца было невозможно, и поэтому зимой братия ложилась спать раньше. Их ночь делилась на две равные части, между которыми совершалась ночная заутреня, за которой следовали хвалебные песнопения. Правило святого Бенедикта предусматривало нераздельную ночь с заутреней в качестве первой дневной службы, совершаемой до рассвета; но общая практика, которой следовали все ордена, заключалась в том, чтобы вставать посреди ночи к заутрене и после нее возвращаться в общежитие. В Дареме монахи одевались при свете крессетов — чаш, наполненных маслом и плавающими фитилями, установленных в углублениях в квадратных каменных подставках по обоим концам коридора. В большинстве монастырей братия входила и выходила из церкви процессией до и после заутрени по ночной лестнице, а время между одеванием и сигналом идти в церковь было занято частной молитвой. После подготовительных псалмов служба началась с призыва, который включал псалом *Venite exultemus*. Она была разделена на ночные часы, каждый из которых состоял из группы псалмов, за которыми следовали три урока: в обычные дни утреня состояла из одного ночного часа, но в большинство праздничных дней их было три. Последовали похвалы: это богослужение получило свое название от трех заключительных псалмов псалтири, известных по их вступительным словам, *Laudate Dominum*, как *похвалы*. Вся ночная служба была значительной по продолжительности - фактически равной продолжительности дневных часов

вместе взятых — и была дополнительно увеличена за счет добавления службы Богоматери и в определенные дни *Плацебо*, или заутрени по усопшим. Когда все закончилось, братья вернулись в постель и встали на рассвете зимой, на рассвете летом, в первый час дня, когда помощник приора отпирал дневную лестницу и в церковь можно было войти через обычную дверь из монастыря.

§ 82.

Дневные часы произносились каждые три часа, как следует из их названий: первое число — первое, второе - третье, шестое - шестое, девятое - ни одного. Летом за премьерой в бенедиктинских и цистерцианских домах последовал капитул. Это началось со стихотворения *Pretiosa* ("Поистине дорога в очах Господа смерть Его святых"), которое предшествовало мартирологу или перечислению святых, поминаемых в этот день: за ним последовал некролог, или список мертвых, которых следует поминать, и глава правила с проповедью или комментарием. Работа каждого монаха была распределена на день, и собрание завершалось *высказываниями* или индивидуальными жалобами, публичными признаниями и исправлениями главы дома. Перерыв между капитулом и терцией был занят монахами, занятыми работой в монастыре или в своих различных кабинетах. За Терцией последовала месса капитула, во время которой в Дареме половина монахов, состоящих в сане священника, отслужили свои частные мессы. Другая половина отслужила мессу во время великой мессы, которая была отслужена примерно через час после мессы капитула и непосредственно перед секстом. В течение этого времени не принималось никакой пищи. Хлеб, замоченный в вине (*микстум*), разрешался тем, чьих сил едва хватало на долгое утро. В премонстратианском ордене, где, как и в домах августинцев, месса капитула, по-видимому, исполнялась сразу после начала, а за капитулом после перерыва следовала терция, *микстура* после терции раздавалась немощным и послушникам. Все свободные промежутки времени были заполнены работой, и строго соблюдалась тишина, все необходимые разговоры происходили в гостинной.

§ 83.

Первая трапеза (*prandium*) состоялась в полдень во братстве, вскоре после шестнадцатилетия. Во время трапезы недельный чтец, принявший трапезу раньше остальных, занимал кафедру и читал из Библии или какой-нибудь благочестивой книги. Молитва после трапезы завершилась *Miserere*, которая была спета во время процессии по монастырю, а заключительные слова были произнесены в церкви. Затем братия удалилась отдыхать в дортуар, пока никого не было. Время между "ником" и вечерней - службой, которая по своей общей структуре соответствовала "хвалу", - заполнялось разного рода работой. После вечерни и обычного богослужения наступил ужин (*caena*). В промежутке между ужином и повечерием (*completorium*), последней службой, члены монастыря собирались в капитуле для сопоставления, на котором зачитывались *Collationes* Кассиана или главы из какого-либо другого монашеского автора. Вечернее богослужение завершило день, хотя во времена ослабления дисциплины возник обычай засиживаться допоздна в теплице, что требовало исправления от посетителей епископата. Строгое правило, однако, требовало, чтобы братья отправлялись в общежитие

сразу после повечерия и чтобы все двери в церкви и монастыре были заперты до утра. В Дареме помощник приора ближе к середине ночи обошел общежитие, чтобы убедиться, что все в порядке. Это правило требовало постоянной бдительности со стороны офицеров, особенно в том, что касалось соблюдения тишины и предотвращения накопления братьями частной собственности.

§ 84.

Зимой между началом и терцией исполнялась утренняя месса или капитул, а за терцией следовала капитул. Затем следовала торжественная месса и секст. Между секстом и никем монастырь не работал. После ни одного из них не последовала полуденная трапеза, и остаток дня прошел как обычно до повечерия, за исключением отдыха после приема пищи, который в сезон долгих ночей не требовался. В орденах, в которых большую роль играл ручной труд — например, в цистерцианском и премонстратенском — для такой работы отводилась особая часть дня. Цистерцианцы работали утром между капитулом и терцией, аднем - между "нет" и вечерней. Зимой они обычно работали от главы к главе до ничегонеделания, очевидно, не разговаривая наедине по сексту; в Великий пост они также не произносили ни слова за своей работой и не ели до окончания вечерни. Их периодами чтения и созерцания были промежуток между заутреней и хвалебными песнопениями во все времена года, время между утренней мессой и секстом летом (поскольку в таком порядке, по-видимому, изначально не было высокой мессы перед секстом) и часть промежутка между вечерней и повечерием. Каноники премонстратензии работали летом от капитула до терции, а во время сенокоса и сбора урожая большую часть дня проводили в полях, обсуждая свои часы наедине, а при необходимости обедали и спали на полях. Зимой работы велись после уборки. Домонстратинские часы для чтения были между секстом и полуденной трапезой летом или без нее зимой, и снова после "без нее" или после полуденной трапезы до вечерни. Летом каноникам разрешалось ежедневно пить вино перед вечерней в братстве. Порядок повседневной жизни в различных орденах в равной степени применим к женским религиозным домам, где должностные лица соответствовали таковым в мужских монастырях, ночные и дневные часы были указаны, и капитулы проводились по тому же образцу, и единственным важным отличием было то, что приходилось приглашать капелланов для служения мессы и личной исповеди, час, для которого во всех орденах обычно был после капитула.

§ 85.

Вполне вероятно, что обряды всех орденов за два столетия до подавления имели тенденцию становиться очень похожими. Записи о посещениях в пятнадцатом веке показывают, что между обычаями монахов-бенедиктинцев и августинианскими канонами почти не стало разницы: предписания, переданные в дом одного ордена, почти в тех же выражениях повторялись в доме другого. Однако картезианский орден стоял особняком от остальных в силу своих аскетических правил — даже более строгих и бережливых, чем те, которым следовали ранние цистерцианцы. Каждый монах жил своей собственной жизнью в своей келье, посещая церковь для вечернего служения, ранние мессы и вечерню, а также братство для полуденной трапезы и ужина по воскресеньям и в определенные праздничные дни, но в остальном совершал свои служения в

одинокестве и подавал два приема пищи в день через люк в стене своей кельи. По воскресеньям и праздничным дням все часы, кроме повечерия, читались в церкви, и проводились две главы, одна после начала, а вторая после окончания. В этой жизни одинокого аскета, преданного созерцанию и лишенного даже полевых работ и земледелия, которые были частью деятельности самых строгих орденов, более поздние средневековые настроения находили много поводов для восхищения; и популярность картузианцев в четырнадцатом и пятнадцатом веках, вероятно, была признанием их приверженности примитивной простоте, от которой отказались более старые и величественные дома.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Ранняя монашеская история. См. Кембриджскую средневековую историю, том. I, стр. 521-42 (автор Дом Э. К. Батлер, настоятель Даунсайда). Полную библиографию можно найти на стр. 683-7 того же тома.

В. Религиозные ордена. (1) Монахи-бенедиктинцы. Правило Святого Бенедикта было отредактировано домом Э. К. Батлером, Фрайбург-им-Брайсгау, 1911. В серии "Королевская классика" есть перевод аббата Гаске.

(2) Картезианские монахи. См. Х. В. ле Бас в Йорке. Археол. Журнал, XVIII, 241-52.

(3) Монахи-цистерцианцы. См. Устав цистерцианцев, изд. Дж. Т. Фаулер, 1890 (перепечатано из Yorks. Archaeol. Журнал, с предисловием, содержащим ссылки на оригинальные источники). См. также Дж. Т. Миклтуэйт, Цистерцианский орден (Йорк. Археол. Журнал, XV, 245-68, перепечатано отдельной брошюрой).

(4) Августинские каноны. Буква святого Августина, на которой было основано правило, - нет. CCXI в его *Epistolae*, напечатанном вместе с другими его работами в Migne, *Patrologiae Latinae Cursus*. Правило напечатано Дж. У. Кларком, "Обряды, используемые в Августинском приорате С. Джайлса и С. Эндрю в Барнуэлле, Кембриджшир, Кембридж", 1897, стр. 2-23: смотрите также введение к тому же тому, стр. xxxi-civ, для описания обычаев ордена.

(5) Каноны жильбертин. См. Роуз Грэм, "Святой Жильбер Семпрингемский и Жильбертины", 1902.

(6) Премонстратианские каноны. См. F. A. Gasquet, *Collectanea Anglo-Premonstratensia*, 3 тома., 1906 (Camden Soc., 3-я серия). Некоторые из уставов напечатаны Дж. У. Кларком, указ. соч. стр. 101-4.

(7) Монахини. См. Лину Экенштейн, "Женщины и монашество", Кембридж, 1896.

(8) Монахи. См. *Monumenta Franciscana*, 2 тома., 1858, 1882 (Rolls ser.), под ред. Дж. С. Брюера и Р. Хоуллетта.

Ряд общих документов, имеющих большое значение, прилагаются к отчетам отдельных домов нескольких орденов в книге Дагдейла *Monasticon Anglicanum*, 8 томов., 1817-30, изд. Кейли, Эллис и Бандинель — например, картезианский статутный трактат ... *pro noviciis*, а также *Vita* и *Institutiones Sancti Gileberti*, добавленные к отчетам домов Семпрингемского ордена.

С. Английские монастыри: история. *Dugdale, Monasticon, ut sup.*, содержит тексты большого количества документов, взятых из различных источников, относящихся к подавляющему большинству английских религиозных домов, вместе с тщательно аннотированным описанием каждого дома и списком его глав. Эти отчеты и списки были дополнены и в некоторой степени заменены статьями о нескольких религиозных домах, которые содержатся в публикуемых в настоящее время томах "Истории графств Англии Виктория". Документы в значительной степени отобраны из рукописей различных монастырей, многие из которых сохранились в государственных и частных коллекциях. Некоторые справочники были напечатаны полностью — например, Общество Сертис опубликовало списки аббатств Ньюминстер, Риво и Уитби, а также приоратов Бринкберн и Гисбро, а также списки аббатств Глостер, Хайд и Рэмси, и реестр аббатства Малмсбери появился в серии *Rolls*. Мемориалы аббатства Фонтанов, 2 тома, под ред. Дж. Р. Уолбрана, и Приората Хексхэм, 2 тома, под ред. Дж. Р. Рейна (*Surtees Soc.*), содержат коллекции хартий в дополнение к другим историческим материалам.

Библиография некоторых из наиболее важных источников по истории монашеской жизни помещена в предисловии к книге аббата Гаске "Английская монашеская жизнь", 1904 г., ценному отчету об устройстве и обычаях религиозных домов, за которым следует приложение, содержащее наиболее полный из когда-либо появившихся списков английских монашеских фондов. Аннотированный список (*The English Student's Monasticon*) составляет том. II книги Маккензи Э. К. Уолкотта "Английские священники", 1879.

Большое количество монастырских хроник было напечатано в серии "Рулоны". Период до нормандского завоевания представлен "Хроникой монастыря Абингдон", "Историей монастыря С. Томаса из Элмхэма". *Augustini Cantuariensis, "Liber Monasterii de Hyda"*, "Хроника аббатства Рэмси" и "Жизнеописание С. Освальди" (в "Историках Йоркской церкви", том I). Более поздняя история содержится в "Монашеских анналах", 5 томах. ("Анналы аббатств Бермондси, Бертон, Маргам, Осени, Тьюксбери и Уэверли", а также монастырей Данстейбл, Винчестер и Вустер), "Хроника аббатства Ившем", "История и картуляриум монастыря С. Петри Глостри", 3 тома., "Хроника монастыря Мельса (Мо)", 3 тома., "Веста аббатства Уолсингема" *S. Albani, 3 vols., Registra quorundam abbatum S. Альбани* (15 в.), 2 тома., и Мемориалы аббатства Святого Эдмунда, 3 тома. Хроники Джослин из Бракелонда и другие были напечатаны Кэмденским обществом среди их публикаций: в "Королевской классике" есть перевод Джослин.

Что касается таможенных книг, монастырских бухгалтерских книг и т.д., то можно обратиться к библиографии аббата Гаске, *ut sup.*, где также есть примечания к печатным изданиям монашеских посещений и епископальным реестрам. Реестры архиепископов Йоркских Гиффарда и Викуэна (ред. У. Браун для *Surtees Soc.*) и архиепископа Ромейна, которые вот-вот выйдут под той же редакцией, содержат много ценных документов, касающихся посещений монастырей. Настоящий автор занимается изданием аналогичных документов из епископальных реестров Линкольна для *Lincoln Record Soc.*, из которых vol. I (1420-36) сейчас находится в печати.

Три книги последнего времени имеют первостепенное значение для изучающих историю монашества, а именно: (1) "Обряды Барнуэлла" Дж. У. Кларка, уже упомянутые; (2) "Описи церкви Христа", Кентербери, изд. У. Х. Сент-Джон Хоуп и Дж. Уикхэм Легг, 1902; (3) "Обряды Дарема", изд. Дж. Т. Фаулер, 1903 (прим. сост.), примечания к которым представляют собой кладезь информации о монастырских обычаях, ритуалах и т.д.

Д. Английские монастыри: архитектура и план. Не хватает общих трактатов по этому предмету; но "Отчет о монастырской архитектуре" К. Энлара, *Manuel d'Archéologie française*, Париж, 1904, II, 1-57, применяется, с *соответствующими изменениями*, к английским монастырям и содержит общую библиографию.

Основа изучения бенедиктинского плана была заложена профессором Уиллисом в его статьях о Вустерском соборе и монастыре (*Archaeol. Journal*, vol. XX), а также в "Архитектурной истории монастырских зданий монастыря Крайст-Черч" в Кентербери, 1869 г. "Архитектурная история собора Эли" Д. Дж. Стюарта, 1868 г., является еще одной замечательной работой того же периода. Другими важными работами являются заметки Дж. Т. Миклтуэйта о зданиях Вестминстерского аббатства (*Archaeol. Journal*, тома. XXXIII, LI), Заметки У. Х. Сент-Джона Хоупа о бенедиктинском аббатстве Святого Петра в Глостере (*Там же*. vol. LIV) и Архитектурная история соборной церкви и монастыря Святого Андрея в Рочестере (перепечатано из *Archaeol. Cantiana*, 1900), "Рассказы об аббатстве Питерборо" К. Р. Пирса (*Vict. Co. Hist. Northants*, vol. II), "Аббатство Сент-Олбанс" К. Р. Пирса и У. Пейджа (*Там же. Херц*, т. II) и из приората Винчестерского собора К. Р. Пирса и Х. Брэкспира (*Там же. Хантс*, том. V) и Тайнмутский монастырь У. Х. Ноулза (*Archaeol. Journal*, том. LXVII). "Вестминстерское аббатство" Ф. Бонда, 1909, - превосходно написанный и хорошо иллюстрированный том.

План картезианца рассматривается мистером Хоупом в монастыре Маунт-Грейс (Йорк). *Archaeol. Journal*, vol. XVIII, с историческими статьями Х. В. ле Баса и У. Брауна) и в Лондонском Чартерхаусе и его старом водопроводе (*Archaeologia*, vol. LVIII).

Особенностям цистерцианского ордена уделялось много внимания: см. Э. Шарп, "Архитектура цистерцианцев" (журнал *R.I.B.A.*, 1870-1, стр. 189-210), и Дж. Т. Миклтуэйт, "Цистерцианский план" (Йорк. *Archaeol. Журнал*, том. VII). Главная монография о цистерцианском плане - "Аббатство фонтанов У. Х. Сент-Джон Хоуп" (Йорк. *Archaeol. Журнал*, том. XV, перепечатано отдельно, 1900), а также в "Аббатстве Киркстолл" того же автора (*Thoresby Soc. Публикации*, том. XVI) добавлено эссе Дж. Билсона об архитектуре цистерцианцев, перепечатанное с некоторыми изменениями в *Archaeol. Журнал*, том. LXVI. Можно отметить, что мистер Хоуп, среди других открытий, впервые установил в своем аббатстве Фонтанов использование цистерцианского нефа в качестве помещения для *conversi*, устройство цистерцианской кухни и факт исчезновения *conversi* из цистерцианских домов после середины четырнадцатого века. Мистер Хоуп далее обсудил цистерцианские аранжировки в аббатстве Святой Марии в Фернессе (Камб. и Вестм. *Antiq.* и Археол. Соч. Пер., т. XVI, переиздано в 1902 году), а также с Х. Брэкспиром в аббатстве Болье (*Archaeol. Journal*, том. LXIII) и аббатстве Жерво (Йорк. Археол. Журнал, вып. XXI). Монографии мистера Брэкспира включают информацию О первой церкви в Фернессе (ланк. и чеш. *Antiq. Соч. Пер.*, т. XVIII), Церковь аббатства Хейлз (Археол. Журнал, т. LVIII; см. также Бристоль и Глоук. Археол. Соч. Пер., т. XXIV), аббатство Пайпвелл (доц. Архит. Соч. Отчеты, т. XXX), аббатство Стэнли (увядает. Археол. Журнал, том. XXXV) и аббатство Уэверли

(Surrey Archaeol. Soc., 1905). См. также Р. В. Пол, Церковь и монастырь аббатства Доре (Бристоль и Глоук. Археол. Соч. Пер., том. XXVII).

О планах Ключника читайте в книге мистера Хоупа "История архитектуры приората Святого Панкратия в Льюисе" (Archaeol. Journal, vol. XLI; см. также Sussex Archaeol. Коллекции, тома. XXXIV, XLIX) и Castleacre Priory (Norfolk Archaeologia, том. XII).

Основными монографиями о домах августинских каноников являются "Рептонский монастырь мистера Хоупа" (Derby Archaeol. Соч. Пер., т. VI, VII; Археол. Журнал, том. XLI), аббатство Хоуп и Брэкспир в Хогмонде (Археол. Журнал, том. LXVI), и План церкви и монастыря Святого Августина Р. В. Павла в Бристолье (Archaeologia, vol. LXIII). См. также J. W. Clark, Observancies of Barnwell, *ut sup.*, С. С. Hodges, Хексемское аббатство (*sic*), 1888, и серию статей J. F. Hodgson о планах августинских церквей (Archaeol. Журнал, тома. XLI-XLIII). Мистер Брэкспир описал два дома августинских каноников, а именно Бернхемское аббатство (*Там же.*, vol. LX; см. Bucks. Archit. и Archaeol. Soc. Записи, том. VIII) и аббатство Лаккок (Archaeologia, том. LVII; см. Также Wilts. Археол. Журнал, вып. XXXI).

План Жильбертин изложен мистером Хоупом в "Приорате жильбертин в Уоттоне" (Archaeol. Journal, vol. LVIII).

Мистер Хоуп также отвечает за серию статей о различных премонстратианских аббатствах, а именно. Алнвик (Archaeol. Journal, vol. XLIV; см. также Archaeologia Aeliana, том. XIII), Дейл (Derby Archaeol. Соч. Пер., тома. I, II), Святой Агаты (Йорк. Археол. Журнал, том. X), святой Радегунды (Археол. Кантиана, том. XIV), Шап (кумб. и вестм. Antiq. и Археол. Соч. Пер., том. X) и Уэст-Лэнгдон (Археол. Кантиана, том. XV). См. также Дж. Ф. Ходжсон, аббатство Эгглстон (Йорк. Археол. Журнал, том. XVIII).

Планы монастырей см. в книге мистера Хоупа "Уайтфрайарз, или Кармелиты Хална" (Archaeol. Journal, vol. XLVII) и А. В. Клэпхэм, О топографии Лондонского Доминиканского приората (Archaeologia, vol. LXIII).

Приведенный выше список охватывает наиболее важный вклад в эту тему, внесенный за последние годы. Многие планы других монастырей с краткими описаниями можно найти в отчетах о летних собраниях Королевского археологического института в последних томах Archaeol. Дневник, а также планы главных монастырей в различных томах "Строителя". Планы Дарема мистера Хоупа приведены в "Обрядах Дарема", *ut sup.* С дальнейшими планами можно ознакомиться в топографических разделах "История округа Виктория" и "История Нортумберленда" (в настоящее время ведется).

Не следует забывать об исторических монографиях о религиозных зданиях, в которых уделяется внимание планировке и архитектурным особенностям. В качестве примеров можно привести "Аббатство Бошиф" С. О. Адди, "Истории аббатств Нит и Маргам" доктора У. де Грея Берча, "Кроксенское аббатство" К. Лайнама и "Цистерцианское аббатство Страта Флорида" С. У. Уильямса. Путеводителям, как правило, нельзя доверять, но официальный путеводитель по аббатству Тинтерн, за архитектурную часть которого отвечает мистер Брэкспир, и путеводитель Ф. Блая Бонда по аббатству Гластонбери являются одними из заметных исключений.

Статьи, представляющие большую историческую ценность, можно найти под различными заголовками в Словаре христианских древностей Смита, Британской энциклопедии и Католической энциклопедии. Нет необходимости подробно останавливаться на них.

СНОСКИ

[1] *Конверси* были обнаружены в домах других орденов, например августинианского, но их положение в таких случаях было менее определенным, чем в цистерцианском ордене. *Конверси* мужского пола были прикреплены к домам цистерцианских монахинь: примеры этого известны в Линкольншире и Йоркшире.

[2] В 1301 году монахам-бенедиктинцам Глостера разрешалось доставать платье и капюшон из гардероба не реже одного раза в год, повседневные туфли - раз в 18 месяцев, сапоги - раз в пять лет, пары шерстяных рубашек (*langelli*) - раз в четыре года. При необходимости они могли сменить толстую или тонкую тунику, свой пуховый плащ или меховую накидку (*pellicea*), обычные сапоги, нижнюю рубашку (*тычинки*) и штаны (*бедренные кости*).

[3] В 1230 году монахи монастыря Святого Иакова в Бристоле, кельи Тьюксбери, подали петицию епископу Вустерскому против освящения доминиканской церкви в приходе Святого Иакова. Различные документы в реестрах Йоркской епископальной церкви между 1279 и 1296 годами касаются соперничества между *custodes* иноземного приората Скарборо и местными доминиканцами. В обоих случаях причиной неприязни было отвлечение монахами пожертвований, причитающихся приходскому алтарю.

[4] Исторический рост английской приходской церкви, 1911, стр. 11-15.

[5] В Уэверли, в конце двенадцатого века, было 70 монахов, 120 *обращенных*. О том, что монахам иногда было трудно управлять *conversi*, свидетельствуют действия аббата Ричарда (1220-1235) в Мо, который удалил их из гранжей и ограничил черной и ремесленной работой.

[6] Порядок, в котором были построены части монастыря, соответствовал непосредственным потребностям монастыря. Таким образом, в Ившеме восточная часть церкви и восточная часть монастыря были построены первыми; братство и западная часть с постоянными внешними зданиями и остальной частью церкви были закончены только позже. В Мо временное двухэтажное здание с церковью наверху и дортуаром внизу использовалось в течение нескольких лет, пока не были готовы постоянные здания.

[7] В Сент-Олбансе, где у нас есть много информации о библиотеке, две трети десятины поместий в Хэтфилде и несколько десятин в Редборне были распределены между 1077 и 1098 годами *ad volumina ecclesiae* (то есть церковных книг) *facienda*.

[8] В Ившеме две кассы послушников находились в подвале общежития. Здесь же находился мизерикорд, дверь в который вела в сад лазарета. Приют для кровотечений представлял собой сводчатое помещение под приемным покоем.

[9] Упоминания, касающиеся водоснабжения, часто встречаются в монастырских хрониках. В 1216 году, когда старый источник в Уэверли пересох, монах по имени Саймон направил воду из нескольких источников по водопропускной трубе в канал, который назывался источником Святой Марии. Новая уборная в Малмсбери была закончена в 1284 году.

[10] Ежедневная помывка (*mandatum*), или омовение ног, проводилась в уборной; это хорошо видно у фонтанов, где монахи сидели на верхнем выступе, опустив ноги в корыто внизу.

[11] Верхняя ступень, вероятно, была сокровищницей, которая, как показывает отчет о наводнении 1265 года, находилась на верхнем этаже.

[12] В бенедиктинских домах использование мизерикорда монахам с обычным здоровьем было разрешено в более ранний период. Аббат Колерн (1260-96) в 1292 году издал правила для ежедневного использования мизерикорда в Малмсбери определенным числом монахов.

[13] Джослин Бракелонд говорит, что во время кровопускания "монахи имеют обыкновение открывать друг другу сердечные тайны и совещаться вместе", и описывает, как в такое время, на вакантной должности перед своим избранием настоятелем Бери, Самсон подсакторист сидел в тишине, улыбаясь сплетням братьев.

[14] Аббат Павел (1077-98) постановил, что *минуты* в Сент-Олбансе вместо мясных пирожков следует подавать блюдо из соленой рыбы и ломтиков пирога, известное как "карпи".

[15] В Сент-Олбансе рядом с лазаретом была большая *камера* для немощных настоятелей. Это здание, известное как *пикторий* или расписная палата, было разрушено восставшими арендаторами в 1381 году.

[16] Аббат Брокхэмптон (1282-1316) построил две гостевые комнаты в Ившеме на сводчатых чердаках с западной стороны *курии*. В 1378 году парламент заседал в гостевом доме и других зданиях Глостера: отчет показывает, как монастырская жизнь была дезорганизована толпой посетителей.

[17] Это произошло из-за перевода часовни из шести монахов и светского священника из Оттрингема в монастырь.

[18] В бенедиктинских монастырях обычно было несколько офисов за пределами участка — например, в Тьюксбери мельница и конюшня для гостей, сгоревшие в 1257 году, были *extra portam abbatiae*. Здание постоянных офисов *курии* в Бери, построенное аббатом Самсоном, описано Джоселин из Бракелонда.

[19] Богадельня в Сент-Олбансе, построенная аббатом Уоллингфордом (1326-1335), включала в себя зал, часовню, покои, кухню, погреб и другие постройки, необходимые для ученых и их учителя.

[20] Настоятель обычно назначался настоятелем, или имена нескольких кандидатов представлялись монастырю для избрания. Джослин из Бракелонда подробно рассказывает об избрании настоятеля в Бери.

[21] Домашнее хозяйство аббата в Глостере, управляемое архиепископом Уинчелси в 1301 году, включало пять эсквайров-мирян и несколько слуг-мирян, каждый из которых занимал

определенную должность. Из оруженосцев один был сенешалем гостевого зала, другой маршалом, которому было поручено вести бухгалтерию, третий поваром: двое других были назначены обслуживать стол и спальню настоятеля.

[22] Таким образом, келарь Ившема ежедневно снабжал братство 72 хлебами.

[23] Должностными лицами и послушниками в Ившеме в XIII веке были приор, заместитель приора, третий приор и другие *обычные люди*, регент, настоятель христианской церкви долины Ившем, ризничий, камергер, китченер, два келаря, лазаретчик, раздающий милостыню, смотритель виноградника и сада, мастер ткани, мастер по приему гостей и питансер. Последний чиновник распределял денежное довольствие братьев.

КЕМБРИДЖ: НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ КЛЕЕМ, магистром ФИЛОСОФИИ В UNIVERSITY PRESS

КЕМБРИДЖСКИЕ РУКОВОДСТВА ПО НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Опубликовано издательством Кембриджского университета под общей редакцией П. Джайлса, доктора литературоведения, магистра колледжа Эммануэля, и А. К. Сьюарда, профессора ботаники Кембриджского университета.

Серия удобных томов, посвященных широкому кругу тем и делающих результаты современных исследований и интеллектуальной деятельности доступными как для студента, так и для обычного читателя.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 42 Древняя Ассирия. Преподобный К. Х. У. Джонс, литтл.Д.
- 51 Древняя Вавилония. Преподобный К. Х. У. Джонс, литтл.Д.
- 40 История цивилизации в Палестине. Автор: профессор Р. А. С. Макалистер, М.А., F.S.A.
- 78 Народы Индии. Дж. Д. Андерсон, магистр медицины
- 49 Китай и маньчжуры. Автор: профессор Х. А. Джайлс, доктор права
- 79 Эволюция Новой Японии. Автор: профессор Дж. Х. Лонгфорд.
- 43 Цивилизация Древней Мексики. Льюис Спенс.
- 60 Викингов. Автор: профессор. Аллен Мавер, магистр медицины
- 24 Новая Зеландия. От достопочтенного. Сэр Роберт Стаут, К.К.М.Н., доктор права, и Дж. Логан Стаут, доктор права (Нью-Йорк).
- 90 Австралия. Автор: профессор Дж. У. Грегори.
- 85 Военная история. Достопочтенный Дж. У. Фортескью.
- 84 Королевский военно-морской флот. Джон Лейланд.
- 76 Морская война. Дж. Р. Терсфилд, магистр искусств
- 15 Первый план Английской приходской церкви. А. Гамильтон Томпсон, магистр, Ф.С.А.

- 16 Исторический рост английской приходской церкви. А. Гамильтон Томпсон, магистр, Ф.С.А.
- 68 Английских монастырей. А. Х. Томпсон, магистр искусств, Ф.С.А.
- 50 латуней. Автор: Дж. С. М. Уорд, Б.А., F.R.Hist.S.
- 59 Старинные витражи и роспись по стеклу. Ф. С. Иден.
- 80 Грамматика английской геральдики. Автор: У. Х. Сент Дж. Хоуп, литтл.Д.
- 87 Эволюция чеканки монет. Г. Макдональд, К.Б.н., Ф.Б.А., доктор права.

ЭКОНОМИКА

- 70 Партнерских отношений в промышленности. К. Р. Фэй, магистр
- 6 Наличные и кредит. Д. А. Баркер.
- 67 Теория денег. Д. А. Баркер.
- 86 Экономика и синдикализм. Автор: профессор А. В. Киркалди.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 8 Ранняя религиозная поэзия евреев. Преподобный Э. Г. Кинг, д.э.н.
- 21 Ранняя религиозная поэзия Персии. Автор: преподобный проф. Дж. Хоуп Моултон, Д.Д.н., Д.Теол. (Berlin).
- 9 История английской Библии. Автор: Джон Браун, д.Д.
- 12 английских диалектов с восьмого века до наших дней. Автор: У. В. Скит, доктор литературы, D.C.L., F.B.A.
- 22 Король Артур в истории и легендах. Автор: профессор У. Льюис Джонс, магистр медицины
- 54 Исландские саги. У. А. Крейги, доктор права
- 23 Греческая трагедия. Дж. Т. Шеппард, магистр искусств
- 33 Баллада в литературе. Т. Ф. Хендерсон.
- 37 Гете и двадцатый век. Автор: профессор Дж. Дж. Робертсон, магистр, доктор философии.
- 39 "Трубадуры". Преподобный Х. Дж. Чейтор, магистр искусств
- 66 Мистицизм в английской литературе. Автор: Мисс К. Ф. Э.
- Осетрина.
- 89 Печатная книга. Гарри Г. Олдис, магистр искусств

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

- 4 Идея Бога в ранних религиях. Автор: доктор Ф. Б. Джевонс.
- 57 Сравнительное религиоведение. Автор: доктор Ф. Б. Джевонс.
- 69 Платон: моральные и политические идеалы. Миссис Дж. Адам.
- 26 Нравственная жизнь и моральная ценность. Автор: проф. Сорли, литтл.д.
- 3 Английские пуритане. Джон Браун, доктор медицинских наук
- 11 Исторический отчет о возникновении и развитии пресвитерианства в Шотландии. Автор: почтенный Rt. лорд Бальфур из Берли, К.Т.н., G.C.M.G.
- 41 Методизм. Преподобный Х. Б. Уоркман, д.лит.

Образование

- 38 Жизнь в средневековом университете. Р. С. Райт. Магистр
- 88 Старые грамматические школы. Фостер Уотсон, магистр, доктор литературы.

ЗАКОН

- 13 Отправление правосудия по уголовным делам (в Англии и Уэльсе). Г. Гловер Александер, магистр медицины

БИОЛОГИЯ

- 1 Приход эволюции. Автор: профессор Дж. У. Джадд, С.В., F.R.S.
- 2 Наследственность в свете недавних исследований. Автор: Л. Донкастер, доктор медицинских наук
- 25 Примитивных животных. Джеффри Смит, магистр медицины
- 73 История жизни насекомых. Автор: профессор Г. Х. Карпентер.
- 48 Индивид в животном царстве. Дж. С. Хаксли, Б.А.
- 27 Жизнь в море. Джеймс Джонстон, B.Sc.
- 73 Жемчужины. Автор: профессор У. Дж. Дейкин.
- 28 Миграция птиц. Автор Т. А. Кауард.
- 36 Пауков. К. Уорбертон, М.А.
- 61 Пчелы и осы. Автор О. Х. Латтер, магистр искусств
- 46 Домашних мух. К. Г. Хьюитт, D.Sc.
- 32 Дождевые черви и их союзники. Ф. Э. Беддард, F.R.S.
- 74 Блоха. Х. Рассел.
- 64 Странствия животных. Х. Ф. Гадоу, Ф.Р.С.

АНТРОПОЛОГИЯ

- 20 "Странствия народов". Автор: доктор А. К. Хэддон, Ф.Р.С.
- 29 Доисторический человек. Автор: доктор У. Л. Х. Дакворт.

ГЕОЛОГИЯ

- 35 Горных пород и их происхождение. Автор: профессор. Гренвилл А. Дж. Коул.
- 44 Работа дождя и рек. Автор Т. Г. Бонни, доктор медицинских наук
- 7 Естественная история угля. Автор: доктор Э. А. Ньюэлл Арбер.
- 30 Естественная история глины. Альфред Б. Серл.
- 34 Происхождение землетрясений. К. Дэвисон, доктор медицинских наук, F.G.S.
- 62 Затопленных леса. Автор: Клемент Рид, F.R.S.
- 72 Плодородие почвы. Э. Дж. Рассел, D.Sc.

БОТАНИКА

- 5 Растения и животные: исследование симбиоза. Автор: профессор Ф. У. Кибл.
- 10 Растительная жизнь на суше. Автор: профессор Ф. О. Бауэр, доктор медицинских наук, F.R.S.

- 19 Связи с прошлым в мире растений. Автор: профессор А. К. Сьюард, F.R.S.

ФИЗИКА

- 52 Земля. Автор: профессор Дж. Х. Пойнтинг, F.R.S.
- 53 Атмосфера. Автор: А. Дж. Берри, магистр искусств
- 81 Солнце. Автор: профессор Р. А. Сэмпсон, D.Sc., F.R.S.
- 65 По ту сторону атома. Джон Кокс, магистр медицины
- 55 Физическая основа музыки. А. Вуд, магистр искусств
- 71 Природные источники энергии. Автор: профессор А. Х. Гибсон, D.Sc.

ПСИХОЛОГИЯ

- 14 Введение в экспериментальную психологию. Автор: доктор К. С. Майерс.
- 45 Психология безумия. Бернард Харт, доктор медицины
- "77 прекрасных". Автор: Вернон Ли.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И МЕХАНИКА

- 31 Современный локомотив. К. Эдгар Аллен, A.M.I.Mech.E.
- 56 Современный военный корабль. Э. Л. Эттвуд.
- 17 Воздушное передвижение. Э. Х. Харпер, магистр медицины, и Аллан Э. Фергюсон, B.Sc.
- 18 Электричество в передвижении. А. Г. Уайт, B.Sc.
- 63 Беспроводная телеграфия. Автор: профессор К. Л. Фортескью, магистр наук
- 58 История буханки хлеба. Автор: профессор Т. Б. Вуд, магистр медицины
- 47 Пивоварение. Автор: А. Честон Чепмен, F.I.C.
- 82 Добыча угля. Автор Т. К. Кантрилл.
- 83 Кожа. Автор: профессор Х. Р. Проктер.

"Очень ценная серия книг, которые удачным образом сочетают популярное изложение научной истины с точностью изложения, что в подобных вопросах крайне важно.... По своему общему виду и качеству переплета, печати и бумаги эти тома, пожалуй, являются наиболее удовлетворительными из всех тех, которые предлагают любознательному неспециалисту с трудом заработанные результаты технических и специализированных исследований". — Зритель

"Полный набор этих руководств так же важен для оснащения хорошей школы, как и энциклопедия.... Мы не можем представить себе лучшей серии удобных книг для ознакомления, чем те, что представлены Кембриджскими руководствами". — Школьный мир

Издательство Кембриджского университета

К. Ф. Клей, менеджер

ЛОНДОН: Феттер-лейн, Е.С.

ЭДИНБУРГ: Принсес-стрит, 100

Примечания переписчика

Исправлены незначительные пунктуационные ошибки и опечатки принтера.